

Clan Novel 7 — Assamite

Новелла Клана 7 — Ассамиты

Часть первая: Стоящие рядами

**Суббота, 3 июля 1999 года, 3:18 утра (местное время)
Пещеры десяти тысяч печалей близ Петры, Иордания**

Илия Ахмед, халиф Аламута, молча шел сквозь тьму навстречу своей судьбе. Его сандалии остались за много миль позади, аккуратно разложенные перед порогом пещер. Его ноги, подошвы которых не испытывали огня выжженных солнцем песков пустыни с первых дней жизни Святого Пророка, не сдвинули ни одного камешка, ни одной пылинки с места на песчанике.

Разум Илии был спокоен. Успокаивающее писание возникло в его душе, как прохладный вечерний ветерок, дующий с севера. Он, Аллах, един. Аллах — Тот, от Кого все зависит. Он не порождает и не рождает, и никто не подобен Ему.

Темнота была полной, но халиф ступал уверенно. Бесчисленные проходы ответвлялись от извилистого туннеля, по которому он шел, но целеустремленный шаг Илии ни разу не ослабевал. Никогда прежде он не проходил этим путем, но изгибы грубых коридоров были ему так же знакомы, как плетение его простой муслиновой мантии. Он не мог отрицать того, что влекло его вперед. Он не мог сбиться с пути.

Проходы извивались то в одну, то в другую сторону, казалось, без всякой причины; резкие, спиралевидные изгибы, которые почти встречались сами с собой, широкие дуги на северо-запад, квадратные повороты на юг, зигзаги и загсы, ведущие по касательной на восток, но никогда прямо к восходящему солнцу. Однако среди этого скульптурного хаоса шаги Элайджи Ахмеда всегда вели его вниз, всегда глубже к сердцу земли.

Он, Аллах, един. Аллах — Тот, от Кого зависит все. Он не порождает и не рождает, и никто не подобен Ему.

Когда Илия наконец сделал свой последний шаг, он стоял не в одном из коридоров последних часов, а в огромной камере. Темнота расстилалась перед ним, как пустота, но даже отсутствие света не могло скрыть от его глаз присутствие вестника.

Он восседал на сложенном из мамонтовых камней, ничем не украшенном троне, созданном из горной породы. Герб тоже был без украшений. Его обнаженное детское тело напоминало скульптуру из каменного угля, каждая трещинка, каждая трещинка на закаленной в печи поверхности была зазубренным шрамом, прочертившим, словно черная молния, черное полуночное небо — черное, если не считать полумесяца и горстки белесых звезд. Полумесяц этой полуночи был ожерельем из костей, которое лежало на груди совершенно неподвижного тела герольда. Звезды тоже были костяными, но не были простым украшением; это были кости ур-Шулги, видимые там, где полуночная кожа отслоилась или потрескалась и отпала; это были оболочки сущности герольда, и его мозг был мстью.

Таким было существо, с которым столкнулся Илия Ахмед.

Илия Ахмед, халиф Аламута, один из трехсторонних ду'ат, заглянул в глубокую пустоту, которая должна была быть глазами герольда. Глазницы были расположены под острыми гребнями костей, и зияющее небытие было похоже на обвинение в проступке и нанесении ущерба тысячелетней давности, как будто сам Илия выколол глаза в спортивном или жестоком порыве.

И вестник взглянул на Илию, и вестник увидел.

— Илия Ахмед, — сказал ур-Шулги.

Тотчас же Илия распростерся перед глашатаем. Песчаник, который должен был быть прохладным в чреве земли, обжег лоб халифа. Но он не шелохнулся.

— Дитя Хакима, — произнес глашатай. — Кровь его крови его крови его крови его крови. — Голос Ур-Шулги наполнил палату, как ветер южной пустыни. Его слова жалили, как первые уколы песчаной бури, вырывающей плоть из костей.

— Встань, Илия Ахмед.

Халиф повиновался, даже если бы захотел иного. Он встал на одно колено. Песчаный камень на ощупь стал широким полом пустыни в полдень. Ему не нужно было смотреть на ладони, чтобы понять, что его собственная темная кожа потрескалась: левое колено, на котором покоился его вес, подошва правой ноги, верхняя часть левой. Склонив голову, опустил глаза, Илия не обращал внимания на огонь своего тела и молча отдавал дань уважения вестнику своего господина.

Но поднималась буря.

Ветры пустыни — открытая топка, разожженная яростью древних, — рвали его. Его тонкий муслиновый халат быстро сгорел, как и его волосы, брови и ресницы. Халиф закрыл глаза от жара, но вскоре его веки скрутились, как обгоревшая бумага. У него не было другого выбора, кроме как смотреть на свою расплату.

В тот миг Илия Ахмед познал страх. Это был знак его мудрости. Ибо кто, кроме глупца, не боится развязанной силы небес? В тот же миг Илия понял и невысказанный вопрос, обретший форму в этом огненном ветре пустыни:

Кто дает тебе жизнь, Илия Ахмед?

Илия больше не мог рассуждать, так велик был жар, но перед лицом этой проблемы ему не нужен был разум. Вопрос был не нов для него; он мучил его, сколько он себя помнил, еще до того, как мудрый Фетмес заключил его в объятия бесконечной смерти, с тех самых пор, как Илия шел по стопам святого пророка. Из глубины души Илии, словно тыква, окунутая в оазисный колодец, поднялся ответ.

Аллах дает мне жизнь.

Огненный ветер разросся до бушующего водоворота. Он ревел в ушах Илии, эти хрупкие оболочки плоти начали таять и стекать по бокам его лица. Его обнаженные глаза тоже подверглись нападению бури. Слезы высохли прежде, чем он успел их выплакать.

И вот герольд уже не сидел в другом конце зала на своем огромном троне. Он не двигался, но теперь ур-Шулги неподвижно стоял перед Илией, всего в нескольких дюймах от халифа. Угольно-черная кожа герольда сияла на фоне жестокости вихря.

— Молодой Аллах, — сказал ур-Шулги. — Ты уверен, дитя Хакима?

Теперь лицо Илии было перевернуто, хотя он не помнил, чтобы двигался. Его глаза превратились в лужи крови, когда нежная плоть распалась под яростью ур-Шулги. Кожа халифа трескалась и отслаивалась. Когда последние остатки зрения улетучились, Илия не осознавал, не мог осознавать вечный миг, в который он ничем не напоминал вестника, перед которым стоял на коленях. Илия хотел открыть рот, хотел говорить, но мышцы его челюсти не поддавались, а язык превратился в тлеющий комок.

Когда плоть сгорала, одно убеждение звучало из глубины души Илии Ахмеда: Хаким растянул, мое существование, но именно Аллах дал мне жизнь. Он, Аллах, един. Аллах — Тот, от Кого все зависит. Он не порождает и не рождает, и никто не подобен Ему.

— Очень хорошо, — сказал ур-Шулги. Его слова проникли в разрушенные уши Илии, в разум, который был вне боли. — Во имя Старейшего я возвращаю то, что принадлежит ему по праву.

Не успели эти слова прозвучать, как почерневшая фигура, бывшая Илием Ахмедом, халифом Аламута, извергла кровь Хакима в большой глиняный горшок.

Много часов спустя ветры улеглись, и все снова стало безмолвной тишиной пустоты.

Пятница, 9 июля 1999 г., 1:10 AM
Зал Ихвана, Аламут, Восточная Турция

Восемь убийц молча кружили вокруг Фатимы аль-Факади. Они внимательно наблюдали за ней и проверяли вес своих различных клинков.

Фатима тоже наблюдала за ними. Ей не нужно было проверять джамбию в правой руке. Тонкий кинжал со слегка изогнутым кончиком был ей знаком, как ее собственные миндалевидные глаза, смотрящие на нее из зеркала. Сколько ночей она носила его на поясе? Сколько душ она забрала на благо Хакима?

Она медленно поворачивалась в центре нападавших и отмечала признаки, которые они еще не научились полностью скрывать, признаки, которые были бы незаметны для большинства, но говорили Фатиме то, что ей нужно было знать о том, кто из убийц нанесет удар первым.

Фатима знала их имена, но это знание хранилось в той части ее сознания, которая на данный момент уступила контроль более первобытному осознанию, навыкам, которые отрабатывались и использовались веками, пока ее натренированные реакции не стали более инстинктивными, чем сам инстинкт.

Пока что круг убийц представлял собой набор поз, наклонов головы, оружия, осторожных движений. Поворачиваясь, Фатима замечала множество деталей и расставляла приоритеты: Оманец держал меч длиной три с половиной фута; ирландец, единственный светлокожий в группе, орудовал молотом. У остальных были небольшие клинки разного дизайна, хотя алжирец и египтянин нарушили традицию выбора оружия предков. Тамильский тигр держал свою пиха-каетту на дюйм

или два ниже, чем следовало. Поза курдского сепаратиста была немного неправильной; его плечи были напряжены вместо расслабленных и гибких.

Восьмерка кружила, почти незаметно приближаясь.

Без предупреждения Фатима сделала выпад кинжалом вправо. Когда убийцы среагировали на ее выпад, она ударила левой ногой и подставила колено оманцу. Его меч шмякнулся на каменный пол, и он рухнул, его нога оказалась под явно неестественным углом к остальному телу.

Не успел стихнуть его первый стон, как Фатима отпрыгнула с пути удара, направленного ей в спину — она знала, что он последует, вопрос был только в том, от кого? Русская. Бывшая сотрудница КГБ, единственная другая женщина, присутствующая в зале. Одновременно Фатима перехватила запястье русской, вывернула руку женщины так, что ее собственный кинжал вонзился ей в спину, и переместила ее на путь дуги боевого молота.

Атака ирландца зацепила русского площадью поперек виска. Резкий треск эхом отразился от каменных стен Зала Братства. В тот момент, когда слегка помятый сотрудник КГБ упал, Фатима перехватила предплечье нового нападавшего и для верности вонзила свой кинжал в его жизненно важные органы. Обезоружив его к своему удовлетворению, она нырнула в образовавшуюся брешь в круге, повернулась спиной к стене и, проявив редкое милосердие, подождала, пока остальные пять убийц займут свои позиции.

Но пауза Фатимы не была актом благожелательности. Эти убийцы были ее учениками. Когда почти половина их числа была выведена из строя менее чем за тридцать секунд, могла начаться паника или, по меньшей мере, разочарование. Если

она победит их всех в такой короткий срок, Фатима не сможет наблюдать за их реакцией на безвыходную ситуацию.

Поэтому она ждала и наблюдала. Босые ноги бесшумно ступали по прохладному камню Аламута.

Пятеро оставшихся убийц осторожно сомкнули ряды. Фатима, хотя она никогда прежде не сражалась с этой группой оффида'и, за эти первые несколько секунд боя ознакомилась с движениями своих противников и оценила угрозу, которую каждый из них представлял для нее: очень небольшую. Когда молот и меч оманца были убраны, а число противников стало пять к одному, шансы резко изменились в пользу Фатимы.

Еще недавно эти фидаи были одними из самых смертоносных смертных, но среди детей Хакима они были младенцами. На каждый из их лет, прошедших с тех пор, как они были приняты в семью, Фатима отводила по столетию. Хотя они были опытными убийцами, они все еще осваивали тонкости вновь обретенной силы в каждом своем мускуле. Были и такие, знала Фатима, кто так и не смог восстановить интуитивное управление своим телом после Становления, те, кто так и не достиг в жизни того баланса между телосложением и темпераментом, который при жизни делал их такими смертоносными. Но эта группа подавала надежды.

Факелы на настенных кронштейнах были единственной мебелью в зале Ихвана, и пламя отбрасывало пляшущие тени на насыщенные коричневые и гладкие оливковые тона лиц убийц. Со временем их кожа потемнеет, став более похожей на кожу Фатимы, и в лоне Аламута они обретут единство, которого лишены недостойные.

Когда они приближались к ней, Фатима не пожалела нескольких секунд, чтобы взглянуть на их лица; среди них не было ни одного, достаточно сильного по крови, чтобы

покориться ее воле. Пять ястребов — отстраненных, сосредоточенных, непостижимых, хищных — смотрели на свою жертву. Из всех пятерых только глаза Курда выражали малейшее волнение. Фатима отметила, что ему, возможно, придется вернуться к прежним тренировкам фида'и, но ее отсрочка, а вместе с ней и момент для размышлений, закончились...

Йеменец закрылся колющей атакой. Его джамбия не пустил кровь, но его удар и не был предназначен для этого. Он продолжал наносить удары. Они носили оборонительный характер и были полезны, чтобы отвести любую атаку Фатимы, так как он маневрировал в ее сторону, надеясь заставить ее повернуться лицом к нему, тем самым открывая ее спину для остальных.

Внезапно правая рука Фатимы взметнулась вверх. Йеменец отбил удар, но джамбия Фатимы теперь была в ее левой руке. Она нанесла удар вверх и рассекла ему живот, а затем, безупречно переложив оружие обратно в правую руку, развернулась, чтобы отразить атаку курда с тыла.

Она намеревалась лишь заставить курда отступить, отклонить его атаку, а затем атаковать Тигра слева от себя. Но курд не уклонился. Он не сделал ни малейшей попытки уклониться от ее удара.

Вместо этого он бросился на ее клинок. Джамбия Фатимы глубоко вонзилась ему в брюхо. Между силой его удара и ее выпадом внутрь и вверх, рукоять и кулак погрузились в его живот, и в тот же миг, за долю секунды до того, как он упал спиной вперед на пол, ханджар курда полоснул Фатиму по предплечью.

Она сразу почувствовала яд, поняла, что это такое.

Джин-джин.

Кожа на ее разорванном предплечье покрылась волдырями и выскочила. Огонь пронзил ее кости до кончиков пальцев. Уже начались мышечные спазмы. Инстинкт взял верх. Не было времени думать о том, как могло произойти это невозможное предательство, из какого квартала оно могло исходить. Фатима переложила оружие в левую руку за долю секунды до того, как судороги сделали правую бесполезной. Она попыталась сжать правую руку в кулак, но не смогла пошевелить даже пальцем.

Огонь распространялся по ее руке.

Фатима долго изучала снадобья убийц, как современные, так и древние. Джин-джин был одним из самых старых, одним из самых непонятных, одним из самых мощных. Немногие вещества, немногие яды оставались смертельными, когда в них попадала кровь Хакима; немногие могли оказаться смертельными для одного из его детей. Джин-джин был одним из этих немногих, и сейчас он струился в жилах Фатимы.

Широкий удар заставил трех оставшихся противников пока держаться на расстоянии. В таких тренировках не было сдачи, только победа или поражение. Поражение для учителя было практически неслыханным, но Фатима столкнулась с худшим, чем позор.

Она прилила кровь к горячей руке. Более слабый яд она могла бы сварить в одно мгновение, ведь она могла превратить собственную кровь в мощный токсин, но джин-джин сопротивлялся ее атакам. Со временем и полной концентрацией она смогла бы очистить яд из своего тела, но сейчас она не могла позволить себе ни того, ни другого. Если она не справится со своими оставшимися учениками, причем быстро, джин-джин продолжит распространяться по ее телу, калеча мышцы. А если она потеряет сознание — а в этом можно

не сомневаться, если ее парализует под ударами учеников, — яд будет разъедать ее внутренности до тех пор, пока не останется ничего, что могла бы исцелить даже кровь Хакима.

Трое убийц теперь казались Фатиме скорее стервятниками, чем ястребами; но какое, спрашивается, дело пустынному зайцу до того, кто лакомится его тушкой — благородный ястреб или беспринципный стервятник? Она уставилась на троих, выискивая на их лицах малейшие признаки соучастия. Заговор среди фида'и? У них не было ни причин, ни способностей, не говоря уже о доступе к джин-джину. Потребовался бы старейшина....

Но правду придется узнать позже — если она выживет.

Алжирец справа от нее увидел возможность в руке, которая бесполезно висела на боку Фатимы. Он набросился на нее, но недостаточно быстро. Фатима отразила его удар левой рукой, почти одновременно, врезалась лбом в его лицо. Крутящийся удар ногой свернул ему шею и оставил двух противников.

Так думала Фатима, пока не заметила движение со стороны упавшего, вероломного курда — курда, который должен был лежать. Он поднимался на ноги — задача усложнялась тем, что под ногами путались его внутренности.

Фатима была удивлена, но не растерялась, как египетский убийца. Его рассеянность дорого ему обошлась. Два быстрых взмаха клинком Фатимы, и он оказался в двойном положении, корчась на полу в агонии.

Теперь Фатима направила удар на Тигра, от которого он легко уклонился; но его уклонение позволило ей вернуть свое внимание к Курду. Он все еще держал свой отравленный клинок, и возбуждение, которое Фатима заметила в его глазах

раньше, уступило место безумию. Он, спотыкаясь, направился к ней.

Рука Фатимы пульсировала от кисти до плеча. Ее кровь боролась с ядом и замедляла его распространение, но, лишенный ее полного внимания, джин-джин разъедал мышцы и нервы. Скоро кости ее руки станут хрупкими и сломаются под собственным весом.

Курд, его глаза, остекленевшие от ненависти и безумия, теперь смотрели на нее. Фатима двигалась, как ей казалось, неуклюже, мертвый вес ее руки мешал маневру, но она достаточно компенсировала его. Одним взмахом руки она столкнула джамбию с ханджаром, и оружие курда шмякнулось на пол. Фатима ударила вверх, и ее клинок распорол ему горло и подбородок.

И все же безумный курд, с кишками за спиной, наседали на нее, несмотря на раны, которые должны были вывести из строя любого ребенка Хакима или Кхайина. Что это было за существо? Фатима не чувствовала в нем старшей крови, но в нем была сила, дикость в его безумных глазах, жестокость, старая как сама земля.

Тигр тоже приближался, стремясь сделать то, что оказалось не под силу его товарищам: нанести решающий удар по их учителю. Был ли он единомышленником или искренним учеником? В любом случае...

Одним плавным движением Фатима повернулась и метнула свой джамбию в шриланкийца. Оружие не было сбалансировано для метания, но сотни лет практики доказали его ценность. Лезвие пронзило гортань и пищевод и осталось на месте. Тигр упал на колени, как будто ему отрезали ноги, а затем рухнул на пол.

Не раздумывая, Фатима крутанулась и ударила ногой. Ее нога отбросила голову курда в сторону. Треск его челюсти почти перекрыл стук зубов о каменный пол. Он упал на одно колено, но не в знак поражения. Его рука метнулась к отравленному ханджару, лежавшему неподалеку.

Фатима выхватила факел из кронштейна и обрушила пылающий клуб на голову курда, затем еще раз на его лицо. Он упал лицом на пол. Фатима мгновенно оказалась рядом с ним. Она раздавила каблуком одну из его рук и обрушила факел на его шею. Затем она прижала факел к его шее, позволяя пламени дойти до места над его волосами и неживой плотью. Он извивался и кричал, но хватка Фатимы, даже одноручной, была крепкой.

Огонь жадно лизал кожу и сухожилия, которые уже давно должны были превратиться в пыль. Через несколько секунд Фатима вынуждена была отпрыгнуть назад: она была не более неуязвима для пламени, чем курд. Курд, который каким-то образом поднялся на ноги и снова бросился на нее, как какой-то огненный джинн.

Фатима снова взмахнула факелом. Удар пришелся ему прямо по горящему лицу и с треском разворотил его голову. Сила удара остановила его движение вперед, и долгое мгновение он стоял, как бы глядя в потолок позади себя. Затем он рухнул, и пламя полностью охватило его.

Фатима опустилась на пол, придавленная тяжестью своей мертвой руки. Ее окружали дым и стоны тех ее обезоруженных учеников, которые оставались в сознании. Она почти не чувствовала, как ее лицо ударилось о камень. Она потерялась в себе, направив всю силу своей крови, крови Хакима, против яда в своей руке. Она все время ожидала, что к ее горлу приставят еще один клинок. Где был сообщник курда? Это был бы его шанс, пока она боролась с ядом. Она не могла надеяться

защитить себя. Но ни один заговорщик не вышел вперед, чтобы забрать свой приз. Оставался только огонь, пылающий в ее руке.

Джин-джин. Эссенция корня джин-джина, вываренная с серой в козьем пузыре. Медленно кровь Хакима проталкивала захватчика обратно по руке, одолевала токсин, разрывала его на части. Ледяное онемение сменилось жгучей болью. Мысли Фатимы путались. Неужели в залах Аламута, в зале Ихвана, действительно произошло предательство? Ее сил хватило лишь на то, чтобы увидеть, как уничтожается яд, а затем ее охватило оцепенение.

Понедельник, 12 июля 1999 г., 11:15 PM
Темз Стрит Балтимор, Мэриленд

Парменид непринужденно прогуливался по краю гавани. Никто из гулей, дежуривших у гостиницы Лорд Балтимор, не узнал бы его. Честно говоря, он и сам только недавно начал регулярно узнавать себя. Взглянуть в зеркало и увидеть лицо гуля Равенны, погибшего от руки самого Парменида, уже не было для него полным шоком. С минимальными усилиями Парменид мог сделать вид, что привык к этому. Если ситуации не хватало юмора, она с лихвой восполнялась жестокой иронией — качеством, которое исходило от Саши Викоса, как когда-то пар и пепел от Везувия.

Его хромота, наконец, полностью исчезла. Парменид мог передвигаться так же ловко, как и раньше, а в такие вечера, когда Викос вознаграждала его хорошее поведение заданиями, которые выводили его за пределы охваченной вампиризмом столицы этой дерзкой молодой нации, он почти забывал о том, чего не мог избежать — о лице прежней Равенны. Носить лицо другого человека — лицо и тело, ибо не было ни одной детали его физиологии, которой бы Викос пренебрегла в своих стараниях, — иногда было почти безумием. Он слишком часто размышлял о том, насколько глубоко под кожей, под мускулатурой и костной структурой скрываются изменения, которые произвела на него Викос. Бывали моменты, когда он обнаруживал, что впадает в образ, который она создала для него, бывало, что он вынужден был напоминать себе...

Бесполезные мысли. Парменид пригладил темные волосы Равенны и воспользовался случаем, чтобы впитаться ногтями в кожу головы, напоминая себе о том, что было реальным и непосредственным, что среди всего творения было неизменным: боль и кровь.

Сегодня, как никогда с тех пор, как он попал в руки извергов, Парменид был уверен в том, кто он есть. Ассамит. Дитя Хакима. Боль, которую испытал Парменид, была ничто по сравнению с унижением, которому его род подвергался веками, но не более. И сегодня ночью будет совершена маленькая месть, одна песчинка в пустыне, которая со временем раскинется по всему лицу земли.

Он обогнул трактир и подошел к служебному входу в задней части. Здесь тоже стояли гули, двое из них. Но прохождение Парменида беспокоило их не больше, чем дуновение ветерка в гавани. На их взгляд, все было так, как и должно быть.

Убийца проскользнул мимо других людей в здании. Он быстро нашел черную лестницу и поднялся на четвертый этаж, где охрана была относительно слабой. Более важные помещения, зал заседаний, где велись дела Камарильи, а также личные покои князя Гарлотта, находились на шестом и седьмом этажах. Пармениду, если его сведения верны, не было нужды вторгаться в эти места сегодня вечером.

Он прошел незамеченным мимо еще одного гуля — Камарилья действительно слишком полагалась на этих непроверенных существ, вместо того чтобы относиться к ним как к необученным детям, — и обогнул дверь единственного пассажирского лифта гостиницы. Из одного из многочисленных потайных карманов Парменид достал небольшое электронное устройство. Один его край представлял собой плоскую металлическую пластину, который он просунул между дверями лифта. Он нажал кнопку на устройстве, и почти сразу же двери открылись, вызвав звуковой импульс, который датчики дверей восприняли так же, как и при контакте с человеком, когда двери закрывались. Колокольчик, который обычно звучал при открытии дверей, замолчал. Вообще, ничто в непосредственной близости от Парменида не издавало ни малейшего звука. Так же бесшумно Парменид взобрался на служебную лестницу в

шахте и начал спуск, даже когда двери над ним закрылись, отгородив его от ярко освещенного коридора.

Вскоре он уже лежал на вершине кабины лифта. Ждал. Слушал.

Ему не пришлось долго ждать, прежде чем лифт пришел в движение и снова начал поднимать его вверх, мимо четвертого этажа, где он вошел в шахту, до самого седьмого. Лифт находился в самой верхней точке, и Парменид терпеливо ждал, пока в него зайдет одинокий пассажир. Ассамит решил, что пассажирка — женщина; ее шаги были невесомыми, и даже на ковровом покрытии пола лифта он различил звук и ощущение концентрированного удара — она была на высоких каблуках. Сквозь щели вокруг закрытого люка доносился тонкий и приятный запах духов.

Затем лифт снова вздрогнул и начал спускаться вниз. Парменид не мог не вспомнить о своем собственном путешествии на лифте за несколько недель до этого и не так уж далеко от Вашингтона, округ Колумбия. В тот раз он был обычным пассажиром, а безбилетный пассажир ехал над люком в потолке. Ведь где еще мог быть Носферату, когда он разговаривал с Парменидом?

Но теперь Парменид уловил свою логическую ошибку, свое необоснованное предположение, что канализационная крыса ехала верхом на механической тележке. Было возможно, если не вероятно, что это существо находилось в лифте вместе с Парменидом, что оно занимало то же пространство без его ведома. Среди старших детей Хакима ходили и более странные, более невозможные истории. И Парменид в ту ночь был не в лучшей форме. Он боролся со своей любовницей, со свежими недугами своего вновь обретенного тела, боролся с самим собой. Вся его боль и унижение получили выход в возможности убить — это было его призвание, его вечный долг — и он потерпел

неудачу. К этому шоку добавились физические пытки от рук Цимисхи и изматывающее осознание того, что он попал в руки извергов по своей воле. Единственным утешением и успокоением в ту ночь и последующие были объятия Саши Викоса, его мучителя, его бича... его любви.

Парменид, испытывая дискомфорт, сменил положение. Его мягкий сапог потерялся о металл под ним. Он сразу же понял свою ошибку и проклял себя за то, что поддался рассеянности. Но выдал ли он себя? Из лифта, остановившегося в вестибюле, не было никаких признаков того, что он выдал себя. Он мог бежать, но отбросил эту мысль, как только она пришла ему в голову, настолько она была ему неприятна. Если он потерпит неудачу и будет уничтожен, винить придется только себя и Викоса — его за слабость, ее за бесчеловечность, замаскированную под привязанность. Но, возможно, он, годами обучавшийся искусству и науке отнимать жизнь, был не лучший судья человечности и бесчеловечности. С другой стороны, что на протяжении истории было более неизменным элементом человеческой природы, чем убийство?

Бесполезные мысли. Снова вторгаются, когда не следует.

Внизу пассажирка вышла из лифта, и ее приветствовали сразу несколько человек.

— Мисс Эш, — обратились они к ней.

— Добрый вечер, мисс Эш.

— Могу ли я принести вам что-нибудь, мисс Эш? — Они ластились к ней, как рабыни. Ее сладкоречивые ответы пронизаны снисходительностью и презрением:

— Спасибо. Очень мило с вашей стороны.

Эш. Виктория Эш. Парменид знал это имя. Он размышлял о том, как легко он мог бы уничтожить старейшину Камарильи, но зачем беспокоиться? Клан Ассамитов не питал особой вражды к Тореадору. Даже действуя от имени Викоса, не было причин рисковать, преждевременно раскрывая свое присутствие. Уничтожение всего клана Тореадор может не сильно помешать военным усилиям Камарильи. Более того, это может помочь.

Более того, несмотря на то, что старшие передали его Викосу, Парменид не чувствовал никакого принуждения к продвижению дела Шабаша за пределами тех областей, где оно совпадало с целями Ассамитов. Именно так он понимал свою общую миссию. Иначе зачем бы старейшины использовали уродливого Носферату для поддержания контакта с ним? Несомненно, каждая крупная информация, которую они передавали, попадала и в Камарилью. Таким образом, даже если Парменид лично подчинялся Викосу, дети Хакима ни в коем случае не были подчинены Шабашу. Это откровение стало одним из факторов, позволивших Пармениду выдержать это испытание, а не пасть жертвой отчаяния.

Сегодняшнее задание было таким, в котором цели ассамитов и Шабашитов неопровержимо сливались. Зная это, Парменид смог успокоить тревожные мысли, рационализации, которые слишком часто преследовали его в эти ночи. Как его учили много лет назад, его разум принял тишину смерти. Так минуты проходили легче, не мешая призраку сомнений в себе.

Затем Парменид снова слышал голос Виктории Эш, тон которого сильно отличался от того, которым она разговаривала со слугами. Все еще покровительственный, но в более уважительной манере.

— Мария, — сказала она. Две группы шагов приближались к лифту. Виктория продолжала лепетать. — Я взяла на себя обязанность ждать вас лично — как это некрасиво, я знаю...

Вторая серия шагов была легче, чем у Виктории. Никаких высоких каблучков, только не для Марии Чин, ведьмы-тремере из Вашингтонской Капеллы.

Все существо Парменида было сосредоточено на звуках под ним. Двери лифта закрылись. Ключ скрежетнул о латунную панель, затем встал на свое место. Лифт с грохотом ожил и начал подниматься. Виктория болтала без умолку.

Наверху, в полной тишине, Парменид потянулся к складкам своего плаща и достал гарроту, которую он изготовил специально для этого случая — проволока была длиннее, чем обычно, а рукоятки были изменены и усилены, чтобы обеспечить невероятную силу воздействия, даже если жертва находилась на расстоянии нескольких футов ниже. Ни одна светская львица Тореадора не помешала бы ему заявить о своей крови колдуна. Согласно традиции хадда, мести, вите Тремере была конфискована.

И Парменид проследит за тем, чтобы справедливость восторжествовала. Он повернул ручку на люке лифта.

Четверг, 15 Июль 1999, 1:08 AM
Внешние стены, Аламут, Восточная Турция

Фатима тяжело опиралась на Махмуда Аззама. Ее шаги были короткими и тяжелыми. Облака лежали вокруг них, как густой дым, и ленивые снежинки прилипали к их коже, как пепел.

— Халиф игнорирует твою просьбу об аудиенции, — сказал Махмуд, позволив своему возмущению просочиться среди облаков.

— Это его привилегия, — напомнила Фатима своему младшему сородичу.

— Но он всегда поддерживал вас в прошлом.

— Не всегда, — поправила Фатима, — но когда он мог. Халиф должен быть осторожен, когда он поддерживает женщину над мужчинами, мусульманина над... — она сделала паузу, подыскивая подходящее деликатное слово, — над другими.

— Никогда еще не было так много других, — сказал Махмуд, подражая ее словам, но без деликатности.

— Хаким ходил по земле задолго до Святого Пророка, — напомнила ему Фатима. Мы, мусульмане, по-своему новички в крови.

— Ты прав, — прервала она возражения Махмуда, — никогда в наше время так много немусульман не было принято в братство.

Некоторое время они шли молча. Время от времени облака расступались, и сквозь мрак были видны окружающие вершины — внешнее кольцо крепостных стен. Под одеянием

Фатимы ее правое предплечье все еще было перевязано. За последние шесть ночей к Фатиме вернулась большая часть сил, но благодаря поддержке Махмуда она не так быстро уставала. Он ухаживал за ней во время ее выздоровления, а аль-Ашрад, амр Аламута, приготовил возлияние из крови старейшин, чтобы она быстрее восстановилась.

Однажды Фатима уже была отравлена гингином. В первые годы после ее становления, во время обучения в качестве фида'и, ее запястье было рассечено отравленным лезвием. Ей оставалось только черпать силу своей крови или погибнуть. В том случае яд недолго оставался в ее организме. В этот раз, прежде чем она смогла побороть токсин, пришлось заняться другими делами, и ущерб, нанесенный им ее организму, был во много раз серьезнее. И снова она пережила джин-джин. Однако оставались вопросы о том, как ей удалось пройти через такое испытание во второй раз.

— Что с Гароком? — спросила она Махмуда.

— Он все еще стоит на страже ядов, хотя его каждый час клеймят раскаленными утюгами, как и в течение ста ночей. Его внимание больше не будет рассеиваться.

— Он будет укреплен, — согласилась Фатима.

— Представь, какой позор, если фида'и прокрадется мимо и украдет из запасов. — Махмуд пожал плечами в недоумении.

— Если он действительно пробрался мимо, — сказала Фатима.

Махмуд остановился, заставив остановиться и Фатиму.

— Ты думаешь, Гарок был участником нападения?

Фатима покачала головой, жестом приказав ему продолжать путь.

— Гарок не сделает этого, но и не позволит простому фида'и превзойти его. Никогда.

— Тогда кто?

Фатима пожала плечами.

— Старейшины сказали. — По мнению старейшин, курд, чье имя больше никогда не должно было быть произнесено, чтобы очистить клан от его пятен, действовал в одиночку. По неизвестным причинам он украл джин-джин и отравил свое оружие, чтобы напасть на Фатиму. Она знала путь таких суждений — объяснение, которое больше всего укрепило бы клан, стало правдой. — Неважно, что преступления, приписываемые курду, были ему не по зубам.

Гарок был одновременно компетентным и благородным. Он готов был понести наказание, чтобы братство росло в силе. Фатима со временем добилась аудиенции у халифа и задала вопросы наедине. Хотя она была не согласна с решением старейшин, она не стала оспаривать заключение. Это было бы нечестно. Но и забывать она не собиралась.

Фатима снова подтолкнула Махмуда вперед. Она ценила присутствие своего протеже и его силу, но с нее было достаточно разговоров. На другие его вопросы она отвечала только пожатием плеч или сокращенными ответами.

Давным-давно, будучи фидаином, Фатима принимала как само собой разумеющееся высказывания старейшин, верила им. Теперь, будучи рафиком, полноправным членом братства и старейшиной, она знала достаточно, чтобы задавать вопросы — терпеливо, осторожно — когда того требовала интуиция. И все

же то, что ее интуиция вызывала в ней подозрения, было тревожно. Возможно, вскоре Илия Ахмед, ее товарищ по братству, а также халиф, согласится встретиться с ней, и он развеет ее сомнения.

Воскресенье, 25 июля 1999, 1:37 AM
Испанский Гарлем
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Падение было до смешного близко, опасно близко. Даже следуя извилистым путем на север через парк Святого Николая и принимая вдвое больше обычных мер предосторожности против слежки — никогда нельзя быть слишком осторожным, когда речь идет о колдунах — Анвар преодолел несколько километров до места назначения чуть более чем за полчаса, и это с учетом звонка из общественного телефона своему связному, чтобы узнать, куда ему идти.

Возможно, подумал он, проскальзывая мимо квартала за кварталом кирпичных и бетонных домов в разном состоянии разрухи, в таком деле, как это, с товаром, приобретенным у клана Тремере, есть определенная мудрость в том, чтобы не держать товар — не говоря уже о заказчике — на улице дольше, чем это необходимо. Кто знал, какие заклинания колдуны могли наложить на драгоценный камень, чтобы помочь извлечь его в случае необходимости? Не исключено, что сам Анвар был каким-то образом отмечен входом в тремерскую канцелярию, запятнанный той самой кровью колдунов, о которой он заявлял. Разве это не было бы прекрасным последним смехом для предательского мага Аарона, который допустил Анвара в кладовую и наблюдал, как тот перерезает позвоночник и пьет виту тремерского регента? А что, если бледный, отчаявшийся мальчик планировал собственную гибель и подстроил ловушку для своего убийцы? Но в таком случае Анвар был бы предан, находясь в относительно беспомощном состоянии в кладовой... если только Анвар не был целью.

Эта мысль пришла ему в голову, когда он приближался к месту назначения. Несмотря на риск промедления, Анвар резко свернул налево за угол. На улице было много людей: молодежь,

шумная или угрюмая, ищущая неприятностей; блудницы, ищущие плату; отбросы, находящиеся в тисках различных зависимостей или надеющиеся стать таковыми; нищие, неспособные позволить себе кондиционер и ищущие облегчения от летней жары. Анвар достаточно легко оградил себя от их мыслей. Кроме того, он широко варьировал свой темп — шаркал, бежал трусцой, быстро шел — и несколько раз пересекал улицу туда и обратно. Все это время он внимательно следил за всеми, кто, казалось, был заинтересован в том, чтобы не отстать от него, за теми, кто в узлах людей обратил внимание на его неустойчивые движения, за теми, кто, кроме смертных, мог еще увидеть его. Никого не увидев, он продолжил путь по адресу, который ему дали по телефону.

Он проигнорировал железную лестницу, ведущую к парадной двери трехэтажного здания, и вместо этого быстро спустился по цементным ступеням к утопленному в подвале входу в дом 2417-А по Западной 119-й улице. Вход наверху обладал всеми атрибутами небольшой, но респектабельной юридической или финансовой фирмы — со вкусом выкрашенная сосново-зеленая дверь, латунная ручка, стук и светильники, мягкий свет лампы в фойе. Вход перед Анваром был менее привлекательным, но то, чего ему не хватало в очаровании, он компенсировал безопасностью. Кованые железные ворота стояли перед черной металлической противопожарной дверью. Окна по обе стороны, хотя и были замурованы, сохранили решетки от взлома, оставшиеся с прежних времен.

Анвар встал прямо перед дверью и нажал на маленькую неосвещенную кнопку сбоку, удерживая ее в течение тридцати секунд, как ему было приказано. Пока он ждал, он пытался и безуспешно обнаружить камеры, которые, несомненно, наблюдали за ним. Через несколько мгновений он услышал, как металл скользит по металлу — тяжелый брус, а затем засов с внутренней стороны, — и пожарная дверь распахнулась внутрь. Изнутри не пробивался свет, чтобы осветить того, кто открыл

дверь. Анвар устоял в глубокую тень. Замок на кованых воротах, очевидно, управляемых с пульта, щелкнул, и дверь распахнулась навстречу ему. Анвар шагнул в прохладную темноту.

Ворота со щелчком закрылись, а затем невидимые руки закрыли за ним пожарную дверь, сделав темноту полной. Снова звук металла о металл, на этот раз резкий и четкий, когда засов и засов задвигались.

Зоркие глаза Анвара уже начали привыкать к темноте, когда его ослепила болезненная вспышка яркого света. Моргнув от дискомфорта, он обнаружил, что перед ним стоит женщина с темным цветом кожи, хотя и не такая темная, как он сам. На ее лице не было ни бледности недавней нежити, ни насыщенных темных оттенков давнего слуги Хакима. Значит, она была смертной и приближалась к среднему возрасту.

— Протяните правую руку, — сказала она без предисловий.

Анвар так и сделал. Она схватила его за запястье одной рукой, а другой достала шприц из кармана своего помятого кардигана. Не потрудившись выпустить пузырьки воздуха — да и какой в этом смысл, если нет бьющегося сердца, которое можно повредить? — она воткнула иглу в предплечье Анвара и ввела черную жидкость из подкожного шприца.

— Ждите здесь. — Она повернулась и стояла перед единственным выходом из голой бетонной комнаты, еще одной пожарной дверью, пока невидимый засов не отодвинулся со щелчком, и она ушла. Засов, заметил Анвар, снова зафиксировал дверь.

Из того, что он видел, он в достаточной мере оценил защиту этого места. Вход наверх, несмотря на его более мягкий вид, был, несомненно, так же защищен, если не более, чем подвал.

Когда глаза привыкли к резким бликам внутреннего освещения, Анвар смог разглядеть крошечные линзы, три штуки, спрятанные в основании светильника. Тот факт, что он смог разглядеть камеры, сказал ему, что эта комната была чисто оборонительным сооружением — своего рода валом, который должен был задержать любого нарушителя, пытающегося проникнуть в сердце логова. Внутри были и другие комнаты, более подходящие для скрытого наблюдения, камеры, где никто, даже Рафик, не смог бы так случайно заметить шпионское оборудование.

Анвар бесстрастно шагнул в самый центр комнаты, под светильник. Ни один из трех объективов не был направлен прямо вниз. Конечно, где-то в другом месте была еще одна камера, которую он пока не видел, и которая охватывала эту область, но Анвар, по крайней мере, дал бы знать тому, кто за ним следил, и любому из его начальников, получавшему отчеты о его деятельности, что он следит за ними.

Не успел Анвар определить местоположение оставшейся камеры или камер, как засов на второй противопожарной двери снова задвинулся, и в комнату шагнул крупный мужчина в деловом костюме.

— Джеймс. Уолтер Джеймс, — сказал мужчина, протягивая руку.

Анвар узнал мужчину по глазам, а также знал, что Уолтер Джеймс — это не его имя. Однако, скорее всего, женщина и другие смертные в этом здании знали своего работодателя только под этим именем, и поэтому Уолтер Джеймс был именно таким.

— Да улыбнется тебе Старший, — сказал Анвар своему товарищу-ассамиту, сжимая протянутую руку.

— И пусть ваша спина будет крепкой, — сказал Уолтер Джеймс. Он не отпустил руку Анвара после пожатия, а вместо этого задрал рукав до локтя и осмотрел предплечье, куда женщина сделала укол. Кожа была гладкой и безупречной, без каких-либо следов проникновения иглы.

Джеймс улыбнулся и грубо хлопнул Анвара по плечу. Крупный мужчина указал на предплечье своего гостя.

— Формула от амра. Если бы ты был запятнан колдунами, если бы они околдовали или выследили тебя, твоя кожа покрылась бы волдырями. Что-то вроде теста на аллергию, с тримерской магией в качестве аллергена.

Анвар кивнул.

— А если бы я был запятнан?

Улыбка Джеймса не дрогнула.

— Я бы уничтожил тебя. — Он отпустил руку Анвара. — И в течение десяти минут эта база была бы покинута. Никаких следов собратьев.

— Даже не Уолтера Джеймса?

Джеймс пожал плечами.

— Имя. Ничего больше. Конец линии.

— А что, если колдуны не использовали магию, чтобы выследить меня? Электронный жучок?

— Вас проверили еще до того, как вы вошли в эту дверь, — сказал Джеймс. — Но, — быстро добавил он, — мы не можем быть на сто процентов уверены в каждой возможности, поэтому давайте приступим к делу. Драгоценный камень у вас?

Анвар потянулся к своему халату и достал сложенную ткань, развернул ее. Из ее центра Джеймс достал красно-черный драгоценный камень, затем потянулся в карман пиджака. Он достал небольшую коробочку, положил в нее драгоценный камень и вернул коробочку в карман. Приятная, дружелюбная улыбка Джеймса была постоянной, настолько, что Анвару она напомнила нарисованную маску — лицо темно-коричневое, зубы белые, глаза такие же привлекательные и искренние, как и сама улыбка. Анвар мог представить себе эту улыбку, неизменную, когда Джеймс перерубает позвоночник колдуну, как это сделал Анвар. Вот человек, который мог бы стать полезным для змеелюдей, если бы не был выбран на службу Хакиму.

— Если хотите, можете остаться с нами, — сказал Джеймс. Он скрестил руки, словно смывая с них мерзкие следы колдовского искусства. — У нас есть вите, которому вы также будете рады.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как Анвар утолил свою жажду крови и мести. Однако эти два желания были его постоянными спутниками, а потакание им не было равнозначно удовлетворению. Сильнее всего он чувствовал желание бродить. Охотиться. Восстановленная кровь внутри требовала большего. В этом городе их будет больше — Камарилья или Шабаш, Нью-Йорк приютил их обоих.

— Большое спасибо, — сказал Анвар, — но я не останусь. Моя цель здесь достигнута.

— Очень хорошо, — сказал Джеймс, любезный хозяин. — Вы знаете, что нужно держаться подальше от кладовой колдунов. Там, скорее всего, будет шумно. Некоторые Шабашиты здесь есть, хотя большинство из них, похоже, сбежали в Вашингтон — кровь в воде, и все такое. — Он снова пожал руку Анвару,

немного слишком горячо, как это было принято в таких случаях.

Американский путь.

Прошло несколько мгновений, и Анвар снова бродил по ночному городу, наслаждаясь приливом тремерской крови, а также славой, которую принесут ему его деяния в братстве. Смертные все еще бродили тут и там, но он обходил их стороной. Сегодня ему хотелось отведать более богатой крови.

Среда, 28 июля 1999 10:01

Подземный грот

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Калекрос потянул за тонкую цепочку с бусинами своей темпераментной настольной лампы. Мерцающий свет погас, позволяя ему насладиться спокойствием полной темноты. Он провел когтями взад-вперед по коже головы, наслаждаясь ощущениями, и попытался сбросить напряжение со своего тела.

Темп событий просто вышел из-под контроля, и во многом в этом была его собственная вина. Было опасно дергать за ниточки, не зная, к чему именно они привязаны.

Он постарался похоронить эти мысли и растянул свой искривленный позвоночник. На мгновение в темноте ему показалось, что он чувствует натяжение струн, хозяином которых он не был.

28 июля 1999 года

Re: убийство

7/13 убийство Марии Чин в Балтиморе. Курьер сообщает – в ту ночь в Вашингтоне не было никаких признаков Равенны/Парменида. Похоже, виновата наша ассамитская пешка. Возможно ли направить ассамитов против Шабаша? Колчестер надавит на Люситу (Лас-Вегас) по плану с Питерсзуном. Ее работа может вызвать ответную реакцию.

Особенно прошлые взаимодействия с посторонними

Также - слух о неприятностях в церкви Пяти районов

Дистанцируется от ассамитов, насколько это возможно, но не злит их.

Вторник, 17 августа 1999 года, 20:59

Дневная камера, Аламут, Восточная Турция

Темнота. После того, как она открыла глаза, она нехотя отступила. Среди огромных каменных глыб не было окна, через которое проникал бы свет луны или звезд, но постепенно стала видна поверхность камней. Затем тонкие, упорядоченные щели, которые были границами между мамонтовыми плитами. В конце концов, ей открылась и текстура. Гладкая поверхность потолка и стен изредка прерывалась крошечными отметинами — неосвещенными созвездиями, рассыпавшимися по внутреннему небу.

На кратчайшее мгновение Фатима ухватилась за утешительное забвение, которое было ее покоем, но туман сошел с ее сознания прежде, чем даже тьма улеглась в привычные узоры серого, черного и фиолетового. Быстрая умом, сильная духом, она всегда была такой. И неизменно служила нуждам своего народа.

Она спустила ноги с каменного поддона и села прямо на жестком спальном коврике. Не было одеяла, которое можно было бы откинуть. Она, поднявшаяся на гору, не боялась холода. Ни подушки, ни тонких или даже потрепанных простыней не было на ее кровати. День, по необходимости, был временем отдыха, временем, когда кровь Хакима исцеляла тело, если в этом была необходимость, но отдать эти часы роскоши означало начать путь лени. Потратить впустую час, даже минуту, значит не сделать и шага по истинной дороге, дороге хиджры, которую можно было бы пройти. А для того, кто был избран идти вечной ночью, потраченные впустую минуты перерастали в потраченные впустую часы, в потраченные впустую годы — годы, которые должны были быть потрачены на служение Старшему и ихвану, братству. Сколько еще лет дети Хакима страдали бы под проклятием кафирских колдунов,

если бы мудрый аль-Ашрад не посвятил себя столь беспрекословному избавлению от него?

Фатима поднялась со своего поддона. Она сбросила свои одежды, облачилась в свежие белые одеяния, затем переступила порог крошечной камеры и подошла к бассейну из обожженной глины. В темноте вода в нем была неподвижна, как великое соленое море пустыни, каким оно могло бы показаться с горной вершины за много миль отсюда, а когда она погрузила в море пальцы, по огромному пространству пошли рябью концентрические дюны. Вода, которую она поднесла к лицу, была охлаждена ночью, но не была такой прохладной, как ее кожа цвета красного дерева. После лица она методично вымыла руки, затем предплечья. Капли прилипли к обесцвеченной ткани шрама на правой руке — бледный след яда, который поблекнет только со временем, если вообще поблекнет. Она вытерлась грубым полотенцем, затем повернулась к своему храму и в спокойном покое встала лицом к крошечному алькову, почти на юг. Тканые узоры молитвенного коврика под ногами Фатимы почти терялись в темноте.

Она подняла свои открытые руки:

— Аллаху акбар. — Затем сцепила их вместе: — Вся хвала Аллаху, Господу всех миров, самому благодетельному, самому милосердному, царю судного дня. Тебе одному мы поклоняемся и к Тебе одному обращаемся за помощью. Направь нас на путь прямой, на путь тех, кого Ты благословил, а не тех, кто сбился с пути.

— Скажи: “Бог един, Бог вечный, нерожденный и нерожденный; нет равного Ему”.

Фатима наклонилась вперед от талии и положила ладони на колени:

— Аллаху акбар. Я восхваляю совершенство моего Господа Великого. — Она снова встала прямо: — Аллаху акбар.

— Аллаху акбар, — повторила она, опустившись на ковер. Она прикоснулась лбом к полу, затем поднялась и села на пятки, положив руки на бедра: — Аллаху акбар. — Затем совершает суджуд во второй раз, стоя на коленях, предаваясь Богу: — Аллаху акбар.

Закончив полный рак'аат, Фатима еще дважды совершила молитву. По мере того как она произносила ритуальные слова саляха, мгновения тянулись. Звук ее голоса, ее вера, облеченная в форму, пронеслась сквозь века; он коснулся ее чувства того, что было, и она снова стала той, кем была когда-то — молодой женщиной, девушкой, отдающей себя Богу, приносящей себя в жертву Ему в надежде, что она будет достойна защитить свою семью, свой дом от кафиров. В те дни невинности она видела и чувствовала опустошения смертных варваров, но она не знала о чудовищах, которые цеплялись за глубокие тени, оставленные христианами, не знала о настоящих зверях, существах крови и бесконечной смерти, для которых смертные были всего лишь марионетками. Теперь она знала лучше. Намного лучше. Но она никогда не падала духом.

Среди безмятежности и отдачи салаха Фатима снова стала той невинной девушкой, какой она была всегда, преданной Богу, орудием Его воли.

Ля иляха илля илля-Ллах. Нет бога, кроме Бога.

Ва Мухаммадан расула-л-Ллах. А Мухаммад — посланник Бога.

Ни годы, прошедшие с тех пор, ни песок, проносящийся по лицу пустыни, не лишили ее этого. Она была Фатимой аль-Факади, названной в честь дочери Пророка.

Салла-л-Лаху 'аля саййидина Мухаммад. Да ниспошлет Аллах Свои молитвы нашему господину Мухаммаду.

Ас-саляму 'алейкум ва рахмату 'л-Лох. Да пребудут с вами мир и милость Аллаха.

Фатима стояла на вершине крепости и наблюдала за фидаинами, когда ее нашел гонец. Небо сегодня было ясным, черный купол эфира, казалось, простирался не так уж далеко за окружающие вершины и обнимал их вплотную к Аламуту. Орлиное гнездо было почти неприступно, если не считать одного пути через коварные скалы и пропасти. Сотнями футов ниже убийцы, более опытные и искусные, чем фидаи, патрулировали периметр в много миль и контролировали каждый подход. Кроме того, мистические пелены, сотканые амром, величайшим из ассамитских колдунов, скрывали горную крепость от глаз современных и арканых, спутников-шпионов и волшебников.

Вахтенный капитан и те, кто был в его подчинении, вели себя относительно хорошо. Однако, по мнению Фатимы, было еще много возможностей для совершенствования. Хотя стража вряд ли когда-либо столкнется с настоящими злоумышленниками, старейшины не относились к этому заданию легкомысленно, поскольку оно требовало подготовки и дисциплины. Большую часть времени наемного убийцы, фактически большинство часов, проведенных им за своим ремеслом, занимали наблюдение и ожидание. Постоянная бдительность была необходима. Навыки наблюдения были не менее важны, чем владение оружием, ядом или маскировкой.

Фатима без устали расспрашивала разных членов дозора о бесчисленных деталях, которые ускользнули бы от блуждающего ума: о количестве кругов, которые они сделали по отведенному им участку крепостной стены, о примерном понижении температуры за последний час, о названиях некоторых звезд и

созвездий, о смене направления ветра... Оценка одним новорожденным высоты близлежащей горной вершины не удовлетворила Фатиму. Она послала его на вершину.

Фида'и удовлетворительно ответили на большинство вопросов Фатимы. Хотя эти дети были сравнительно молоды, они оказали Хакиму большую честь. Иначе они никогда бы не продвинулись так далеко. Начиная с интенсивного процесса отбора, который начинался задолго до того, как любой смертный узнавал, что за ним наблюдают, пшеница безжалостно отсеивалась от плевел. Только кандидаты с несомненным потенциалом приобщались к внешним тайнам Пути Крови, и только те, кто делал определенные шаги в реализации этого потенциала, после семи лет обучения в качестве смертного и гуля, посвящались в братство — где их девственный пир проходили менее достойные кандидаты, которые обучались рядом с ними.

Гонец терпеливо стоял неподалеку, не делая шагов вперед, пока Фатима не закончила осмотр. Несмотря на молодость его смуглого лица, Фатима знала, что гонец принадлежит к роду Мариджава и является гулем, верно служившим на протяжении четырех веков Амру аль-Ашраду, великому колдуну детей Хакима.

— Амр хотел бы поговорить с тобой, — сказал гонец, опустив глаза в знак почтения к Фатиме.

Фатима отрывисто кивнула и сразу же начала спускаться с крепостной стены. Гонец шел следом. Халиф все еще не ответил на ее просьбу об аудиенции; она не видела Илью Ахмеда со времени нападения курда. Возможно, амр хотел поговорить с ней по этому вопросу. Фатима, хотя и была щепетильна в вопросах протокола, не привыкла к тому, что ее неделями откладывают, даже члены ду'ата.

Они с посланником спустились по крутой резной лестнице, открытой альпийской ночи, затем в саму гору и прошли по каменным коридорам, наполненным звуками деятельности: звон металла о металл, ворчание от напряжения, разочарования и боли, удары тел о камень. Везде, в каждом помещении, где они проходили, семеро тренировались. Они оттачивали свое мастерство владения клинком и посохом. В зале Ихвана группа упражнялась в захватах и бросках. Когда Фатима и гонец спустились дальше, до их слуха донесся звук приглушенной стрельбы; звук мог бы доноситься издалека, но это было не так. Стрельба велась прямо рядом с ними, в горе. Несколько десятилетий назад великий зал был превращен в тир, а заклинания сплели, чтобы заглушить гулкие взрывы. Со смертью, как и с любым искусством или профессией, время и технологии принесли изменения. Когда-то пуристы кричали против арбалета и лука. Теперь же оружием выбора часто становились штурмовая и снайперская винтовки, а пуристам оставалось лишь сетовать на позорную неопытность Оффиды'и в обращении с луком — обвинение, разумеется, необоснованное. Фатима, среди прочих, следила за тем, чтобы ни один аспект обучения адепта не был упущен. Старые способы уже давно доказали свою ценность, однако человечество постоянно придумывало новые и более эффективные способы убийства.

Фатима продолжала спускаться вниз, и вскоре все звуки, кроме двух групп шагов, исчезли вдали. Отзвуки боя уступили место тишине веков. Здесь воздух был немного теплее, не подверженный влиянию колебаний внешней температуры. В глубине Аламута сохранилось немного черновиков, и лишь немногие из Братства имели возможность ступить на камень этого сердца горы.

Они подошли к деревянной двери, высокой и крепкой, одной из немногих импортных на коварных путях к крепости. Фатима ждала, стоя с поднятым подбородком, пока посланник

возьмется за большую металлическую ручку с кольцом, откроет дверь и войдет внутрь. Прошло несколько минут. В конце концов, гуль-посланник вернулся через дверной проем и провел Фатиму через ряд узких проходов в нужную комнату. Там он оставил ее стоять перед бледно-голубым, переливающимся шелковым занавесом, который висел над каменной аркой. Фатима осторожно отодвинула занавеску и шагнула внутрь.

Аль-Ашрад сидел неподалеку, на другом конце заставленной книжными полками комнаты. Он был единственным бриллиантом среди угольной черноты своих собратьев, его кожа была цвета слоновой кости. На месте, где должен был находиться его левый глаз, красовался настоящий бриллиант, бесчисленные грани белого на белом уместились в одном из глубоких изломов его угловатого лица. Его голова была чисто выбрита, но вместо гладкого купола напоминала скорее горную лысину, потёртую погодой и временем, но непоколебимую и сильную. Вдоль подола его белого муслинового халата лишь слабые стежки обозначали, где кончается одежда, а где начиналась плоть. Один рукав его халата, приколотый к плечу, был пуст. Он не носил и не носил никаких регалий; пустой левый рукав и глаз-бриллиант были его единственными видимыми знаками отличия — ибо рука и глаз, как гласили предания, были взяты на суд самим Хакимом. Ибо великий маг ходил по земле в ночи Старшего Старейшины и был кровью Хакима. Аль-Ашрад был чем-то обижен, но волшебник был слишком ценен для Старейшего, чтобы уничтожить его. Говорят, что амр служил Хакиму тысячелетиями.

Аль-Ашрад не признал Фатиму. Его правый глаз, бледно-голубой, как занавеска в дверном проеме, смотрел в ее сторону, но не видел. Что он видел через алмазную сферу — эту комнату или какое-то место за тысячи миль отсюда, давно минувшие или еще предстоящие века, — она не могла знать. Ходили легенды о древних, чьи глаза были рассеяны по земле, и

таким образом они видели — и правили — там, где не могли находиться.

Расщелина острого подбородка аль-Ашрада покоилась на большом пальце; указательный палец пересекал его губы, как бы затыкая Фатиму, прежде чем она заговорит. Полки в комнате были заставлены потрепанными томами, их кожаные корешки потрескались от возраста и использования. У правой стены стоял стеллаж, переполненный свитками. Здесь был только один табурет, на котором сидел амр, и даже если бы стульев было больше, Фатима не решилась бы сесть в его присутствии. Она стояла и ждала, пока догорала единственная свеча в комнате. Ей очень хотелось расспросить его о Курде, но если бы перед ней стоял халиф, с которым она могла говорить более свободно, она бы не решилась спрашивать об амре, пока он сам не затронет эту тему.

Она ждала целый час. И еще много. Все это время аль-Ашрад не двигался и не менял выражения лица. Как всегда в его присутствии, Фатима почувствовала, что сам воздух заряжен... энергией, магией? Волосы на ее руках покалывало; время от времени она чувствовала дуновение ветерка, но его не было. Пространство между ней и амром, казалось, временами пульсировало, но она замечала это как бы со стороны — хотя все это время наблюдала за происходящим — словно ее глаза были слишком слабы, а разум слишком слаб, чтобы уловить реальность. И вот она ждала, почти в благоговении.

Затем аль-Ашрад все-таки пошевелился. Он слегка наклонил голову, и взгляд его оставшихся глаз, взгляд, который прошел через Фатиму куда-то за ее пределы, упал на нее.

— А. Фатима, — сказал он, и в его чертах мелькнула искорка узнавания. — Я заставил тебя ждать. Ты простишь меня. — Его слова эхом отозвались в грудной клетке Фатимы; беспокойный воздух, преследуемый его голосом, казалось, пробрался внутрь

ее тела. Он говорил непринужденно, но между ними лежала пропасть... опыта, пропасть качественного существования, которую Фатима не могла преодолеть, словно она была блохой в пустыне, а Амр — великим океаном.

— Салам, — поклонилась она амру. — Прощать нечего.

И тут произошла странная вещь. По лицу амра пробежала легкая недоуменная улыбка. Его взгляд, не отрываясь, снова устремился вдаль. Фатима на мгновение подумала, что, возможно, ей придется снова ждать, чтобы поговорить с мудрым и могущественным аль-Ашрадом, но через несколько секунд его отстраненная озабоченность прошла, и он снова оказался рядом с ней. Он смотрел на нее пронзительным голубым взглядом; он горел холодом, как ледяная звезда, упавшая с северного неба.

— Всегда есть что прощать, — сказал он наконец.

Фатима не знала, что ответить, и поэтому продолжала молчать.

Аль-Ашрад задержал на ней взгляд. Казалось, только так он мог удерживать внимание на ней, как будто все, что он видел через свой алмазный глаз, требовало его безраздельной энергии, и только сознательным усилием воли он мог ориентироваться в непосредственности здесь и сейчас. И все это время воздух вокруг него, казалось, мерцал, становился беспокойным и волновался по собственной воле.

— Хорошо ли ты отдыхаешь? — спросил амр. Затем, в ответ на недоумение Фатимы, добавил: — А в часы солнца ты спокойно отдыхаешь?

Фатима на мгновение задумалась. Хотя она не могла понять цель вопроса аль-Ашрада, она также не верила, что он позвал

ее сюда для пустых разговоров и любезностей. Она надеялась поговорить о нападении курда, о невозможности всего этого, но именно амр должен был решить, о чем они будут говорить.

— Да, — честно ответила она, говоря с ним откровенно, как ребенок с отцом.

— Как ты отдыхаешь: как смертный, засыпая, или как тот, кто обманул смерть? — спросил он бесстрастно.

Фатима тоже задумалась над этим вопросом — это различие не волновало ее на протяжении веков, с самых ранних ночей ее становления, — а затем сказала:

— Для меня никогда не было особой разницы между двумя этими понятиями — сном смертного и сном остальных людей нашего рода. — Она вспомнила те давние ночи. — Когда я была смертной, иногда случались бессонные ночи... от беспокойства, болезни или снов. Теперь же есть только отдых.

— Снов нет? — Он задал этот вопрос тем же тоном, что и предыдущие. Он не наклонился к ней ближе и не ожесточил свой взгляд, но слова эхом отозвались в Фатиме, его голос прозвучал в ее груди с огромной тяжестью. Возможно, в воздухе также потрескивало электричество, в нем шевелились невидимые ей силы, но она не могла быть уверена.

— Снов нет, — сказала Фатима. — Я не видела снов с тех пор, как... — Она поискала в своем сознании воспоминания о том, что было в последний раз. Это было так давно. Почти тысячелетие прошло с момента ее земной жизни. Но она помнила. Сон был не о юном возлюбленном, как подобало бы женщине нежных лет. Нет, это был сон о насилии, огне и смерти, о варварских мародерах, вооруженных, кровожадных христианах, которые разрубили ее семью на куски, изнасиловали ее мать и сестер на глазах связанных мужчин, а

затем убили их всех. Это был сон, который в оставшиеся дни ее земной жизни и в последующие ночи она постаралась не допустить, чтобы он исполнился. Он не сбывся. Она защитила свою семью. Некоторые, как и подобает, погибли, но никто не был подобен ягненку на заклании. Со временем каждый из них перешел в мир иной. Конечно, у них были потомки. Много потомков, на самом деле. Но в какой-то момент после внуков внуков ее родителей связи стали слишком далекими. Сколько раз она могла наблюдать со стороны, как рождается ребенок, растет, играет, живет, любит, женится, рождает своих детей, стареет и умирает? Цикл постоянно повторялся, и хотя она была отстранена от него, именно ее отстраненность, ее исключение из цикла обеспечили выживание семьи. Теперь они были разбросаны по всему миру, кровь ее братьев и сестер. Ее долг перед ними был выполнен.

— Я не видела снов с давних пор.

Аль-Ашрад ничего не сказал, но Фатима чувствовала, что он знает каждую ее мысль, каждую ее печаль, каждое ее желание. И по какой-то причине, которую она не могла понять, это чувство не давало ей покоя.

— Ты отдыхаешь без снов, — сказал амр, — и каждую ночь встаешь, чтобы служить своему господину.

— Да, мой Амр.

— И его имя первым слетает с ваших уст. Каждую ночь твои первые мысли — о твоём долге перед ним.

Фатима сделала паузу. Это заявление — поскольку оно было произнесено не как вопрос, а как факт — сначала показалось ей вполне невинным, но затем она осознала дилемму, заключенную в этих словах. Ее рот слегка приоткрылся, но она

промолчала. Она была достаточно мудра, чтобы не говорить с аль-Ашрадом слов на виловом языке.

— Мы не говорим об одном и том же господине, — сказал амр.

— Не совсем, — согласилась она.

На мгновение ей показалось, что аль-Ашрад снова удаляется в то другое место, недоступное ее пониманию, но затем ее вдруг охватило чувство, что он видит ее слишком хорошо, что он заглянул в самую суть ее существа и обнаружил противоречия, о которых она и не подозревала. Был ли это отблеск света в алмазном глазу? Видел ли он в ее душе, зная тайны ее сердца лучше, чем она сама? Или, что более вероятно, этот блеск был просто светом, отраженным от свечи на маленьком столике в прихожей.

— Нет на земле существа, которое могло бы долго служить двум господам, — говорил аль-Ашрад.

— Так было всегда, мой амр, что я служила двум своим господам. — Слова Фатимы, хотя она и не соглашалась с амром, не были надменными; они были сказаны от убежденности, от веры, и она надеялась, что аль-Ашрад услышит эти слова такими, какие они есть, что он увидит ее сердце таким, каким оно было на самом деле — но она также боялась этого. И страх этот рос.

— Так было всегда, — тихо повторил он, и гулкое эхо его голоса в ее груди прояснило перед ней ошибку.

Так было всегда.

— С ночи моего Становления, — отступила Фатима в своем утверждении. — С первых ночей моего обучения я служу Хакиму. До этого был только Аллах.

— То, что вечно для одних, — сказал аль-Ашрад, — не так уж и долго для того, кто отвернулся от солнца до того, как Святой Пророк прошел по земле, для того, кто знал обряды крови до того, как Христос, аль-Масих, воззвал в муках к своему Богу, для того, кто был древним до того, как Муса трудился на земле Египта, для того, кто стоял против Хайина до падения Первого города.

Его слова захватили ее крепче, чем даже взгляд алмазного глаза; они овладели ею изнутри. Фатима повесила голову.

— Все так, как ты говоришь, мой амр. Я говорила из гордости.

— Не от гордости, — говорил аль-Ашрад. — От одиночества. Пустынная мышь, которая следит только за змеей, не видит сову.

— Но разве ты не...? — Фатима запнулась.

Она осознала масштабы своей рассеянности, то, что она будет говорить с аль-Ашрадом без умолку, и это после того, как она только что поспешно произнесла слова. Вопросы гремели в ее груди, в сердце бушевала буря. В словах амра был великий смысл, если бы только она могла видеть дальше своего собственного смятения. Возможно, это был алмазный глаз, который позволял ему видеть такие вещи.

— Говори, дитя. Ты не обижайся.

Она начала снова.

— Не ты ли, мудрый, ходишь по ночам в одиночестве? Как иначе ты мог бы достичь Тадж-дик. Ты разрушил проклятие. Ты восстановил Путь Крови, тех, кто последует за ним.

Фатиме показалось, что она увидела, как аль-Ашрад вздрогнул при этих словах. Возможно, это была всего лишь очередная рябь воздуха, ее молодые глаза играли с ней в присутствии столь древнего и сильного человека.

— Две дороги могут вести в одном направлении, — сказал он. — Уверенные умом и сердцем могут идти по одной дороге. Но что делать, когда дороги расходятся?

— Тогда путешественник должен выбрать. Или не идти дальше. — В сердце Фатимы все сильнее разгорался водоворот. Путь Святого Пророка, чтобы Бог был прославлен; путь Крови, чтобы верующие могли подняться и стать единым целым со Старшим — долгое время они были связующей нитью ее существования, но теперь аль-Ашрад предложил... разрыв?

— Но должны ли дороги расходиться? — спросила она.

Глаза аль-Ашрада, голубые и белые, из плоти и камня, сейчас были непостижимы, как звезды на небе, а его лицо было чистым, как пол пустыни после бури.

— Это вопрос, на который можно ответить во сне.

В снах. В снах, которых у Фатимы, как и у всех ей подобных, не было — или не было... пока.

— Настало время, — сказал аль-Ашрад, — для верующих подготовиться, сделать себя достойными, чтобы выстоять.

Подготовиться. Приготовиться к чему! — хотела спросить она, но ее вопрос был сдержан едва уловимой переменной,

произошедшей с аль-Ашрадом. Фатима не была уверена, как она распознала эту перемену; возможно, дело было в годах учебы, когда она училась читать эмоции, почти читать мысли тех, кто ее окружал. Но амр не сдвинулся со своего места, не смягчил выражение лица, а она не была настолько гордой, чтобы думать, что может знать его мысли, если это не было его намерением. Возможно, его настроение передавалось ей через беспокойный воздух, энергию, которая просачивалась от аль-Ашрада, как свет через тысячу отверстий. Каким бы ни было средство, она чувствовала, как от него исходит неохотное, почти тоскливое добродушие. И печаль. Была и печаль.

— Я надеюсь, — сказал аль-Ашрад, — что ты окажешься достойным.

Его слова, в некотором роде, тоже были доброжелательными. В речи старшего из старейшин в редких случаях проскальзывал намек на ласку. Этого никогда не случалось с теми, кто был младше по крови. Даже в возрасте и положении Фатима не могла позволить себе впасть в сентиментальность, ибо в ней таились семена предательства. Хотя братство было глубоко личным для каждого человека, отношения внутри братства обязательно были безличными, ибо только сильные выживали, чтобы служить. Привязанность была слабостью. И все же здесь были слова аль-Ашрада, того, кто не боялся за свое положение, того, кто был ближе всего по крови к Хакиму, чем кто-либо из клана. Тетмес, ее отец и некогда халиф, хоть и редко, но говорил с ней в подобном тоне; Илия Ахмед, ныне халиф, тоже. Но слова аль-Ашрада были более зловещими, более запутанными.

— Я надеюсь, что ты, Фатима, выдержишь.

Она стояла ошеломленная, не находя слов для ответа. Но гул его голоса в ее груди, клубящийся хаос в ее душе перерастали в боль, словно аль-Ашрад не только видел ее сердце, но и схватил

его одной рукой. И с нежными словами он вырвет его из ее тела.

Подготовить себя. Доказать, что достойна. Выдержать.

Более девятисот лет она провела в терпении. Каждый день и каждую ночь этого времени она старалась сделать себя достойной в служении Аллаху, в служении Хакиму. Как еще она должна была подготовиться? Так вот что он имел в виду, говоря о расходящихся дорогах?

Аль-Ашрад наблюдал за Фатимой, пока она ломала голову над этими вопросами, и хотя она все еще не могла определить, какой именно признак указывает ей на его настроение, мягкость, забота ушли от него. Исчезли, хотя взгляд глаз и бриллиантов по-прежнему удерживал ее. Исчезла настолько, что Фатима задумалась, не привиделось ли ей все это. Амр был из мира, столь же далекого от ее мира, как и ее мир от мира простых смертных. Могла ли она надеяться постичь его? Или она должна ждать снов?

Смятение и беспокойство не нравились Фатиме. Они зудели, как пиявки, впивающиеся в плоть. Основы ее существования всегда были прочно заложены, и в течение долгого времени каждый ее поступок был попыткой укрепить этот фундамент. Однако теперь старшие в клане говорили и делали то, чего она не понимала, что подрывало ее устои. Обобщения и абстракции, о которых говорил аль-Ашрад, были зыбким песком, и они грозили поглотить Фатиму.

Она хваталась за любой неопровержимый факт, даже за риск самонадеянности перед лицом амра.

— Я пережила покушение на меня в этих священных стенах,
— сказала она.

На лице аль-Ашрада промелькнула вспышка гнева. Тени, отбрасываемые его острыми бровями, казались неожиданно темнее, жестче.

— Старейшины высказались по этому вопросу, — сказал он. И больше ничего.

Фатиме не оставалось ничего другого, как склонить голову в знак согласия. Тема была запретной. До такой степени, что амр стал с ней краток. Действительно ли это был гнев, который она почувствовала в тот короткий миг, или тревога? Но что на небесах или на земле может встревожить амра? Еще одна загадка. Но Фатима предпочитала загадки вне ее, а не внутри.

Вновь наблюдая за ней с непостижимым выражением лица, аль-Ашрад протянул руку. Тотчас же со своего места рядом со свечой на угловом столике медленно поднялся в воздух кубок, сделанный из кости. Товарищ кубка, а также костяной белоснежный графин тоже поднялись в воздух и послушно проследовали через всю комнату. Аль-Ашрад взял первый кубок. Второй протянул Фатиме. Она взяла его в руки. Теперь она увидела, что графин представляет собой перевернутый череп, лишенный мандибулы. Орбиты и носовая полость служили ручкой, а затылочный выступ был обточен, образуя небольшой, но функциональный носик. Декантер — похоже, из по собственному желанию, поскольку аль-Ашрад не давал никаких очевидных указаний с тех пор, как поднял руку, — налил сначала в кубок амра, затем переплыл к Фатиме и наполовину наполнил ее кубок, и, наконец, вернулся на свое место на столе.

— За силу, — сказал аль-Ашрад, поднимая свой кубок.

Фатима кивнула.

— К силе, которую долго искали, — сказала она, отдавая дань уважения своему хозяину.

Его губы тронула слабая улыбка, как будто ее слова были забавными, но болезненными. Возможно, он расценил ее идею о долгом времени как ироничную, учитывая, что он только что дал понять, что ее представление о времени сформировано ее ограниченной перспективой. Но Фатима почему-то не думала, что именно это заставило его сделать паузу, поднести бокал к губам. Она почувствовала в его нерешительности что-то более личное, смесь облегчения и сожаления. Кроме того, проклятие Тремере лежало на детях Хакима более пятисот лет, и, что бы кто ни говорил, это был долгий срок. Как секунды перед палящим солнцем или часы неуверенности в судьбе любимого человека, это был долгий срок.

Дождавшись, пока аль-Ашрад выпьет первым, как положено, Фатима пригубила кровь из своего кубка. Аромат разлился по ее телу, как только она поднесла сосуд к лицу. Она медленно отпила глоток, и насыщенная жидкость потекла по горлу, оживляя ее внутренности. Она была насыщенной, слишком насыщенной, чтобы быть смертной или из различных снадобий, которые амр и другие волшебники клана веками готовили, чтобы убийцы могли поддерживать свои силы. Нет, это была *vitaе* из гета Кхайина.

— Из клана Тремере, — сказал аль-Ашрад, его лицо было слегка вздернуто, глаза закрыты, когда он наслаждался возлиянием.

Хотя ей казалось, что она пьет медленно, Фатима обнаружила, что ее кубок опустел слишком быстро, а язык лижет кость, ища то, чего там больше нет. Что за мучение — выпить только половину кубка такого пьянящего вита? Она пыталась побороть голод, но ей хотелось еще. Почти в бешенстве она бросила взгляд на графин, стоявший в углу. Так

близко! Потом ее взгляд упал на аль-Ашрада, шея напряглась, глаза закрылись, и на мгновение Фатима представила, как пьет его кровь — такую близкую к крови Хакима! Зверь зашевелился в ней. Голод закричал. Экстаз, который принесет ей кровь... и власть. Конечно, она была бы подобна богу на земле!

И тут глаза амра открылись. Они охватили Фатиму, и она стояла перед ним, словно обнаженная. Голод, ее порыв наброситься на аль-Ашрада, угас, и на его месте остался только стыд.

— К силе, — снова сказал аль-Ашрад. — К силе, которую давно искали.

Фатима стояла совершенно неподвижно. Она заставила свои пальцы ослабить хватку на кубке, чтобы не разбить кость. Она заставила свой стыд опуститься в те места, куда отступил зверь, сраженный взглядом аль-Ашрада. Она сопротивлялась гневу, который теперь хлынул внутрь, чтобы заполнить эмоциональный вакуум, ярости на собственную слабость. Она придавила это смятение сотнями тысяч ночей смерти и дней забвения — их вес был слишком велик для любого, чувствует себя долго, чтобы выжить.

Наконец-то она снова стала сама себе хозяином; спокойствие, столь необходимое для выживания, вернулось. Истина внутри снова стала соответствовать фасаду снаружи. Аль-Ашрад все еще держал ее в своем взгляде, и она была слишком мудра, чтобы думать, что он не видел ее борьбы, что он не знал о ее слабости.

— Слабость должна быть искоренена, если мы хотим служить нашему господину, — сказал аль-Ашрад.

Слова были сказаны непринужденно, но они поразили самые мысли Фатимы. Ей удалось не вздрогнуть. В ее душе не было

места для страха. Если старшие сочтут ее недостатком — по какой-либо причине — и решат, что она недостойна продолжать служение Хакиму, то она принять это решение.

— По этой причине, — продолжал амр, — может возникнуть необходимость в том, чтобы мы вернули кровь одного из братьев.

Все мысли о себе улетучились из головы Фатимы. Амр не говорила о собственной слабости — по крайней мере, не только о ней. Какой бы недостаток она ни проявила здесь, она не преступила его до такой степени, чтобы уничтожить свою полезность для братства. На этот раз она ухватилась за твердый факт, который амр поставил перед ней; она пробила себе дорогу когтями из изменчивого песка.

— Один из фида'и? — спросила Фатима.

Мысленно она прочесала список недавних посвященных. Драгомир провалил несколько испытаний, но только потому, что Фатима надавила на русскую женщину сильнее, чем на мужчин. Среди старейшин все еще было слишком много тех, кто считал, что женщинам не место в залах убийц, а Фатима слишком много работала на протяжении веков, зарабатывая неодобрительное уважение традиционалистов, доказывая их неправоту, чтобы рисковать потерять позиции из-за того, что еще одна женщина оступилась. Поэтому Фатима давила на женщин-кандидатов и фидаи еще более безжалостно, чем на их коллег-мужчин. И старейшины это понимали. Они не воспринимали неудачи Драгомир как слабость, но знали, что, если она выживет, она сделана из более прочного материала, чем многие.

Фатима продолжила список. Кто еще...?

— Не один из фидаинов, — сказал аль-Ашрад. — Рафик.

Ни один из фидайнов. Фатиме было трудно в это поверить. Время от времени ценность нового посвященного пересматривалась; прохождение того, что обещало быть бесконечной чередой ночей, иногда слишком тяжело сказывалось на сердце или разуме свежеебитого через год или десятилетие. Но Фатима помнила только один случай, когда ассасина-ветерана перевоспитали.

— Грек, — наконец бесстрастно сказал аль-Ашрад.

Фатима кивнула. Грек. Парменид. Она помнила блеск его кожи, потемневшей за несколько лет; помнила его первоначальную дерзость, его гордость, развязность, которую он так и не смог окончательно сломить.

— Ты выступала против его становления, — сказал амр.

Фатима снова кивнула. Это была правда. Смертные убийцы были известными и неизменно высокомерными людьми. Только в результате жесточайших тренировок им удавалось осознать собственную малость, ничтожность личности. С этого момента они начинали понимать, как их существование может обрести смысл — через служение Старшим. Самый ничтожный, брошенный кусок дерева становился, благодаря братству, винтиком среди винтиков на колесе, вращающемся навстречу судьбе. Фатима никогда не была уверена, что Парменид действительно усвоил этот урок. Он говорил слова о братстве достаточно хорошо, но для Фатимы они были пустым звуком; они слетали с его языка, а не из сердца. Но Тетмес, будучи в то время халифом, поддержал грека, и Парменид был принят. Несмотря на то, что с годами он показал отличные результаты, высокомерие осталось, а возможно, и усилилось, затаившись на поверхности. Поэтому Фатима не так удивилась, услышав его имя, как многие другие.

Аль-Ашрад сделала паузу, возможно, ожидая, что Фатима заговорит, но она не видела причин заикливаться на прошлых разногласиях, даже если ее позиция казалась оправданной. Это был вопрос позора для клана, а не гордости для нее.

— Возможно, вина не полностью лежит на Пармениде, — продолжал амр. — Мы поставили его в ситуацию, которую, как надеялся халиф, он сможет пережить.

— А халиф присоединится к нам? — спросила Фатима. Аль-Ашрад явно готовил ее к миссии — амр не стал бы вызывать ее просто для консультации, — но обычно халиф Илия Ахмед выбирал руки, которые будут орудовать клинком воли Хакима. Возможно, он придет сейчас и вскоре ответит на ее вопросы о курде.

— Нет, — сказал аль-Ашрад. — Он не будет.

Окончателность этого заявления поразила Фатиму. Нет. Он не придет. Ровный, ровный тон амра не оставлял места ни для дальнейших вопросов, ни для надежды на то, что халиф прибудет позже. Голос аль-Ашрада, лишенный эмоций, лишенный жизни, нес в себе груз постоянства. Когда Тетмес впал в оцепенение, как это иногда случается с людьми старшей крови, Фатиме сказали об этом прямо. Никто не мог знать, как долго ее отец будет отдыхать, сколько ночей или лет пройдет, прежде чем он снова восстанет. Повелитель, Джамал, Старик Горы, выбрал нового халифа, и ночи прошли, как и прежде. Что-то в словах аль-Ашрада — или в том, что он не сказал, и в том, как он не сказал, — заставило Фатиму поверить: что бы ни удерживало Элайджу Ахмеда, оно будет удерживать его и дальше. Навсегда. Но если с ним что-то случилось, почему повелитель не назвал нового халифа?

— Есть еще один вопрос, — сказал аль-Ашрад. — Остались невыполненные контракты, которые должны быть выполнены.

Фатима, хотя внешне она не выдавала никаких эмоций, почувствовала, как ее сердце словно сжалось от голоса амра. Даже она, будучи привилегированным рафиком, вряд ли разговаривала с амром чаще, чем раз в двадцать лет. И вдруг это стало казаться слишком частым. На протяжении веков Фатима чувствовала ясность цели, вела почти уверенное существование. За столь короткое время сегодня вечером Аль-Ашрад вырвал из ее сердца несколько неопределенностей и разложил их перед ней. Невыполненные контракты. Был только один контракт, который Фатима не выполнила.

— Для тебя, как и для твоего государя, есть один признак неудачи, — сказал амр. — Поскольку Тетмес недоступен, ты должна позаботиться об обоих.

Фатима знала, что ей не избежать своего долга, но это знание не усиливало ее желания. Самая короткая задержка была лучше, чем никакой. Ей хотелось думать о чем-нибудь другом.

— Я не знала о неудаче моего отца, — сказала она.

— Это не часто обсуждается, — сказал амр. Возможно, он на мгновение улыбнулся, а возможно, это треск воздуха вокруг него создал такое впечатление. — Как ты не справился с ребенком, так и твой сир не справился с сиром.

Тетмес. Его неудача. Фатима ухватилась за эту неудачу, вместо того чтобы встретиться со своей собственной. Ее отец тоже не смог уничтожить одну из намеченных жертв, хотя до сих пор Фатима этого не знала. На протяжении многих лет традиция клана гласила, что цель, которой посчастливилось помешать одному из членов братства, тем самым доказала свою честь — испытание боем, только достойные остаются в живых. После этого выживший объект оказывался вне досягаемости братства; против него больше не заключались контракты.

Однако в современные ночи настроение старейшин изменилось. Традиции служили только Хакиму, утверждали некоторые. Воля Хакима была ясна. Ни одно ночное существо за пределами братства не было достойно чести. Каждый из них был предназначен для уничтожения. Разве не так сказано в Пути Крови? Отказаться от расплаты невозможно. Как же кафир может оказаться достойным?

Перемена произошла примерно в то время, когда Тетмес погрузился в томительный сон и его сменил Элайджа Ахмед. Мало кто из кафиров заметил это, ибо традиция была не более чем слухом для тех, кто не принадлежал к клану. Но один за другим оставшиеся в живых встречали свой приговор. Дети Хакима получили по заслугам. Теперь ни один из Кхайинов не был защищен. Фатима заперла смятение и боль в своем сердце. Для них не было места. Долг вытеснил их. Аль-Ашрад, казалось, намеревался высвободить все смятение, все дилеммы, которые она так долго отрицала.

— Ребенок сейчас не так важен, — сказал амр, — хотя ты должна потребовать ее кровь в ближайшее время... если хочешь доказать, что достойна. Но сира ты должна уничтожить.

Родоначальник. Монкада. И его дитя — Люсита.

— Имеет ли это отношение к войне между кафирами? — спросила Фатима. Ей нужно было сосредоточиться на Монкаде, иначе она снова потеряет контроль над собой, а этого она себе не позволит. Она встретила взглядом с бриллиантово-голубыми глазами амра, заставила себя признать факты и отбросить эмоции. Монкада... не ребенок. Монкада.

Аль-Ашрад смотрел на нее, и Фатима почувствовала, что этот момент — всего лишь песчинка в мамонтовые песочные часы, покоящиеся на ладони амра.

— Пришло время, — сказал он, — когда мы должны вернуть себе кровь, о которой говорят. Мы должны подготовить путь.

Фатима кивнула. Монкада. Кардинал Шабаша. Миссия не будет простой. Уже сейчас ее разум прикидывал детали, которые станут ее триумфом или гибелью. Не оставалось места для смущения, для сомнений. Монкада, не ребенок. Монкада.

— Как вы и предполагаете, — сказал аль-Ашрад, — есть неотложные соображения, связанные с конфликтом между кафирами. Пока они воюют, они делают за нас нашу работу, отсеивая слабых. Но если война закончится слишком быстро, наша задача становится еще более масштабной. А времени все меньше.

— Неужели Монкада такой сильный лидер? — спросила Фатима. Она вспоминала то немного, что знала о мадридском убежище кардинала — смертоносном лабиринте под церковью.

— Он внушает страх, с которым мало кто может сравниться в Шабаше, и он почти недостижим для регента и Черной Руки. Он выбрал это время, чтобы протянуть свою руку. Мы должны отсечь ее.

Это Фатима могла понять, если бы только она могла удержать свой разум на непосредственной задаче. Она должна. К счастью, будет множество деталей и договоренностей, которых хватит, чтобы занять ее мысли на долгие ночи.

Пока что Монкада. Сир.

Не ребенок.

Воскресенье, 29 августа 1999 года, 9:46 AM
Дневная камера, Аламут
Восточная Турция

Ля иляха илля илля-Ллах. Нет бога, кроме Бога.

Ва Мухаммадан расула 'л-Ллах. А Мухаммад — посланник Бога.

Несколько часов назад Фатима завершила молитву субх, когда небо светлеет, но солнце еще не взошло над горизонтом — для смертных это время начала, выхода из ночи; для ее рода — время отступления, изгнания из дня. Но такова была воля Божья, возложенная на Хакима и всех его детей: они никогда больше не почувствуют солнечного тепла и не увидят полосы радуги после бури; подобно тому, как паук пожирает жужжащее насекомое, воробей — паука, а ястреб — воробья, дети Хакима когда-нибудь ночью избавят землю от существ, охотящихся за кровью смертных.

Салла-'и-Ллаху 'аля саййидина Мухаммад. Да ниспошлет Аллах Свои молитвы нашему господину Мухаммаду.

Ас-салям 'алейкум ва рахмату 'л-Ллах. Да пребудут с вами мир и милость Аллаха.

Слова салаха обычно успокаивали Фатиму, обычно вели ее спокойно к покою, который не был сном, но этим утром мир Божий казался далеким, чужим, путешествующим по дальним дорогам.

Мирно ли вы отдыхаете в часы, когда светит солнце? Возможно, именно слова, произнесенные аль-Ашрадом, сейчас тяготили ее сердце. Нет никаких снов! Снов не было. Но в этот день не было и покоя. Отсутствие снов не давало ей покоя так

сильно, как только могли дать сны, потому что амр намекнул, что она должна видеть сны или что она будет видеть сны — сны, которые скажут ей, должна ли она предать своего Бога, если хочет остаться верной своей крови. Как бы она ответила на эти сны, если бы они посетили ее? И как она сможет?

Фатима чувствовала притяжение забвения, зов дня, но не могла ответить. Он тянул ее к себе, словно огромная рука, подымавшаяся из темных недр земли, хотела забрать ее с собой, но ее крепко держали в мире бодрствования. Она чувствовала каждый поворот каждой тростинки на спальном коврике под своей спиной, и хотя глаза ее были закрыты, она могла представить себе каждое крошечное углубление в каждом большом камне над, вокруг и под ним.

Даже когда ей удалось отбросить все мысли о снах, Фатиму преследовали другие слова, сказанные аль-Ашрадом в ту ночь несколько недель назад. Как ты не справился с ребенком, так и твой отец не справился с сыном. Эти слова прозвучали, как грохот кимвалов, разрушающих мир.

Монгада, а не ребенок. Но как бы Фатима ни отрицала сама себя, она была послана за обоими, послана, чтобы очистить не только неудачу своего отца, но и свою собственную. В конце концов, твердила она себе. Прежде всего.

Монкада, не ребенок. Еще нет.

И все же это был ребенок, который занимал место в мыслях Фатимы на протяжении сотен лет. Люсита.

Как давно это было, как молоды они оба были после смерти, когда впервые встретились, когда впервые сражались. Сама Фатима была слишком самоуверенна. В конце концов, разве не она была первой представительницей своего пола, которую обнимали дети Хакима? Разве ее страсть и мастерство не

убедили наемных убийц, что она достойна стоять в их рядах, несмотря на извращенную прихоть природы, создавшей ее женщиной? Это были те ночи, когда она целеустремленно шагала по каменистым склонам Святой земли, когда она была полна решимости доказать братству, что ей нет равных среди них.

Фатима и Люсита встретились в стране Христа. Для одной он был пророком, для другой — Мессией. И поэтому, при таком различии, они были смертельными врагами. Если бы их земные жизни в Испании совпали, они все равно были бы врагами: мстительный защитник Альмохадов и дочь христианского короля.

Фатима обратилась к Люсите напрямую, отказавшись от хитрости и скрытности. Темная Роза Арагона была новичком в крови, но сражалась она с безрассудством, поражающим Фатиму. С того момента, как луна поднялась в ночное небо, и до того, как она скрылась за горизонтом, скимитар встречался с мечом, сталь звенела о сталь. Фатима была сильнее и искуснее в обращении с клинком, и она атаковала без устали. Однако Люсита призвала на помощь тьму, армию теней, чтобы отвлечь и отразить нападение. Мавра пробивалась сквозь черные щупальца, на шаг опережая тьму, которая могла бы ее задушить, и все равно обрушивала на Люситу удары; но как только дитя Ласомбры оказывалась на коленях или прижималась к краю пропасти без надежды на спасение, тени приходили ей на помощь. Они отбивали убийственный удар Фатимы, или копали рыхлую землю под ней, или наносили удары, от которых она должна была уклониться или упасть под ними.

С рассветом бойцы все еще были на волоске друг от друга, но теперь мечи скрещивались реже, а тени таяли перед наступающим рассветом. Ослабевшие от напряжения, недостатка крови и полученных за ночь ран, каждый из них

предстал перед беспристрастным солнцем. Поражение было для обоих равнозначно компромиссу, но Фатима отложила меч.

— В почетном поражении нет ничего постыдного, — сказала Фатима.

— Так считают твои хозяева, — сказала Люсита, неохотно опуская оружие.

Именно тогда Фатима точно узнала то, что уже подозревала: эта высокая, красивая христианка, полная огня, сражалась бы до тех пор, пока не смогла бы уползти, пока рассвет не сжег бы ее до углей, вместо того чтобы сдаться, если бы Фатима сначала не отложила свой меч. Прошел день, пока они вместе ютились в неглубокой пещере под жестокими лучами солнца, а на следующую ночь они расстались.

Были и другие битвы на протяжении веков, противоречивые цели, которые привели к противостоянию двух убийц — ведь именно такой стала Люсита, известная наемная убийца в своем собственном праве — но всегда казалось, что каждая достигла своей цели, не помешав полностью другой, и без необходимости финального, смертельного противостояния. Однажды Фатима убила тридцать телохранителей вместе с их немецким бароном, а не бастовать неделей раньше, когда Люсита была единственным опекуном барона. Деятельность Люситы, как правило, развивалась по тому же сценарию, и, хотя они пересекались много раз, это состояние — жить-поживать — преобладало. Необъявленная разрядка держалась не на страхе — Фатима не знала и не могла представить себе такой Люситы, — а на восхищении и уважении... и еще на чем-то большем. Никогда еще Фатима не сражалась так близко; никогда еще она не тратила все свои силы и не получала отказа. И с тех пор, как она попала в объятия вечной ночи, она не провела и дня, свернувшись калачиком вместе с другим телом, которое за несколько часов до этого она так старалась уничтожить.

Старейшины, конечно, не были в неведении относительно этих отношений. Фатима никогда не могла скрыть свое сердце от тех, в ком кровь Хакима была сильнее. Возможно, они не знали, что они с Люситой встречались и в другие времена — напряженные встречи, где осторожные разговоры лишь постепенно уступали место уступчивому доверию, и где каждый в конце концов оказывался в объятиях другого. Старейшины могли не знать глубины странной связи между этими двумя женщинами. Но старейшины чувствовали разделенную преданность, и поэтому они послали Фатиму уничтожить Люситу, чтобы искупить вину. Даже сейчас Фатима содрогается от воспоминаний. В тот раз ее подвела не тьма, а сердце, и Люсита выжила.

Были среди братства и те, кто шептал, что, если бы Фатима только выполнила этот долг, если бы она взяла кровь, о которой говорилось, и отдала Люситу до окончательной смерти, то другое дитя Тетмеса стало бы халифом, что она была бы одной из трех благосклонных, трехсторонним ду'ат Аламута. Женщина или нет. Она предала то, к чему стремилась всей своей волей, — все, кроме самой малой части, которую она не могла передать Хакиму.

Однако, по крайней мере, ее неудача обеспечила безопасность Люситы. Темная Роза Арагона пережила убийцу. Она доказала, что достойна. На этом дело затихло на несколько столетий. Лишь недавно ветер на могучем Аламуте переменился и погнал грозовые тучи за горизонт; всего несколько недель назад аль-Ашрад вновь возложил требования старейшин к ногам Фатимы. На этот раз ее поражение означало бы только ее позор или гибель, и другие последовали бы за ней, чтобы убедиться, что дело сделано, чтобы убедиться, что Люсита уничтожена. Фатима, даже потерпев поражение, больше не могла предложить защиту.

Лучшее, что она могла сделать, это отложить. Люсита должна была быть уничтожена. Монсада, а не ребенок. Но как долго? Как долго Фатима могла медлить и тем самым гарантировать безопасность Люситы? Пока что смертный приговор защищал Люситу — никто из братства не покушался на Монсаду или его ребенка, пока Фатима была занята. Как долго?

Время пришло. Мы должны подготовить путь.

Фатима подняла руку к груди. Она почувствовала, что на нее навалилась огромная тяжесть, но никто не входил в ее камеру. Она подняла другую руку, сильно прижала обе к груди, пытаясь подавить дыхание, которого там не было, пытаясь найти покой могилы, но он все еще ускользал от нее. Покой не принадлежал ей. То, что она знала, было заимствовано, украдено. Теперь ее хозяева вернули его себе. Не два, а три хозяина: Кровь. Дух. Любовь. Каждый ревнует, каждый потребляет. Где-то вверху горело солнце, ожидая своего шанса поглотить, вернуть себе тело, все тела, которые по праву были пылью.

Наконец, когда ее терпение лопнуло, Фатима поднялась и села прямо. Она протянула руку и взялась за свой джамбию, который никогда не был далеко от ее руки. От клинка не отражался свет, но ей не нужно было зрение, чтобы знать каждый сантиметр изгиба своего оружия. Она держала клинок между ладонями, ощущая прохладную сталь на своей столь же прохладной коже. Затем она взяла рукоять в одну руку и прижала лезвие к кончику среднего пальца другой. Острый край легко прорезал плоть и плавно спустился вниз, пока не коснулся кости. Фатима стиснула зубы, но не остановилась. Медленно она повернула лезвие по всей длине его изгиба так, чтобы оно прошло по пальцу, по ладони и до пятки. Она не давала своей крови приливать к ране, не давала ей заживлять нервы и мышцы, не давала ей отказываться от боли.

Будет боль. Боль будет всегда. Видеть, что боль служит какой-то цели, было честью. Обеспечить выживание и процветание народа Божьего — это была цель, которой стоило служить, и Фатима делала это во имя Аллаха. Добиться того, чтобы гет Хайин исчез с лица земли — это тоже была благородная цель, которой она служила во имя Хакима. Как эти две цели противоречили друг другу, она не понимала. Она не могла видеть то, что видел аль-Ашрад через свой алмазный глаз. Что стало с первоначальной сферой? Сохранил ли амр память о ней в уме и сердце, чтобы править этими непостоянными королевствами? А может быть, в тех землях не было раздоров? Фатима жаждала такого мира — такого мира, какой она иногда познавала в объятиях Люситы. Но там Фатима не могла найти ни благородной, ни достойной цели. Только самоудовлетворение, то, в чем она отказывала себе во всем остальном.

Теперь она прижала плоское лезвие к щеке. Эгоистичные чувства уйдут вместе с уничтожением их объекта. Сына и ребенка. Эту недостойность Фатима видела в себе. Но другой?

Ля иляха иляйя илля-Ллах. Нет бога, кроме Аллаха. Неужели даже Хаким думал поставить себя выше Аллаха? Осмелился ли Старший?

Фатима провела кривую линию по лбу, надавила с достаточным давлением, чтобы оставить красный полумесяц. Кончик ее джамбии слегка скользнул по скуле к носу и последовал по низкому пути к мягкой ткани у уголка глаза.

Ля иляха иляйя 'ля-Ллах.

Ля иляха иляйя 'ля-Ллах.

А как же Хаким? Как она могла сомневаться в Старшем и все еще служить ему? Она не могла видеть. Острые кинжала

прижалось к белой оболочке глаза и легко проскользнуло сквозь мембрану. Фатима увидит. Она прогонит сомнения и смятение. Силой воли она победит их, так же как силой воли она сейчас держала открытыми глаза. Сильнее надави на лезвие. Глубже, в орбитальную впадину. Она будет управлять своим разумом и сердцем, как это сделал мудрый аль-Ашрад, благодаря постоянной бдительности, неустанной преданности своему делу.

Легкий щелчок, и лезвие сделало свое дело. Глаз вырвался на свободу и упал к ее ногам. Сильная дрожь охватила Фатиму. Она была вся в боли, ярости и печали. А через несколько минут глаз превратился в пыль, не более чем воспоминание.

Солнце было уже высоко над головой, когда где-то среди бреда Фатима нашла если не покой, то хотя бы передышку.

**Понедельник, 30 августа 1999 года, 9:12 вечера
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания**

— Mea culpa. — Крэк!

Куерда жалила плоть; осколки стекла, аккуратно вплетенные по всей длине шнура, содрали кожу.

— Mea culpa. — Крэк!

А затем и правое плечо.

— Mea maxima culpa. — Треск!

Кардинал Амбросио Луис Монкада сидел обнаженный и полупогруженный в затонувший каменный бассейн, достаточно большой, чтобы вместить трех или четырех мужчин — если один из них не был Монкадой. Хотя бассейн был заполнен менее чем наполовину, прежде чем он опустился в него, вода переливалась через край при каждом его движении. Кровь медленно стекала по его спине.

— Mea culpa. — Крэк!

— Mea culpa. — Крэк!

— Mea maxima culpa. — Треск!

Он поддерживал темп, который легко убил бы смертного, который довел бы многих каинитов до изнеможения и даже, возможно, до оцепенения. Но Монкада таил в своей огромной массе такую преданность и решимость, которую другие никогда не смогут постичь.

— Mea culpa. — Крэк!

Он мог определить на ощупь и по звуку, вошла ли плоть в уже имеющуюся выемку или в еще целую плоть. Как он мог быть искренним в своем раскаянии, если он все еще находил неповрежденную кожу? Первые несколько часов всегда были самыми разочаровывающими. Его вита имела прискорбную привычку заживлять изжеванные участки плоти. В конце концов, однако, это обстоятельство лишь побуждало его удвоить свои усилия, побуждало его к еще большим жертвам, чтобы в достаточной степени унизить себя в глазах своего Создателя.

Ночь продолжалась. Стаккато треск кожи о недостойную плоть отмерял ход времени, как щелчки маятника — равномерно, ритмично, отсчитывая неизменное движение часов от настоящего к прошлому. Много-много лет назад именно боль влекла Монкаду — жгучая, оцепеняющая разум боль, бичевавшая его недостойную плоть и очищавшая его от гордыни, от греха. Это были его смертные дни, когда он терял сознание от агонии, а в более поздние годы — от истощения. Это были дни перед его Объятиями, перед этим величайшим из благ для его духовного существования.

С бесконечной ночью пришло уверенное знание о собственном проклятии — так же, как и о физической способности, которая позволила ему превзойти все границы боли, какие он знал раньше. Божье возмездие грешнику, понял Монкада, было таким же освобождением, как и Божья благодать святому. Возможно, даже больше.

Из кровоточащей души Монкады была извлечена мазь искупления.

— Mea culpa. — Крэк!

На его место пришла острая, чистая плоть предопределения.

В те первые пьянящие годы он проводил ночи, а иногда и дни, сопротивляясь зову солнца, погружаясь в экстаз своих пыток, и его виновное удовольствие только укрепляло его руку. Он исследовал действенность поста, отказывая себе в крови — ибо разве всякая кровь не является заменой крови Христа, которую он не заслужил? — А затем, с помощью кожи и стекла, он втягивал свою собственную *vitaе* через плоть — фильтруя, очищая, создавая духовный водонос.

В конце концов, он преодолел физическую боль. Тело распалось в небытие, и он увидел его таким, каким оно было. Хотя его земная сила и подпитывалась проклятием Каина, его форма была пустой шелухой, а ночи его жизни были не более чем проклятием плоти. В эти безвременные мгновения прозрения Монкада увидел, что его истинная и вечная расплата еще впереди. Только в Конец Времени он познает истинную деградацию. В последних ночах обнажится черный рак его души. Птицы-каррион будут питаться его сердцем, а личинки съедят его глаза и язык. Он будет сгорать в адском огне еще долго после того, как его безжизненный труп рассыплется в прах. И в тот славный день его последней пытки Богу будет оказано служение. Ибо не может быть высшего блага без чистого унижения, не может быть спасения святых без проклятия грешников.

— *Mea maxima culpa.* — Крэк!

Сегодня, однако, Монкада обнаружил, что отвлекся, и даже многочасовая дисциплина не смогла прогнать назойливые мысли. Он приостановился в своих гребках и опустился в бассейн настолько, что соленая вода омыла вздыбленную плоть его спины и плеч. Огонь вновь пронесся по всем волокнам его тела. Он черпал силы в боли, когда болтающиеся куски мяса поднимались и плавали на поверхности бассейна. Вода помутнела от капель его крови.

И все же он не смог избежать присутствия в купальне. Он не мог подняться выше и достичь того блаженного состояния, в котором ему открылась его конечная судьба. Его уши улавливали шлепающий звук журчащей воды; он представлял его хором ангелов или голосами верующих на полуночной мессе в церкви, расположенной в сотнях футов над его лабиринтом. Его глаза все еще видели фрески, окружавшие бассейн: Ева, проклятая женщина, искушающая Адама плодами дерева добра и зла; те самые первые любовники, посрамленные в своей наготе, а затем изгнанные из Эдема; Авель, приносящий всесожжения, лежащий мертвым у ног своего брата.

Но Монкада не мог покинуть это место. Он был не в состоянии полностью потерять себя в ритуале из плоти и крови. Даже очистительных вод не хватило, чтобы на него снизошло озарение.

И в чем была причина? Что так отвлекло его и нарушило его святое созерцание? Что в такие моменты почти всегда отвлекало его?

Люсита. Его дочь. Темная роза, которая, Монкада был уверен, однажды ночью станет его терновым венцом. Мысль о ее имени причиняла ему более сильную боль, чем соленая вода в ранах на его плоти. Она была его творением, но до сих пор он не контролировал ее, не владел ею полностью.

— *Mea culpa*, — прошептал он при мысли о том, чтобы полностью овладеть ею, при мысли о том, как она склонится перед ним, целуя его ноги. Он вспомнил ночь, когда он наблюдал из подзорной трубы, как Люсита покорно лепила, а Викос лепил ее подобие, сначала черное, потом белое, для шахматного набора Монкады. Он вспомнил линию ее обнаженных плеч, когда она надевала роскошное платье... изгиб позвоночника, ее обнаженную спину.

— Mea culpa.

Но в его желании к ней было гораздо больше, чем просто плотская похоть. Он мог подавить ее волю, если бы захотел; он мог сломать ее стройное тело, как сухую ветку, или вызвать тени, темнее ночи, чтобы утащить ее в низины земли, откуда она никогда не выберется. Однако ничего из этого он делать не стал. Ибо он пришел к тому же выводу, что и бесчисленные христианские богословы на протяжении веков: без свободы воли не может быть истинного поклонения. Автомат не был достойным поклонником. Монкада создал блудную дочь по своему образу и подобию — духовно, если не физически, — и он позволил ей неповиновение, чтобы в конце концов она могла должным образом прославить его. Она должна была поклоняться ему. Он будет владеть ею душой и телом и наслаждаться ее обожанием.

— Mea maxima culpa.

Вздохнув, Монкада снова поднял свою куэрду... но приостановился: хлыст плавно покачивался в воздухе перед ним. — Альфонсо, — окликнул кардинал, услышав приближение в коридоре.

Одна из двух тяжелых дубовых дверей комнаты распахнулась с тяжелым скрипом. Альфонсо, опустив глаза, сделал один шаг в купальню. На нем была темная форма личных легионеров Монкады — элитного подразделения, созданного в противовес страшной Черной руке регента.

— Ваше преосвященство, — сказал капитан стражи. — Вы просили немедленно сообщать вам любые новости о вашей... вашей дочери.

— Да. Не думаю, что мне нужно напоминать о моем собственном приказе, — холодно сказал Монкада, крепко

сжимая в кулаке рукоять куэрды. Его раздражала нерешительность легионера при упоминании Люситы. У Альфонсо не было прерогативы одобрять или не одобрять.

Отношения Монкады с его ребенком — считал ли кардинал ее дочерью, рабыней или наложницей. Это было не дело низших. Вальехо всегда признавал и уважал этот важный факт. Однако после того, как Вальехо и первая эскадра были заняты в Новом Свете, командование полуэскадрой, оставленной в качестве домашней охраны, перешло к Альфонсо. Пока что Монкада не был слишком впечатлен. Альфонсо, как и многие другие военные, действовал грамотно, когда ему позволяли роскошь выполнять приказы — обычно от Вальехо, — но когда его заставляли действовать по собственному усмотрению, второму командиру, казалось, не хватало рассудительности и уверенности, необходимых для лидера.

— Какие новости? — спросил Монкада.

— Она устранила еще одного члена Шабаша — некоего Питера Манро в Делавере.

— Манро, — повторил Монкада. — Я узнал это имя. Торговец оружием. — Кардинал на мгновение задумался над тем, что он знал о потоках материальных средств Шабаша по всему миру. Детали, конечно, были далеко за пределами компетенции одного человека, но он держал в голове множество фактов — ведь единственное правило, более кардинальное, чем знать своего врага в полуночной борьбе Джихада, это знать своих предполагаемых друзей.

— Манро. Это создаст некоторые трудности, — согласился Монкада, — но только временные. А Люсита, как правило, безупречна в своем вкусе. Я подозреваю, что этот Манро был неприятным парнем и его нужно было устранить.

— Да, Ваше Преосвященство.

Монкада бросил взгляд на Альфонсо. Кардиналу не нужен был подчиненный, который был вынужден соглашаться с каждым его рассуждением — как будто Монкада хотел иметь другое мнение, тем более высказанное из вечного послушания.

— Это все, Альфонсо.

— Да, Ваше Преосвященство.

После того как дверь закрылась, Монкада еще некоторое время сидел в задумчивости, прижав пряди кнута к нахмуренным губам. Время от времени его язык высовывался из этих губ, чтобы взять маняще малое количество крови, которую он принес в жертву, и чтобы быть разорванным осколками стекла, впившимися в кожу. Его сознание, однако, едва регистрировало череду возбуждения и увечий. Его мысли снова обратились к его ребенку, его блудной дочери.

Монкаду мало заботили случайные лакеи Шабаша, которых она решила устранить из существования — не такие уж случайные, поправил он себя. Вожак стаи, военачальник, поставщик оружия. До сих пор ее цели наносили незначительный ущерб делу Шабаша в Северной Америке, в частности, Мунро лишился некоторых поставок оружия, пока его не заменили. Но их всех можно было заменить. Более показательным, по мнению Монкады, было то, что ее жертвы были настолько случайными, что каждый член Шабаша, начиная с самого низкого вожака стаи и выше, должен был в глубине души сомневаться, не он ли следующий. Эта нерешительность, в лучшем случае небольшое психологическое преимущество Камарильи, позволяла предположить, что кто-то из их рядов заразился.

Люсита.

Это также показало, что они были в отчаянии.

Убийств будет недостаточно. Даже если бы Люсите удалось уничтожить одного из архиепископов, продвижение Шабаша было бы только замедлено, но не остановлено. Уже сейчас в руках Камарильи оставалась лишь горстка восточных американских городов.

И как эти новости о деятельности Люситы от имени Камарильи сочетались с противоречивыми слухами, дошедшими до Монкады, о том, что его дочь была задержана для уничтожения архиепископа одним из их собственных? Монкада знал, что эти сведения не столько противоречат друг другу, сколько совпадают.

Кардинал втянул в рот небольшую часть куэрды и прикусил. Стекло удовлетворенно зазвенело между зубами. Затем он сильно прижал язык к крошечному зазубренному краю, проводя им вверх и вниз, пока вита не начала заполнять его рот.

Монкада поднялся на ноги. Вода каскадом стекала с его массивного тела в подкрашенный кровью бассейн. Когда он впервые встал, то почувствовал легкое головокружение. Он постился много ночей, готовясь к сегодняшнему кровопусканию. Завтра ночью он поест и почувствует, как силы возвращаются в его очищенное тело. А до тех пор и после этого он будет беспокоиться — не об убийствах, ибо в конечном итоге они мало чего дадут; не о слухах о предателе среди его архиепископов, ибо честолюбие было законом среди Шабашов. Как любой отец, он беспокоился о безопасности своей дочери, ведь кардинал послал против нее своего сородича, Талли Гончего, а английский убийца, превратившийся в телохранителя, мог сыграть грубо. Монкада подозревал, что Люсита, по крайней мере, выживет. Но отец всегда беспокоился.

Четверг, 9 сентября 1999 года, 10:12 вечера
Нью-Йорк Авеню
Вашингтон, округ Колумбия.

Тщетно. Тщетно, но неизбежно. Именно так Парменид расценивал стратегию, которая обусловила необходимость выполнения его нынешних обязанностей — наблюдение за канцелярией Тремере, единственным оставшимся бастионом власти Камарильи в американской столице. Или, по крайней мере, единственным оплотом, о котором знал Шабаш. Конечно, в городе были смертные, которые оставались под властью хозяев Вентру — сенаторы и конгрессмены, вызывающие одолжения, гули-бюрократы, которые, в зависимости от обстоятельств, либо смазывали, либо засоряли колеса правительственного механизма.

Взять, к примеру, общегородской комендантский час в прошлом месяце, который заставил Шабаш более тщательно подходить к устранению скрытых ячеек сопротивления Камарильи. Как еще это можно объяснить? А тот факт, что комендантский час вводили не федеральные войска, как должно было быть, а подразделения Национальной гвардии штата Мэриленд?

Это была простая вежливость, заверили своих граждан власти предержажие. В условиях, когда вооруженные силы были разбросаны по стране в связи с миротворческими операциями в Боснии, Косово и других местах, казалось совершенно разумным использовать силы, находящиеся наготове и в такой близости от недавних гражданских беспорядков. Кроме того, эта мера не была явно неконституционной... и так далее, и тому подобное. Заверения в правильности происходящего звучали с разных сторон.

Конечно, Парменид и ему подобные обладали определенными знаниями, в которые не была посвящена широкая (то есть смертная) общественность. Немногие граждане, например, поверили бы, что эти волнения, как и предшествовавшие им волнения на Восточном побережье, были в первую очередь результатом могущественной борьбы между враждующими сектами ночных существ. А если учесть, что мунафикун принц Витель Вашингтонский бежал на север и укрылся у князя Гарлотта Балтиморского, то и вовсе становится очевидным, к чему привел комендантский час в столице.

И это был лишь один пример. Возможно, Шабаш и завоевал контроль над улицами Вашингтона, но в залы власти так просто не проникнуть, и в этом заключалась суть влияния Вентру.

Если этот гордый и коварный клан был основой Камарильи, а выскочка Бруха — мускулами, то проклятые Тремере были зубами и клыками; и именно этот клан сейчас занимал внимание Парменида.

Он лежал, спрятавшись среди живой изгороди, через дорогу от дома Октагона, причудливой — исторической — реликвии в этой стране, слишком молодой, чтобы по-настоящему понять или иметь историю. Историческое значение этого места значительно бледнело по сравнению с его стратегической ценностью для враждующих сект, ведь под этим строением находилось логово Тремере.

Поэтому Парменид ждал и наблюдал.

Сами кодуны могли приходить и уходить с помощью коловодства — кто бы мог сказать? — но уже сейчас бдительность Шабаша была вознаграждена. За десять недель, прошедших с тех пор, как силы секты ворвались в город, было схвачено несколько лакеев Тремере из числа людей и гулей

ликвидированы. Кроме того, в кварталах, окружающих Восьмиугольный дом, были обнаружены и запечатаны два совершенно секретных входа в капеллу. Колдуны не будут побеждены такими ничтожными потерями, но постоянное давление может в конечном итоге привести к более значительным возможностям.

Уничтожение Тремере. Такая перспектива Парменида вполне устраивала, хотя он предпочел бы более активную стратегию или, по крайней мере, более непосредственную роль для себя. Проведя несколько недель в тесном контакте с леди Сашей Викос, он теперь, похоже, был изгнан в глубинку для несения караульной службы, хотя недостатка в шабашитских грубиянах, способных охранять эту часть периметра, не было. Конечно, у Викоса должно быть что-то более соответствующее его особым навыкам, но после успешного задания Чина в Балтиморе она не давала ему дополнительных обязанностей. Возможно, она не хотела иметь в своем штате слишком опытного убийцу, размышлял Парменид. Но даже когда эта мысль пришла ему в голову, он нехотя признал в ней ложную браваду, которая так быстро исчезала, когда он находился в присутствии Викоса. Будь она проклята.

Нарушая монотонность вечера, вибрация в одном из многочисленных карманов свободной куртки Парменида привлекла его внимание — и напомнила ему о другой обязанности, возложенной на него Викосом. Бесшумно отползая назад, Парменид выбрался из живой изгороди — там были другие часовые, которые несли вахту; его не пропустят — и быстро двинулся прочь от восьмиугольного дома. Только тогда он достал из кармана сотовый телефон, раскрыл аппарат и нажал кнопку — разговор.

Он подождал еще мгновение, пока не сработала технология скремблирования, затем:

— Алло?

— Добрый вечер. — Как обычно, в голосе звонившего звучал жестокий, насмешливый тон, как будто она каким-то образом оказала ему услугу, соизволив позвонить.

— А. Донья Люсита. Приятно вас слышать, — вежливо и прозрачно солгал Парменид. — Могу ли я быть полезен?

— Пустяковое дело, правда. — Она с легкостью сохранила пустое радушие. — Я хотела бы узнать, не могли бы вы дать мне хотя бы малейший намек на то, где моя цель может бродить в ближайшие ночи?

Парменид колебался. Его инструкции заключались в том, чтобы дать Люсите те указания, которые он мог дать, не раскрывая ни своей личности, ни личности ее работодателя. Слишком близкое знакомство с маршрутом архиепископа Борхеса могло подтвердить уже имеющиеся у нее подозрения.

— Откуда мне это знать, донья Люсита?

— Потому что тот, кто дергает тебя за ниточки, знает, да? Я не слишком слепа, чтобы видеть, что передо мной. Кто это? Полония? Викос? Один из толстых дураков в Мехико?

Парменид снова сделал паузу. Его не столько поразила прямота Люситы, сколько ее готовность открыть ему, как много она знает и не знает. Он ожидал большего усмотрение Ласомбры. Возможно, ее комментарии были ширмой, попыткой заставить его думать, что она знает меньше, чем на самом деле, и она каким-то образом узнала, кто ее работодатель. Но если это так, почему бы не отвести подозрения, проигнорировав вопрос? Это был двойной обман, или она была настолько наглой?

— Боюсь, я понятия не имею, о чем вы говорите, о, дона, — ровно сказал Парменид. — Я искренне сожалею.

— Вы действительно жалкий лжец, и это все, — был ее язвительный ответ. — Так скажите мне: Где он будет?

Парменид улыбнулся. По крайней мере, она ответила на его вопрос — она была достаточно надменна, чтобы думать, что ее оскорбления что-то значат для него.

— В течение двух недель ты можешь найти в Хартфорде выгодное место для охоты. Полагаю, этого достаточно?

— Я не буду тебе лгать: Нет, это не так, но это придется сделать. Очень хорошо. Я благодарю вас за все ваши любезности.

— С удовольствием, — снова солгал Парменида и отключил телефон. — И пусть Борхес съест твое сердце на завтрак. — У Парменида было больше информации, которую он мог бы ей дать, но он не чувствовал себя обязанным облегчать ей работу. Это был простой урок, который должен знать любой убийца, который должен знать любой ассамит.

Вторник, 21 сентября 1999 года, 12:29 AM
Смотровая площадка, здание Альберта Майора
Хартфорд, Коннектикут

Фатима перелезла через перила на прославленный карниз, служивший обеденным двориком офисного здания, которое она только что преодолела. Выдвижной тент был плотно придвинут к внешней стене; стеклянные перегородки, которые должны были защитить отсутствующих обедающих от непогоды, еще не были установлены на зиму. Стулья и круглые металлические столы ждали своих следующих посетителей.

Ее глаз полностью исцелился, за несколько ночей заново вырос, и с новым зрением и спокойным сердцем она смотрела на город.

На краткий миг возвышенность и сила ветра напомнили Фатиме стены Аламута, но лишь на мгновение. Трудно было игнорировать хаос, царивший в панораме. Неподалеку от нее пламя вырывалось из здания в самом центре города; в нескольких кварталах к западу горело и более крупное здание — общественный центр. Едкий дым висел низко и стелился вниз к реке. Мигающие огни и сирены, казалось, были повсюду: машины экстренных служб метались по улицам, словно разноцветные светлячки в каком-то маниакальном, бешеном танце. Их приезд и отъезд по улицам, которые должны были быть практически пустынными в это время суток, затруднялся на каждом шагу: Заглохший автобус заблокировал главную артерию через центр города; дымящаяся груда металла, бывшая несколькими автомобилями, заблокировала интенсивно используемый мост; чуть севернее, на межштатной трассе, образовалась пробка после аварии. На улицах и в парках периодически вспыхивали выстрелы.

Она приняла позу скучающего туриста, прислонившись к перилам и почти бескорыстно наблюдая за разворачивающимся под ней действием. Нет, это было совсем не похоже на Аламут; сходство было только в высоте, в ощущении, что мир рассыпается перед ней. Вместо панорамы неумолимых, но странно спокойных горных ущелий Фатима смотрела на сцену нарастающей бойни. Шабаш был в городе, и хотя эта ночь с ее пожарами, грабежами и беспорядками могла привести в ужас смертное население города, вампиры Камарильи из Хартфорда, похоже, переживали гораздо хуже.

То, какая фракция нежити контролирует город, волновало Фатиму меньше всего. Она могла выполнять свои миссии независимо от того, оставались ли интриганы Камарильи в своих роскошных гостиных или стаи Шабаша терроризировали смертных на улицах. Именно соединение двух миссий, порученных ей амром, привело ее сегодня в этот город, находящийся в осаде.

— Возможно, Парменида придется уничтожить, — сказал Аль-Ашрад. — Это было решение халифа — передать его на попечение изверга, Викоса. Трудное положение. Теперь у нас есть основания полагать, что Викос... надругался над Парменидом. Так, как он не мог подготовиться. Он может быть поврежден так, что его не спасти. Это тебе решать. В любом случае, соглашение калифа с Викосом недействительно. Возможно, у грека будет возможность получить хадд.

Хадд. Месть. Если возможно, Парменид должен был уничтожить Викоса, обеспечив тем самым справедливость за бесчестье, причиненное детям Хакима. Если это покажется маловероятным, Фатима должна была приказать ему вернуться в Аламут. Если грек, по ее мнению, был “поврежден до невозможности спасения”, Фатима должна была вернуть его кровь для клана.

Само задание, по сравнению со многими подвигами Фатимы на протяжении веков, было довольно простым. Хотя в отправке члена братства не было никакой радости, она не испытывала никаких затруднений, когда того требовали обстоятельства. Больше всего ее интересовала не сама ситуация и не ее скорое разрешение, а вопросы, не имеющие отношения к судьбе Парменида.

По словам аль-Ашрада, это было решение халифа, и именно халиф, непосредственный начальник Фатимы, не присутствовал, когда обычно он должен был присутствовать.

Поэтому она ответила на вопрос почтительно, но настойчиво. — Значит, халиф готов к тому, чтобы Викас был уничтожен, несмотря на лютую ненависть этого изверга к колдунам?

Аль-Ашрад смотрел на нее ровно, его сине-белый взгляд ничуть не дрогнул. По традиции ее могли выпороть за то, что она задала такой вопрос начальнику, но среди детей Хакима было мало тех, кто добился такого положения, как Фатима, и иногда делались поблажки.

— Определенная политика халифа, — ответил аль-Ашрад, — была... пересмотрена.

В словах аль-Ашрада прозвучала какая-то задумчивая нейтральность, то же ощущение постоянства, что и раньше, что заставило Фатиму принять его ответ без дальнейших вопросов. Даже для человека ее положения это было не так уж и сложно.

Так Фатима приступила к выполнению своих обязанностей. Путь на этот континент был неблизким. Орлиное гнездо было отдаленным, но дети Хакима были опытными путешественниками, привыкшими скитаться по миру в погоне за добычей. Во время путешествия Фатима чувствовала себя так, словно ускорила во времени: от неизменных, аскетичных

скал и труднопроходимых тропинок Аламута, к колеям и шатким дизельным грузовикам, к железной дороге и, наконец, к самолету, который доставил ее в современную страну Содома, где старые пути были забыты и правили современные приспособления. Не случайно так мало посвященных в братство было избрано из Северной Америки. Там, где господствовал современный секуляризм, дисциплина и верность, как правило, отсутствовали.

Однако Фатима была послана судить не современный мир, а Парменида; и не суждение Парменида привело ее в Хартфорд этой ночью. Его не было в городе. Он передал ей через посредников Носферату информацию о нападении Шабаша — информацию, которая могла помочь ей во второй миссии. Вооружившись этими знаниями и взглянув на город с высоты птичьего полета, она стала перелезать через перила смотровой площадки и спускаться в безумие вниз.

Безумие, однако, пришло за ней.

Осколки стекла. Фатима замерла, держась за верхний поручень, когда две фигуры переступили через то, что было была запертая стеклянная дверь на смотровую площадку. Один был одет в рваную форму, другой — в фланелевую рубашку, рваные джинсы и явно украденную фуражку охранника; оба довольно неуклюже держали пистолеты-пулеметы МАС 10. По их нечеловеческим, искривленным ухмылкам Фатима определила бы их в Шабаш, даже если бы город не подвергся нападению.

— Не делайте этого, леди, — первый обратился к Фатиме, как будто она была смертной, готовой броситься со здания и покончить с собой. — Это не может быть так плохо... пока.

Они оба рассмеялись над этой шуткой — и все еще смеялись, когда джамбия Фатимы, выхваченная и брошенная с размытой

скоростью, рассекла запястье шутника и пригвоздила его руку к стене позади него. Его смех превратился в вопль боли. Его палец нажал на спусковой крючок, и пули 45 калибра дико выстрелили в воздух.

Огонь второго саббата был не таким беспорядочным. Как только он увидел, что происходит, он выпустил несколько очередей — целясь туда, где Фатима сидела на верхнем поручне всего мгновение назад.

Она взлетела в воздух, пролетела над пулями в сторону нападавшего. Она резко ударила его наручниками по виску. Когда он рухнул на пол, она пролетела мимо, приземлилась, перекатилась и тут же опрокинула два металлических столика в патио. Шляпа охранника подхвачена порывом ветра и улетела в пропасть, которая была городом.

Шабаш с трудом поднялся на ноги, его движения представляли собой неловкий танец, сопровождаемый истошными воплями его напарника и последними патронами, выпущенными в воздух этим несчастным.

— Заткнись, блядь! — Шабаш номер два повернулся к опрокинутым столам, каждый из которых лежал на боку, как большой круглый щит. — Ладно, сука. — Он выпустил несколько очередей в один из столов. Пули пробили тонкий металл, и стол покатился по террасе, оставляя за собой пустое пространство.

— Больше негде прятаться, детка. — Он выстрелил во второй стол, разворотив его, пока тот не опрокинулся и не упал на столешницу. Металлический стол с грохотом вращался на своих внешних краях, набирая скорость по мере того, как он терял высоту и опускался все ниже и ниже. За вторым столом тоже никто не прятался. Наконец, израсходовав свой импульс, стол с грохотом упал на землю.

— Я думаю, это было тридцать, — сказала Фатима на безупречном английском языке позади Шабаша номер два.

Он повернулся и нажал на спусковой крючок, но Мас 10 молчал. Его напарник, казалось, был поглощен болью в зажатой руке. Его крик затих и превратился в тихий стон, когда он ошеломленно смотрел на свою бесполезную руку и оружие. Шабаш номер два продолжал безрезультатно нажимать на курок.

— Тридцать выстрелов, — сказала Фатима. Она не считала гильзы, но была уверена в этом. — Должно было хватить.

Номер два потянулся к карману, за очередной обоймой, но Фатима подняла руку, и он подошел быстро. Она уже прикасалась к нему однажды, а теперь призывала его кровь. Она почувствовала, как он откликнулся на ее приказ. Номер два тоже почувствовал это. Рука, потянувшаяся было к карману, вместо этого схватилась за грудь. Он потянул за рубашку, как будто она стягивалась вокруг него.

Медленно Фатима сжала раскрытую ладонь в кулак. Глаза номера два расширились от страха и боли. Его оружие упало на пол, но он, казалось, ничего не заметил. Кровь начала сочиться из его носа, ушей, уголков глаз. Он упал на колени, а затем, обхватив руками бока, на бетон.

Фатима медленно раскрыла руку и, последовательно раздвигая пальцы, произнесла.

— Достаточно, я думаю.

Номер два не был уничтожен — еще нет — но он был достаточно близок. Он лежал и корчился в бреду от боли. Фатима снова повернулась к номеру один, который все еще хныкал и сжимал правое предплечье под торчащим лезвием.

Она подошла к нему с отвращением. Его вита начала заживлять рану вокруг ее косяка. Хотя он и был наделен даром мощной крови, у него не хватило моральных сил выдернуть нож из руки и продолжить бой. Не то чтобы это изменило исход, но он мог бы встретить Последнюю Смерть более достойно.

— Ты был плохим выбором, — сказала Фатима, покачив головой. Она двинулась к нему, чтобы исправить эту ошибку.

Вторник, 21 сентября 1999 г., 1:37 AM
Юридический факультет Университета Коннектикута
Хартфорд, Коннектикут

Когда Фатима двигалась по городу, ночь представляла собой сюрреалистическую картину: темнота и дым со вспышками резких, жестоких цветов — оранжево-желтое пламя, синие и красные огни, все мелькало в замедленном движении. Свежая кровь в ее жилах превратила весь фон в натюрморт, а Фатиму — в единственное движение на холсте. Каждый треск выстрела, каждый вой сирены казались прерванной вспышкой реальности, застывшим мгновением, которое не успевало за ней.

Она прошла незамеченной среди смертных, которые пытались контролировать пожары, среди бродячих стай Шабаша — она уже наелась досыта; они были ей бесполезны. И все же она чувствовала, как внутри нее все клоочет, если не голод, то жажда. Прошло столько лет, а весь ее род не мог питаться добычей Кхайина, бессильный вернуть кровь, потраченную на этот непристойный, самодовольный выводок. Но она сдержала желание протянуть руку и прихлопнуть этих жалких тварей, созданных Шабашом, как бесчисленные насекомые. Она двинулась вперед, давая волю крови внутри себя.

Фатима быстро добралась до места в кампусе юридической школы, которое, как сообщил ей Парменид, будет служить командным центром Шабаша. Руководство Шабаша было действительно грозным: Борхес, архиепископ Майами из Ласомбры, командовал; Викас, недавно коронованный архиепископ Вашингтона, выступал в качестве советника; Талли, Гончая, убийца, ставший телохранителем, находился там якобы для защиты Борхеса и Викаса.

Никого из достойных представителей Шабаша не было там, где они должны были быть. Лужайка между зданиями была пуста, за исключением гнусной кучи неопознаваемой разлагающейся материи — возможно, останков гуля войны Цимисхи. Похоже, в этих мамонтовых созданиях было мало человечности, чтобы связать их останки со смертным миром, когда воля улетучилась, хотя разложение было не столь драматичным, как у престарелого каинита или ребенка Хакима, чье тело рассыпалось бы в прах после окончательной смерти.

Реальность отсутствия командования Шабаша не была столь удивительной — планы менялись, особенно во время войны — и не была слишком большой неудачей для Фатимы. Архиепископы и их покровитель были для нее средством, а не целью. Она искала их только из-за того, кто также будет их искать.

Люсита.

Фатима осмотрела территорию в поисках следов того, что здесь произошло. Износ ухоженной лужайки указывал на направление полета. Короткий, усиленный кровью осмотр подтвердил, что в той стороне бушевал серьезный конфликт — стрельба, крики, ломание костей, — и если Люсита и должна была где-нибудь появиться, то именно в разгар конфликта. Независимо от того, была ли прекрасная убийца Ласомбра причиной разборок или следовала за ними, они были ее постоянным спутником.

В течение, наверное, двадцати минут Фатима пересекала многочисленные кварталы города, все время двигаясь в южном направлении. Никто не заметил, как она прошла. Она была меньше, чем тень резню той ночи. Она постоянно находилась в движении, пока, наконец, не остановилась, чтобы внимательнее прислушаться к звуку, который, как ей

показалось, она узнала. Может ли это быть...? Да. Там, слева. Может быть, в нескольких кварталах. Достаточно далеко, чтобы быть слабым, но это был живой женский голос, который она хорошо знала:

...Несомненно, его запомнят... как победителя великого....

Здания здесь были ниже, чем в центре города. Фатима боролась с нахлынувшими эмоциями, ловко взобравшись на крышу небольшого ресторана, и быстро пошла по крышам в сторону голоса и борьбы, которая (конечно же) сопровождала его. Не было смысла рисковать тем, кто или что может находиться на улице, но та же мысль могла прийти в голову и другим. Она по-прежнему внимательно следила за окружающей обстановкой.

Ей пришлось пройти немного дальше, чем она ожидала — либо она ошиблась с голосом, либо, что более вероятно, бойцы сражались на бегу. Если это и было так, то уже не так. Фатима посмотрела вниз на Люситу, которая стояла неподалеку от избитого архиепископа Борхеса. Тень метнулась за архиепископом, чтобы вырвать или раздавить неживое из его тела, но другое щупальце тьмы отбросило Люситу в сторону, а затем повалило ее на землю, когда она начала приближаться к Борхесу.

Это будет Талли, знала Фатима. Темплар вышел из тени и стал ждать, пока тьма сама потянет Люситу к нему. Оба убийцы Ласомбры выглядели усталыми, поцарапанными и в синяках. У Талли была еще и кровавая рана на плече. Ни один из них не мог жалеть крови для исцеления, постоянно подчиняя ночь своей воле.

Фатима поймала себя на том, что готовится спрыгнуть на улицу, чтобы нанести Талли смертельный удар сверху, и остановилась. Не ей было вмешиваться. Люсита не приняла бы

помощь доброжелательно, даже если бы она спасла ее от Окончательной Смерти. А если Талли удастся уничтожить Люситу... Что ж, задачи, стоящие перед Фатимой, значительно упростились бы.

Поэтому она сдержалась, когда Люсита и Талли послали смертоносные ленты теней, каждая из которых должна была изничтожить другую. Фатима наблюдала, как два громадных боевых гуля выскочили на сцену. Они бросились на Люситу, которая разорвала их на куски и использовала их помехи, чтобы уклониться от Талли всего на несколько секунд. Этого времени хватило Темной Розе, чтобы догнать Борхеса и разрезать его на части, издав жалобный предсмертный вопль.

Гончий был прямо за Люситой, но теперь его заряд был уничтожен, и все, за что оставалось бороться — это гордость. Возможно, это было более сильным стимулом для Талли; он бросился на Люситу с яростью, которой ему не хватало в защите Борхеса. Они боролись, когти за когтями, причем Талли наносил более сильные удары, пока Люсита, видимо решив, что ее работа завершена без затянувшегося поединка с Гончей, не нашла брешь и не удрала.

Талли был не из тех, кто легко сдается. Он следовал за Люситой по пятам, пока она мчалась к реке. Фатима снова поборола искушение наброситься на него. Измотанный Люситой и истощенный кровью, он был бы быстрой и простой добычей. Вместо этого Фатима отвернулась от двух ласомбр и направилась обратно через город к машине, которую она оставила припаркованной в охраняемом гараже.

Ее американские знакомые предоставили автомобиль — серый внедорожник, столь популярный в Штатах: темные тонированные стекла, кузов достаточно грязный, чтобы не выглядеть новым, но не настолько грязный, чтобы привлекать внимание.

Фатима выехала на южную полосу шоссе 91 — в этот момент только северная полоса была перекрыта из-за аварий, вызванных Шабашом, — и поехала вдоль западного берега реки Коннектикут. Она представила себе Люситу, плывущую на юг по течению. Фатиме трудно было поверить, что Люсита не успела бы добраться до реки раньше худого светловолосого Талли и сбежать. Но все же оставался шанс, что он поймал Люситу, уничтожил ее, и мельничный жернов был снят с шеи Фатимы.

Она продолжила движение по шоссе, а затем свернула на обочину в небольшой деревушке Роки-Хилл. Так, во всяком случае, гласили дорожные знаки. Фатима не увидела ни деревни, ни города. Она припарковалась через дорогу от заброшенного кафе-мороженого. Единственной машиной у заднего края парковки был кабриолет BMW Люситы.

Фатима нашла машину ранее той ночью — носферату были так полезны в этом отношении; очевидно, Люсита уничтожила одну из них — перед тем, как отправиться в Хартфорд. Теперь она подняла крошечный бинокль и стала ждать.

Недолго. Часы на приборной панели показывали 4:15, когда Люсита вошла на стоянку со стороны реки. Она несла сумку через плечо и шла бодро. Рассвет приближался. Ее одежда, отличная от той, что была на ней во время драки с Талли, была сухой, но волосы мокрыми. Фатима, находившаяся за тонированным стеклом в ста ярдах от них, увидела, как глаза Люситы на мгновение расширились, когда она обнаружила подарок, который Фатима оставила ей ранее. В тот момент, когда свет узнавания осветил лицо Люситы, один из фонарей на стоянке замерцал и погас. Люсита быстро срезала оранжевый шарф со щетки стеклоочистителя и позволила шелковой ткани упасть на землю. Она бегло осмотрела свою машину — неплохая идея, подумала Фатима, — затем, когда

выброшенный шарф, подхваченный ветром, покати́лся по троту́ару, Люсита отъехала.

Вторник, 21 сентября 1999 г., 4:32 AM
Межштатная автомагистраль 91 на южном
направлении около Ист Берлина, штат Коннектикут

Примерно в десяти милях по шоссе Люсита поняла, что за ней кто-то едет. BMW подскочил с 90 до 135 и помчался вперед. Фатима притормозила внедорожник до 85. Она хорошо обучилась пользоваться модными автомобилями, но не чувствовала необходимости в скоростной погоне.

Еще через несколько миль она съехала с одинокого съезда и въехала на парковку заколоченной бензоколонки. BMW стоял на месте, Люсита прислонилась к пассажирской стороне, скрестив руки.

Фатима остановилась в дюжине ярдов от дома и нажала на стояночный тормоз, хотя площадка была ровной. Она открыла дверь и вышла. Гравий скрипел под ее сапогами. Они с Люситой стояли лицом друг к другу, пока по шоссе проезжали случайные машины.

— Я подумала, что это можешь быть ты, — сказала Люсита. Ее волосы, сухие после поездки в кабриолете, были безнадежно спутаны.

Пусть говорит, решила Фатима. Люсита всегда была болтушкой. Ласомбра нахмурилась и почесала струп в том месте, где Талли расцарапала ей лицо.

— Вот черт, — сказала Люсита. — Кто-то следит за мной. Возможно, машина прослушивается. До утра осталось не так много времени. Я не могу просто остановиться на день и не знать, кто придет, игнорируя мой знак “Не беспокоить”, не так ли? Если это лизун, то я в порядке, потому что он тоже должен

остановиться. Но вурдалак или какой-нибудь смертный, который хочет сделать что-то большое?...

Люсита раскрыла ладонь и протянула Фатиме маленький электронный жучок.

— Это твое? — спросила Люсита. — Или он принадлежит Шреку?

— Эта моя, — бесстрастно сказала Фатима. — У Шрека машина тоже прослушивается. Где-то в кузове. Ты никогда не найдешь ее, если не разберешь все на части.

Люсита скорчила гримасу, размалывая жука в металлическую пыль между большим пальцем и пальцем.

— Значит, ты работаешь на Носси? Они так расстроены из-за своего неуклюжего посыльного в Хартфорде? Или они просто хотят вернуть свою машину? Никогда не думал, что вы занимаетесь выкупом.

— Не работаю на них, — сказала Фатима. Она не позволяла себе ни радости, ни гнева, ни боли. Она не могла, чтобы они все не выплеснулись наружу. — Просто часто пересекаемся.

— Прямо как мы, да? — Люсита саркастически улыбнулась. Она демонстративно посмотрела на часы, а затем на светлеющее восточное небо. — Наверное, у вас есть удобное маленькое отделение в задней части Land Cruiser, но мне не нравится проводить весь день, свернувшись калачиком в багажнике. Так почему вы здесь?

Фатима не сразу ответила. Не было простого ответа, не было того, что имело бы смысл. А времени было так мало. Так было лучше.

— Я хотела тебя увидеть.

— Почему? Ты собирался убить меня... снова?

— Не ты. Пока. Твоего сира.

У Люситы слегка сжалась челюсть. У нее не было остроумного ответа на этот вопрос. Она плотнее обхватила свое тело руками, как будто ей было холодно, но это было не так. Она переместила свой вес на машину. Затем она начала обходить машину со стороны водителя. — Слушай, я только что уложила Борхеса... но ты ведь знаешь об этом, не так ли. И ты, наверное, знаешь, что Талли тоже где-то рядом, и что Хартфорд кишит Шабашом. Так что я бы не стала держаться слишком близко. Она опустилась на водительское сиденье, и мотор взревел.

— Я уничтожу твоего отца, — сказала Фатима.

Лицо Люситы на секунду потемнело, прежде чем она смогла усмехнуться. — Я слышала тебя с первого раза. Только не позволяй мне опередить тебя.

BMW разбрасывал гравий, уносясь прочь, и оставил Фатиму стоять в облаке пыли. Справедливое предупреждение, подумала Фатима, забираясь обратно во внедорожник, чтобы найти укромное место для парковки и провести день.

Часть вторая: Стена между небом и собой

Среда, 22 сентября 1999, 4:11 AM

Испанский Гарлем

Нью-Йорк, Нью-Йорк

Анвар не ожидал, что его снова вызовут в Нью-Йорк, особенно в то же самое убежище, так скоро после удара по Тремере. Прохождение в нескольких милях от кладовой колдунов заставило его насторожиться — разумеется, из благоразумия, а не из страха. Возможно, эта настороженность была к лучшему. Как сказали бы американцы, она заставляла его быть начеку. В этом, как и во всем остальном, Анвар доверял старшим.

За несколько месяцев, прошедших с момента его последней деятельности в этом городе, он съездил в Чикаго и выполнил там контракт. Ничего столь впечатляющего, как дело Фоули, но работа достойная, и Анвар выпил все, что мог. Затем, несколько ночей назад, его вызвали обратно в Нью-Йорк. Он приехал вечером и припарковал машину за рекой у Форт-Ли у заброшенного гаража, двери которого были сорваны с направляющих. Так меньше шансов, что его заметят, когда он будет приближаться к конспиративной квартире пешком.

Он без помех добрался до определенного квартала Западной 119-й улицы и снова подошел к входу в подвал. Он нажал на кнопку пять раз, каждый раз удерживая ее лишь на короткое время, в соответствии со своими последними инструкциями. На этот раз, когда пожарная дверь и железные ворота открылись, его ввел внутрь сам — Уолтер Джеймс. — Не было и

следа той миловидной женщины, которая в прошлый раз уколола его подкожно.

— Да улыбнется тебе Старший, — сказал Джеймс, как только двери закрылись и закрепились. Он обнял Анвара за плечи, а затем пожал ему руку в той грубой, слишком восторженной американской манере.

— И пусть твоя спина будет крепкой.

— Сюда, — сказал Джеймс с сердечной улыбкой. — У нас не часто бывают постоянные посетители. Как вы жили последние четыре месяца? Он провел Анвара мимо внутренней противопожарной двери и по узкому коридору к другой тяжелой, запертой двери.

— Ближе к двум месяцам, — поправил его Анвар, зная, что его хозяин ошибается намеренно, просто в качестве дополнительной меры предосторожности, — пять месяцев прошло хорошо.

— Хорошо, хорошо.

Они поднялись по тесной лестнице с кирпичными стенами — группе злоумышленников было бы невозможно пройти этот путь иначе как в одиночку. Дверь в верхней части лестницы была открыта датчиком, к которому Джеймс прижал правую ладонь.

За этой дверью на смену спартанской обстановке нижнего уровня пришла обстановка вполне нейтрального делового офиса. У любого, кто вошел бы сюда через уличный вход, не было бы причин подозревать, что он попал в нечто иное, чем скромный, но респектабельный юридический или финансовый концерн того типа, который обычно возникает в анклавах недовольных меньшинств.

Джеймс провел Анвара по со вкусом оклеенному обоями коридору и остановился перед ничем не примечательной дверью. Слегка кивнув, американец повернул ручку и открыл дверь. Анвар вошел в комнату и потерял дар речи. На дальнем конце темно-вишневого конференц-стола сидела Фатима аль-Факади. Он поклонился и остался стоять, пока Фатима не указала ему сесть.

Возможно, это был недостаток кресла. Набивка была старой и сплюсненной, или пружины стали слабыми. Какова бы ни была причина, Анвар почувствовал, что очень низко опустился в кресле, что он внезапно уменьшился. Фатима бесстрастно наблюдала за ним. В торжественной обстановке встречи с таким знатным представителем клана он даже не заметил, как щелкнула дверь, и Джеймс закрыл ее.

— Полагаю, ваши дела в Чикаго завершены, — сказала Фатима.

— Так и есть. — Анвар сообщил об этом, и Фатима, конечно, уже знала об этом. Анвар внимательно наблюдал за ней. Уклониться от встречи с ней было бы признаком слабости, а он не был фида'и, чтобы смиренно смотреть на ее ноги — или, в данном случае, на стол. Большие темные глаза Фатимы, вместо того чтобы быть окнами в ее душу, были экранами, которые ничего не выдавали. Возможно, душа таилась где-то под гладкой кожей, потемневшей от первоначального марокканского оттенка, и тонкими, округлыми чертами лица, которые мало смягчали ее грубые манеры. Ее изящные на вид руки лежали на столе по обе стороны от немаркированного досье.

— Вы знакомы с Мадридом, — сказала она.

— Я был в городе пять раз, только один раз пребывание было значительным по продолжительности. Я знаю, как проехать.

— Вы знаете Iglesia de San Nicolas de las Servitas. — Испанские слова текли с ее языка как мед.

— Да.

Фатима подтолкнула досье к нему. Движение ее руки было плавным, легким, но папка легко скользнула и остановилась точно перед Анваром. Ему не понадобилось расправлять папку, чтобы открыть ее и начать читать. Ни один лист бумаги не был перекошен.

— Под церковью, — сказала Фатима, — находятся руины мечети. Под руинами мечети находится логово Амбросио Луиса Монкады.

Анвар кивнул.

— Архиепископ Шабаша.

— Возведен в кардиналы в течение последнего года.

Анвар покачал головой. Он не знал этого, но тогда политика Шабаша была такой же непредсказуемой и бурной, как женское сердце, и у него не было необходимости быть в курсе внутренних дел в высших эшелонах этой секты. До сих пор.

— Понятно.

— Логово Монкады имеет множество входов и выходов, — продолжила Фатима. — Перед вами информация о тех, о которых мы знаем: местоположение, механизмы срабатывания, защита некоторых. Есть также информация о слугах и помощниках.

Анвар просматривал страницы, внимательно вслушиваясь в каждое слово Фатимы. Конечно, тот факт, что она лично

советовалась с ним по этому вопросу, означал, что он заслужил внимание старейшин, что его годы учебы и дисциплины, его впечатляющее портфолио убийств и службы клану не остались незамеченными. Пролистывая страницы с подробным описанием различных приближенных Монкада, Анвар не мог не задаться вопросом, против кого его посылают. Там было несколько давно служивших гулей, но назначение такой ничтожной цели было бы равносильно знаку недовольства старейшин, что, казалось бы, противоречило личному вниманию Фатимы. Более вероятно, что его послали уничтожить одного из доверенных защитников Монкады, Вальехо или его второго командира, Альфонсо. Возможно, одного из младших легионеров.

Затем Анвар перевернул страницу и подошел к фотографии ребенка кардинала, Люситы. Убийца из Ласомбры прожила долго, несмотря на свою эпатажность. Напрашивается очевидный вывод: Она была очень хороша в своем деле. К сожалению, она была выбрана манипулятивными хранителями клана Ласомбра, и поэтому, несмотря на внушительный список ее заслуг как убийцы, она была не лучше претендента. Она была кафиром, представительницей низшей крови, которую необходимо вернуть. Анвар слышал рассказы о том, что когда-то давно она действительно победила Фатиму, но, конечно, это были всего лишь рассказы.

— С этим придется когда-нибудь разобраться, — сказал Анвар, постукивая пальцем по фотографии Люситы. Он пытался сдержать свои ожидания, что она может быть целью, что ему поручили такое важное задание.

— Ваше задание, — отрывисто сказала Фатима, — состоит только в наблюдении.

Слова были более, чем удар катаром в живот. Только наблюдение.

— Несомненно, существуют и другие точки доступа к убежищу Монкады, — продолжала Фатима, — и информация, которой мы располагаем, нуждается в подтверждении. Если вы можете определить оборонительные возможности, это приемлемо, но прежде всего вы не должны дать знать о своем присутствии.

Анвар быстро подавил свою гордость. Он пристальнее вгляделся в лежащие перед ним страницы. Он будет собирать сведения для того, кто удостоится чести убить, кем бы ни была цель. Он не должен был вступать в контакт ни с кем из приближенных Монкады. Он не стал бы делать ничего такого, что могло бы показать им, что за ними следят. Во всяком случае, из досье он видел, что Люсита не часто посещала его.

Мадрид. На самом деле, она держалась подальше от своего отца кардинала. Анвар вряд ли бы с ней столкнулся.

— Господина Джеймса ждут автомобиль и частный самолет, — сказала Фатима. — В Мадриде вас доставят в безопасное место, где вы будете проводить свои операции.

Анвар закрыл папку. Его задание было ясным. Единственные детали, которых у него не было, были ему не нужны. Он встал и формально кивнул Фатиме.

— Тогда я в пути, — сказал он. — Если нет ничего другого?

— Нет, — сказала Фатима, ее лицо не выражало ни одобрения, ни упрёка.

Уолтер Джеймс, готовый сопровождать Анвара к ожидающей его машине, стоял за дверью конференц-зала. Задание было не таким, как ожидал Анвар, но он будет служить Хакиму, как бы ему ни приказали. Его лично проинструктировала Фатима. Это был почетный знак, которым он не должен был пренебрегать.

Преданность и усердие служили ему до сих пор. Разумеется, они будут служить и впредь.

Шлакоблоки, серые и в выбоинах. Строительный раствор, хрупкий, растрескавшийся, размолотый в пыль на прохладном цементном полу. Промозглый запах и вкус влаги. Сырость, прилипшая к волосам, одежде, коже. До ушей Фатимы доносился легкий шелест паутины, колышущейся под тяжестью своего создателя. Сквозь темноту она различила плавный изгиб голой лампочки, свисающей с потолка. От лампы вниз свисала цепочка — шестнадцать отдельных металлических бусин, нанизанных друг на друга. Ее сумка лежала на полу рядом с грубым деревянным поддоном, на котором она покоилась, но не отдыхала.

Фатима лежала и смотрела. Онемевшая. Хозяин собственного сердца и разума.

Она столкнулась с Люситой, но и тогда сохранила твердость намерений. Все вопросы были за пределами Фатимы. Она не могла заикливаться на них и служить. Была только ее цель. Уничтожить Монкаду, сына. А потом...

Тогда было не сейчас. Ей не придется иметь дело с тем временем, пока Монкада не будет уничтожена.

Но она не могла не думать о Люсите, так же как не могла удержаться от того, чтобы не увидеть Ласомбру. Фатиме нужно было увидеть своего врага, свою соперницу, свою будущую цель. Дитя Хакима должно было убедиться, что даже без знающего присутствия амра, закаляющего ее сердце, ее решимость останется твердой и не рассыплется, как раствор между шлакоблоками.

Уничтожить Монкаду, сира. А потом...

Возможно, Люсита прислушалась бы к предупреждению. Возможно, она уйдет туда, где Фатима не сможет ее достать — где бы это ни было. Но Фатима знала лучше. Люсита не согнется; ее можно только сломить. Никто не сможет сдержать огонь, пылающий в ней.

Фатима снова избегала воспоминаний о них двоих, но мысли о Люсите неумолимо приводили к хаосу. Сама земля была не такой, как всегда. Фатима потянулась к оцепенению, но не нашла его.

Шлакоблоки, серые и покрытые пятнами. Минометная мина рассыпалась в пыль на прохладном цементном полу. Пол перечислил; стены и потолок обрушились на нее. Если бы все было так просто. Влага. Влага, прилипшая к волосам, одежде, коже. Не пот, а кровь. Поднимается через ее поры. Скапливается над губой. По бокам и спине бегут ручейки. Паутина, сорванная порывами ветра. Буря в пустыне сдирает плоть с костей. Паук, пришедший полакомиться мухами и личинками мертвецов. Не маленькая металлическая цепь, а башня, ведущая к палящему над головой солнцу. Земные существа завидуют небесам.

Фатима достала свой джамбию, положила клинок у груди. Этого было достаточно. Она была хозяином своего разума и своего сердца. Она еще не видела того, что видел мудрый аль-Ашрад, но ее взгляд был устремлен прямо вперед.

Когда-нибудь с ней придется разобраться, сказал Анвар о Люсите, и он был прав. Фатима советовала ему не ставить под угрозу миссию, но она уже поставила ее под угрозу, встретившись с Люситой. Просчитанный риск, решила Фатима. Это было необходимо.

Она закрыла глаза, почувствовала тяжесть своего клинка на груди и попыталась ускользнуть от всего этого.

Пятница, 24 сентября 1999, 1:31 AM
Вне церкви Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Старая церковная башня возвышалась более зловеще, чем положено месту поклонения. Для смертных это здание могло быть местом, где они приближались к Богу. Для Люситы это был портал не в рай, а в мучения. И все же она была здесь. Она сделала паузу, откладывая еще на несколько минут неизбежное, то, что она сдерживала почти столетие. Она поклялась, что никогда больше не ступит на порог этого места. И все же она была здесь. В своем гневе на Талли и на двух разных работодателей, нанявших ее для уничтожения Борхеса, она убеждала себя, что вернется на своих условиях. Теперь она не была в этом уверена. И это злило ее еще больше, чем то, что она нарушила свою клятву. Поэтому она ждала и злилась еще больше.

Кирпичная кладка церкви и подковообразные арки, как и во всем городе, говорили о мавританском влиянии, что напомнило Люсите о другом больном месте. Фатима. Как посмел ассамит сказать Люсите лицом к лицу, что ее сын — мишень, как будто Люсита ничего не могла с этим поделать? Зачем предупреждать ее, если не в качестве насмешки? Нет, поправила себя Люсита. Это было не в духе Фатимы. Она не была одной из тех, кто отдувается за Камарилью, или даже социопаткой из Шабаша. Фатима была ассамиткой. Ее путь был высокомерием. По ее мнению, Монкада уже был мертв, потому что она решила, что он должен быть мертв. Это было решенное дело. Так что же плохого в том, чтобы рассказать Люсите?

— Наглая сука, — пробормотала про себя Люсита.

Именно это беспокоило Люситу больше всего — отсутствие уважения. Она уже побеждала Фатиму раньше; она может

сделать это снова. Мысль о вздувшемся теле Монкады, разрубленном на куски и тлеющем под полуденным солнцем, не огорчала Люситу. Напротив. Она находила этот образ возбуждающим, почти эротическим. Много раз она представляла, как ее собственные руки обхватывают его горло, сжимают его до тех пор, пока плотные складки плоти не проступают между пальцами, затем скручивают, сворачивают ему шею, ощущая, как щелкают кости, и все еще скручивают...

Люсита почувствовала, что потеет от легкого прилива крови. Кончики ее пальцев нежно лежали на собственной шее. Она стыдливо опустила руки к бокам. Улицы были пустынные, но кто знал, какие шпионы ее сира скрываются поблизости? Ждать больше не было смысла, решила она. Если она будет стоять здесь всю ночь, ей все равно придется войти, когда взойдет солнце.

— Ну, черт возьми, — снова пробормотала она, затем передумала. — Нет. Черт меня побери.

Она толкнула дверь и вошла в церковь. В передней части святилища горели свечи. Три пожилых типа, склонив головы и шевеля губами в беззвучной молитве, стояли на коленях среди деревянных скамей. Люсита была рада, что никогда не состарится, не физически. Она не думала, что сможет вынести необходимость в посторонней помощи или унижительное ожидание того, что ее тело постепенно перестанет работать. Она на мгновение задумалась, за кого молились старики: за себя, прося Бога облегчить их немощь? Или они молились за души уже ушедших близких?

Люсита тихо фыркнула от отвращения. Она прекрасно знала, что нет никого, кого стоило бы упускать.

Она двинулась вдоль края святилища к ряду исповедальных кабинок и вошла в третью с конца. Вместо того чтобы сесть,

она встала и побарабанила пальцами по экрану, отделяла ее от ее исповедника. Вся эта смертная чехарда вдруг стала раздражать.

— Добро пожаловать, дитя мое, — раздался голос священника.

— Давайте прекратим это дерьмо, падре. У меня есть место, где я должен быть.

Наступила пауза, а затем панель позади Люситы отодвинулась, открыв проход, ведущий в полную тень. Она колебалась мгновение, прежде чем шагнуть в логово своего отца.

Пятница, 24 сентября 1999, 2:17 AM
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Перо опускается в красные чернила, затем слегка постукивается, чтобы убрать излишки. Перо осторожно, но уверенно поднимается, затем кладется на пергамент:

10 Страх Господень — начало мудрости, и познание Святого — проницательность.

С последним словом и пунктуацией перо высохло, и получился еще один совершенный стих. Монкада снова обмакнул перо:

11 Ибо Мною умножатся дни твои, и годы прибавятся к жизни твоей.

Кардинал слегка подул на свою работу, затем зачеркнул страницу. Он потянулся за новым листом пергамента, но когда он продолжил писать следующий стих, до него донесся слабый звук шагов — двух шагов. Капля красных чернил соскочила с пера и попала на новую страницу. Монкада едва заметил. Его рука начала дрожать. Когда дверь открылась, он снова был хозяином самому себе.

Кристобаль замешкался, открывая дверь. Он знал, что его хозяин не любит, когда его прерывают; он также знал, что в данном случае, если он промедлит, его выпороли бы до последнего дюйма его жалкой жизни. Кристобаль отошел в сторону и сделал продолжительное поклонение, но Монкада едва заметил его гуля. В дверях стояла Люсита. Ее непреходящая красота, которая заставила Монкаду привести ее в лоно общества, чтобы она никогда не увяла, поразила его. Тонкие ткани, в которые она была одета, плотно облегли ее

стройное тело. Ее черные как ворон волосы блестели в свете свечей в скриптории. Монкада вернул перо в держатель, чтобы дрожь не вернулась и не выдала его.

— Моя дочь, — прошептал он. — Пожалуйста, — он указал на тенистый интерьер скриптория, — войдите.

Люсита нерешительно шагнула вперед. Кристоаль, по-прежнему отводя глаза и сгорбив спину, задом наперед вышел из комнаты и захлопнул дверь. Звук задвигаемой тяжелой деревянной двери, щелчок засова успокоили Монкаду, убедили его в том, что стоящее перед ним видение красоты — это его дитя, а не эфемерный дух, который может раствориться в эфире. И она вернулась к нему.

— Моя дочь, — повторил он.

— Это будет невероятно короткий визит, если вы настаиваете на том, чтобы называть меня так, — сказала Люсита, подняв палец. Монкада чуть не вздрогнул от ее упрека. Он позволил себе забыть о тех маленьких играх, в которые она любила играть. Она кивнула в сторону лежащего перед ним пергамента. — Я могу вернуться, когда ты закончишь рисовать пальцами.

Монкада улыбнулся. Несмотря на ее непочтительность, ее голос для него был песней соловья.

— Я расшифровываю Священное Писание, — сказал он ей, как будто его назначение могло быть ошибочным. — Я дошел до интересного стиха: — Глупая женщина шумна; она распутна и не знает стыда. — Притчи могут быть очень поучительными.

Люсита сжала челюсти, и улыбка Монкады расширилась.

— Какие новости вы привезли из Нового Света? Я слышал, что он очень... красив. — Пока он произносил последнее слово, Монкада осмотрел Люситу с головы до ног.

— Было бы гораздо лучше, если бы по всему городу не бежали твои саббатовские прихвостни. — В ее голос вкрадась некоторая жеманность. — Сейчас их не так много, — сказала она, глядя в потолок.

— Да, — сказал Монкада, — я слышал, что вы были заняты, чего бы ваши усилия ни стоили. Тем не менее, вы никогда не были бездельником. Мне хочется верить, что это мое влияние. Ребенок, который собирает летом, благоразумен, но ребенок, который спит во время жатвы, приносит позор.

Люсита закатила глаза.

— Соломон, наверное, стонет в своей могиле — если он в могиле. Или ты удержишь его где-то здесь, чтобы он играл в теннис по выходным?

Монкада позволил своей улыбке ускользнуть, а вместе с ней и части его терпения. В конце концов, он был терпелив уже много лет.

— Когда слов много, не обходится без проступков, но тот, кто сдерживает свои уста, благоразумен.

Люсита кивнула, насмешливо впечатленная.

— У тебя неплохо получается. Стихи на все случаи жизни. Мы могли бы сдавать тебя в аренду для вечеринок. Но вот что я тебе скажу, вот тебе лакомый кусочек из Нового Света: Ваш истукан Викос играет с обеими сторонами против середины.

— Действительно? — сказал Монкада, подняв брови.

— Действительно. Пока она притворялась, что бежит вокруг тебя, как собачка на коленях, она также была занята тем, что наняла меня уничтожить Борхеса. Анонимно, конечно. Но информация, которой меня снабдили, была получена изнутри, и ее боевые гули налетели на Талли слишком удобно. Талли, должно быть, догадался, если только он не был слишком занят тем, что дулся из-за своего второго места. — Люсита торжествующе покачивалась на пятках.

— Во-первых, что касается Талли, — сказал Монкада, — он действительно пришел к такому же выводу. А во-вторых, что касается того, что Викос нанял вас для уничтожения Борхеса... конечно, он это сделал. Я приказал ему сделать это! — Монкада не мог не рассмеяться над очевидным шоком Люситы. — Как ты думаешь, почему он выбрал тебя? По такой ничтожной причине, как причинение мне неудобств? Да ладно. Ты слишком высоко себя ценишь, но, возможно, это потому, что я тебя избаловал. Нет, я попросила Викоса найти тебя, и ты великолепно справилась.

Монкада снова окинул ее взглядом.

— Ты прекрасна, дочь моя. Должен признать, что нескромная современная мода тебе к лицу.

Люсита оторвалась от его взгляда и посмотрела на себя, внезапно почувствовав себя неловко и одновременно разозлившись на то, что ее обманули. Затем она снова посмотрела на него, ее лицо покраснело и нахмурилось. Она снова подняла палец, чтобы проинструктировать своего сира.

— Слушай. Я скажу это только один раз: я... не... твоя... чертова... дочь.

Монкада поджал губы и медленно кивнул. Его веселье улетучивалось, пока полностью не исчезло.

— Вы абсолютно правы — вы скажете это только один раз. — Он шагнул из-за верстака и раскрыл объятия. — А теперь подойди ко мне... моя дочь.

Она сопротивлялась ему так долго, как только могла. Она стояла на жестких ногах, руки сжаты в кулаки, челюсть напряжена. Монкада ждал, вытянув руки. Через несколько секунд ее правая нога, словно физически оторванная от земли, двинулась вперед. Затем левая. Она была похожа на неловкого младенца, делающего первые шаги, попавшего в гостеприимные объятия отца.

И все же она боролась, хотя надежды на победу, на преодоление его неукротимой воли не было. С каждым шагом она выдавливала из себя слова:

— Боже... черт... тебя побери!.

Монкада проигнорировал очевидную реплику о том, что он уже проклят, и вместо этого поискал в памяти подходящую пословицу:

— Ненависть разжигает вражду, но любовь покрывает все обиды. — Я прощаю тебя, дочь моя.

Еще несколько мучительных шагов, и она оказалась в его объятиях. Монкада прижал ее к себе — столько ночей, столько лет он ждал, чтобы почувствовать ее объятия. Она вернулась к нему домой и займет свое законное место рядом с ним, когда он приступит к величайшему призванию за всю свою долгую жизнь.

Он прижал ее голову к своей груди и, погружаясь в блаженство, лишь запоздало услышал ее проклятия и оскорбления: ...убью тебя.

— Тише, тише, дитя мое.

— Несчастный... гребаный... ублюдок.

— Уста праведного изрекают мудрость, а язык извращенный отсекается.

— Сын... из... а...

— Страх Господень продлевает жизнь, но годы нечестивых будут коротки!

— Пошел ты... пошел ты... пошел ты... пошел ты...

— Кто охраняет уста свои, тот сохраняет жизнь свою; кто широко раскрывает уста свои, тот погибает. — Дрожь возвращалась в его руки. Монкада крепче прижал к себе дочь, но это мало помогло. Он не так представлял себе их воссоединение.

— Чертова сонува...

Монкада дрожал, дрожал от ярости. Он грубо взял плечи Люситы в свои мясистые руки и поднял ее с земли.

— Как золотое кольцо в свином рыле — красивая женщина без благоразумия!

Люсита плюнула ему в лицо. Он сжимал ее до тех пор, пока не услышал треск костей, а затем бросил ее на пол. Ее голова с силой ударилась о камни. Монкада повернулся к своему прочному верстаку, разорвал его голыми руками, нашел длинный кусок твердого дерева.

— Жезл — для спины того, кто лишен разума!

Он ударил импровизированной дубинкой по ее позвоночнику.

— Дерзостью беспечные разжигают вражду!

Снова и снова он бил ее. Еще долго после того, как ее оскорбления прекратились, он выбивал ухмылку из ее лица, бил ее по спине и голове. Его тело выплескивало ярость лет, боль покинутости, и все это время он цитировал ей слова праведности:

— Уста глупцов питаются глупостью! Для того, кто оставляет путь, есть суровое наказание!

Он бил ее до тех пор, пока ее дерзкая одежда не стала разорванные в клочья, лежали вокруг нее.

— ...Чтобы избежать ловушек смерти!

Он бил ее до тех пор, пока, наконец, не поднял свою дубинку в воздух, но сдержал следующий удар. Все было кончено. Монкада стоял над ней, уставившись в пустоту, измученный, ошеломленный божественным покоем, охватившим его. Ярость была вытеснена из его существа. Он бросил остатки верстака на пол рядом с окровавленным ребенком. Ее глаза были закрыты, рот раскрыт, из него сочилась кровь.

На мгновение Монкада почувствовал, как прижал ее к себе. Он уставился на ее покрытое синяками тело. Кристоаль должен был позаботиться о том, чтобы ей было удобно, дать новую одежду. Незаметно для себя он отвернулся от нее. Он поднял свой последний лист пергамента и шлепнул по пролитой капле чернил. Затем, все еще смутно отвлекаясь, он вышел из комнаты и закрыл за собой дверь скриптории.

Пятница, 24 сентября 1999 г., 11:20
Президентский отель
Вашингтон, округ Колумбия.

В пентхаусе на шестом этаже все было тихо, пока Равенна/Парменид не взмахнул своей дубовой тростью. Он сделал бросок так, что вместо того, чтобы вращаться по спирали, как копье, латунный наконечник и рукоятка кувыркались с обманчивой точностью. Неравномерный полет сбивал с толку обычного кафира и не позволял ему блокировать атаку. В том же движении, что и при броске, Парменид привел в действие защелку, которая освободила шип, выступающий из наконечника.

Шипованный наконечник вонзился в центр спинки кресла, пробив ее насквозь и опрокинув. Следующим размашистым движением руки Парменид направил кинжал в пейзажную гравюру на противоположной стене. Не успело это оружие попасть в цель, как он метнул в два мраморных бюста увесистый отрезок бритвенной проволоки, который за мгновение до этого был спрятан в подоле его пуловера.

Головы Юлия Цезаря и Марка Антония упали на пол. Пьедесталы, на которых они покоились, верхние части туловищ все еще были прикреплены, покачнулись, но остались в вертикальном положении.

Парменид осмотрел свою работу. Если бы у него был еще один шанс сразиться с Маркусом Вителом, свергнутый принц Вашингтона не спасся бы. Но Викос послала своего гуля против почтенного Вентру еще до того, как Парменид полностью исцелился после проведенных ею экспериментов и произведенной ею трансформации. Как она могла надеяться на его успех? Она переоценила его выздоровление.

В других отношениях она недооценивала его. Сегодня, например, его руки были заняты, а почему? Потому что советник Викос освободила его от обязанностей по осаде Тремере. Она сказала, что не хочет притуплять его чувства такой нудятиной. Неужели она не понимала, что дитя Хакима может наблюдать за потенциальной целью бесчисленное количество ночей, а если понадобится, то и лет, и оставаться таким же бдительным и внимательным, каким он был в первую ночь? Была ли это еще одна из ее тонких колючих насмешек, или она задумала какой-то грандиозный план?

— Горничным придется потрудиться, — сказал голос, который Парменид узнал почти так же хорошо, как свой собственный. Парменид наклонил голову. Все лето этот голос выступал в роли вестника, с той первой ночи, которую Парменид только что вспоминал, когда ему не удалось уничтожить Вителя, и до настоящего времени. Голос был мягким и ласковым, как шепот лунного света. — Я принес послание, — сказал он.

Парменид внимательно слушал. За исключением той первой ночи, которая казалась такой давней, голос всегда искал новости, чтобы передать их тем, кого он называл хозяевами Парменида. Как ни необычно было объявление голоса, Парменида больше волновал сам звук голоса, тона, которые заставили его ухо напрячься. Он прислушивался так внимательно, что почти ощущал пульсацию воздуха при прохождении звука.

— Ты принес новости? — спросил Парменид. — Ты не запутался?

— Я не запутался, молодой ассамит, — сказал голос с малейшим оттенком юмора.

— А я уже не так молод, — сказал Парменид. Он медленно двинулся от центра сюиты в сторону пронзенного пейзажа. Он приостановился, сменил направление. — Ты так стар?

— Достаточно стар, чтобы знать, когда охотник выслеживает звук моего голоса.

Парменид остановился. Он действительно пытался проследить за голосом, определить его направление, но с каждым поворотом он звучал все ближе и ближе. Парменид рассмеялся.

— Достаточно стар, чтобы играть твоим голосом, как свистком егеря, пока молодой щенок гоняется за своим хвостом по кругу.

— Хочешь, чтобы я показал себя, юный ассамит? Желаешь ли ты, чтобы я не старел?

— Я желаю, чтобы ты показал себя, — сказал Парменид пустой комнате. — У меня нет причин причинять тебе вред.

— Моя кровь не является достаточным основанием, молодой щенок?

Парменид пожал плечами.

— Наши хозяева хотят, чтобы мы работали сообща. Я не стану послушаться их. И если это недостаточная гарантия твоей безопасности, я даю тебе слово.

Наступила долгая пауза, прежде чем голос ответил:

— Я жалею вас — вас, отданных на растерзание извергам. Я встречаюсь с вами лицом к лицу. Зайдите в уборную.

Жалость? Парменид задумался, но направился к ближайшему туалету. Стоя в дверях и осматривая просторные помещения, он не мог удержаться от восторженного взгляда на фарфоровые светильники. Он слышал столько историй о приходах и уходах чудовищных Носферату, об их извращенных наклонностях. Они жили в канализации. Мог ли гонец пройти этим путем?

Но тут его внимание привлекло тихое поскребывание — не из унитаза, а из крошечного вентилятора, встроенного в потолок. Крышка вентилятора слегка задрожала. Мгновение спустя он оторвался от потолка и повис на два-три дюйма ниже. Вентилятор медленно опустился, и Парменид увидел, что его держит... рука? Но пальцы, если это были пальцы, были слишком малы, а также удлинены. Появилась длинная, болезненно тонкая рука, затем запястье не толще одной кости и предплечье.

Парменид не мог осмыслить увиденное. Отверстие, к которому был прикреплен веер, было не более шести дюймов в квадрате. Неужели посланник собирался открыть более крупный тайный портал? Конечно, он не мог надеяться...

За ним последовала остальная часть длинной, истощенной руки. При свете Парменид увидел, что кожа была покрыта чешуей и имела темно-темно-зеленый цвет. Затем сюрреалистическая сцена стала еще более странной. В отверстие просунулся неправильной формы луковицеобразный сустав — плечо. Затем появилась голова. Она, казалось, заполнила отверстие, но затем как-то сжалась, словно сдувшийся шар. Морщинистая макушка пересекла порог и снова расширилась, немного заполнив отверстие. Остальная часть головы прошла аналогичным образом, медленно пульсируя. Парменид прислонился к дверной раме. Он подумал, что, возможно, послание не обязательно передавать лично.

Даже когда голова была готова, Парменид не был уверен, как именно поместилась грудь. Казалось, что грудная клетка сжимается, складывается сама по себе. Он продолжал слышать скрежет костей или хруст суставов, вывих, но прохождение происходило в полной тишине.

После туловища все пошло гораздо быстрее; хотя на самом деле прошло гораздо меньше времени, чем Парменид думал вначале, настолько он был поглощен тем, что буквально разворачивалось перед ним. Наконец, ухватившись одной ловкой ногой за край проема, посланник смог вытянуться до самого пола. Он казался длинной вереницей частей тела, соединенных лишь случайно — вытянутые конечности и непомерно большие суставы. Его глаза были маленькими и черными и почти терялись среди пятнистости его неровного выпуклого черепа; его нос и рот были бы изящны на красивой женщине, но казались дискомфортно неуместными на этой перекошенной, трупной куче.

Еще несколько секунд, и посланник сидел на корточках на полу, его веретенообразные руки прижимали к груди сложенные ноги. Те части его тела, которые не были покрыты чешуей, потемнели от сильных кровоподтеков.

— Приветствую тебя, молодой ассамит, — произнес тот же любезный голос, теперь почему-то исходящий от существа, стоявшего перед Парменидом. — Я — Джон Курьер.

— Хорошо назван и хорошо встречен, — жестко сказал ассамит. — Можешь звать меня Парменид. — Существо уже знало это. Его род якобы знал все. И хотя голос был по-прежнему мягким, глаза следили за Парменидом, как за хищником.

— Викос ушел на вечер, — сказал Парменид, надеясь унять волнение зверя. — Мы одни.

Курьер кивнул. Он выглядел так, словно его позвоночник и шея с трудом удерживали голову. Возможно, ему больше подходили тесные подземелья города и канализации. Действительно, он выглядел растерянным, сидя здесь, сгорбившись посреди холодного пола ванной. Затем, как раз в тот момент, когда у Парменида возникли эти мысли, Курьер протянул руку. Инстинкт Парменида подсказал ему, что нужно отступить; он проверил свою реакцию и остался на месте. Он был слишком далеко, чтобы существо могло дотянуться до него.

Но Курьер все-таки дотянулся до него. Рука продолжала приближаться, рука тянулась к дверному проему. Убийца замер, охваченный отвращением, таким же глубоким, как то, что он почувствовал, когда проснулся в середине эксперимента и обнаружил, что Викос возится с его внутренней физиологией. Рука приближалась — пестрая зеленая, фиолетовая и черная; толстая, иссиня-черная кожа и глубокие синяки. Наконец, она опустилась на предплечье. Большой и три пальца, один из которых был вдвое длиннее, чем следовало, погладили волосы на руке Парменида. Курьер казался слегка озадаченным. Затем, быстрее, чем он протянул руку, носферату убрал ее, и на руке Парменида остался смятый лист бумаги.

Он взял и развернул бумагу. Это была этикетка от банки с супом, но на обратной стороне были нацарапаны названия двух улиц, перекресток которых находился недалеко от отеля.

— Иди туда, — сказал Курьер. Он казался спокойнее оттого, что прикоснулся к Пармениду, а может быть, тот факт, что сообщение было доставлено, успокоил существо. Не дожидаясь ответа, Курье размотал свое тело и легко достиг отверстия в потолке. Сначала он просунул руку и потянул себя вверх. Только когда его череп провалился и проскользнул в отверстие, его вторая нога оторвалась от пола. Другой ногой он ухватился за вентилятор. В считанные секунды крышка была снова прикреплена, и Парменид стоял в ванной один. Никаких следов

краткого визита существа не было; по крайней мере, никаких, кроме мурашек, все еще остававшихся на коже Парменида. Он бросил еще один взгляд на раковину и унитаз — те емкости, которые Викос использовала только для утилизации разжиженной плоти, для которой у нее больше не было цели, — затем закрыл дверь.

Серый Land Cruiser притормозил у обочины через несколько секунд после того, как Парменид подошел к перекрестку. Шквал мыслей пронесся в его голове, пока он целенаправленно шагал к машине. У него не было причин подозревать предательство. Если Викос хотел его уничтожить, то для этого были более простые способы. Это не исключало возможности предательства со стороны предполагаемых союзников Викоса по Шабашу, если кто-то захочет выступить против нового архиепископа Вашингтона. Но зачем так напрягаться, чтобы устранить простого гуля? Парменид был уверен, что никто не разгадал шараду в Равенне.

Если только Курьер не был тем, за кого себя выдавал. Или, по крайней мере, не тем, за кого себя выдавал. Не было никаких сомнений в том, кем он был. Носферату. Но именно он связался с Парменидом; именно он также утверждал свою роль посредника между ассамитом и его хозяевами. Существовали Носферату, которые служили Шабашу. Неужели Курьер обманул его?

Парменид наблюдал, как рука Равенны потянулась к дверной ручке. Когда он открыл дверь, свет в салоне не зажегся.

— Садитесь, — сказал водитель, скрытый темнотой.

Парменид сделал это и захлопнул дверь. Машина тут же пришла в движение, быстро, но не безрассудно и не так поспешно, чтобы привлечь внимание, отъехала от обочины.

— Ваш господин передает вам привет, — сказал водитель, все еще скрытый темнотой, хотя Парменид был всего в метре от него.

— Моя сестра...? Она ушла в окончательную смерть почти двести лет назад. — Это был тот тип проверки неподтверждения, которого ожидал Парменид, но который, в конце концов, ничего не доказал. Цимисхи был способен заменить контакт на достоверного двойника или раскрыть множество секретов с помощью пыток. Этот водитель мог быть подделкой, и если он действительно был ребенком Хакима, то, несомненно, скептически относился к личности Парменида.

Но затем темнота в машине рассеялась, и напротив него сидела...

— Фатима. — Фатима аль-Факади. Парменид, хотя и не хотел признаваться в этом даже самому себе, был удивлен. То, что Фатима, самая высокочтимая из братства, убийца без равных, должна быть здесь, могло означать только то, что он был избран для великих дел.

— Странно... — сказала она, — видеть тебя с другим лицом и голосом.

Парменид кивнул.

— И не совсем приятно, даже для меня самого.

В эти первые секунды его натренированный глаз уловил каждую деталь Фатимы. Она была одета в свободную рубашку с длинными рукавами поверх облегающих брюк, а ее темные волосы были убраны назад. Она сидела, держась одной рукой за руль, но теперь небрежно подняла левую руку. Ее глаза были в постоянном движении, не нервно дергались, а спокойно сканировали, как у хищной птицы, наблюдает за дорогой,

другими машинами, разбегающимися пешеходами, боковыми зеркалами и зеркалами заднего вида. Зеркало заднего вида, заметил Парменид, не было ориентировано так, чтобы показывать ей сцену позади машины. Он подозревал, что оно было нацелено на его руки, которые удобно лежали на коленях.

Он также заметил ее голос. Сначала он не узнал его; он даже не понял, что это говорит женщина. Это была не грубая маскировка, а просто полное отсутствие регистрации. Так же как она скрывала от него свой образ, она скрывала истинную природу своего голоса. Парменид хорошо знал эти уловки, которые он мог бы применить сам; но она была достаточно сильна в крови, чтобы использовать их против него.

Фатима не стала продолжать разговор, да это и не входило в обязанности Парменида. Они ехали в относительной тишине. Даже звук асфальта под шинами и толчки тяжелой машины на выбоинах казались приглушенными и далекими.

Парменид был уверен, что это действительно Фатима, а не самозванка. Возможно, Цимисхий и мог бы повторить ее физическую форму, но он уже несколько раз встречался с ней лично, и она произвела на него неизгладимое впечатление — своей тихой грацией и суровым достоинством. Она была из крови, и ее природа сияла так, что, по его мнению, ни один двойник не смог бы ее имитировать.

С этим осознанием его захлестнула волна облегчения. Впервые с начала этого испытания он находился в присутствии сородича. Никогда прежде он не жаждал такого контакта; никогда прежде он не нуждался в нем. Но те унижения, которые он перенес от рук Викоса, отчаяние и изоляция, которые зародились в нем, когда он узнал, что его бросили старшие на произвол судьбы, и чувство вины за то, что он начал испытывать к Викосу, когда находился в ее присутствии... Все это было почти невыносимо.

Он цеплялся за связь, которую предлагал Носферату, но даже в этом Парменид не был уверен. До сих пор. Пока послание, принесенное отвратительным существом, не воссоединило Парменида с детьми Хакима. Курьер был верен своему слову.

Я жалею вас — вас, отданных на растерзание извергам. Слова, произнесенные Носферату, показались Пармениду странными, а теперь, когда он действительно увидел Курьера, это стало еще более странным. Как могло это жалкое существо жалеть кого-то еще? Внешность Парменида была изменена, да. Возможно, навсегда. Но сила вернулась в его тело. Он не был изгоем. Он не был изгоем для глаз смертных и нежити. Его недоумение начало уступать место возмущению. Как смеет это существо жалеть его!

Ощущение боли доходило до него медленно. Он осознал, что его собственные пальцы впиваются ему в ноги. Он намеренно не смотрел на Фатиму, постепенно расслабляя руки. Несомненно, она видела. Почему он так нервничал, был не в духе? Он не мог понять. Эта встреча с товарищем по клану должна была стать бальзамом на душу после всего, что он пережил.

Но в присутствии старших, понимал он, всегда есть суд. Была ли Фатима послана, чтобы наградить его, дать ему возможность обрести славу и почет? Или она пришла судить? Неужели Парменид чем-то обидел или разочаровал старших?

Это были заботы, которые никогда не беспокоили его раньше... до Викоса...

Парменид потянулся к кнопке, чтобы опустить окно — ночной воздух пошел бы ему на пользу. Фатима небрежно сняла левую руку с руля и положила ее на бок. Осознав, что он действовал быстрее, чем это было целесообразно в данных обстоятельствах, Парменид надолго оставил руку на кнопке. Он

смотрел на отраженный силуэт Фатимы в опускающемся стекле окна, затем медленно и целенаправленно вернул руку на колени. Вскоре рука Фатимы вернулась к рулю.

Она вывезла их за пределы города и поехала по разросшимся кварталам, которые простирались наружу, окружая больной город, словно множество стервятников. Взгляд на звезды подтвердил то, о чем говорили Пармениду дорожные знаки: Они двигались на запад. Он знал расположение многих оборонительных сооружений Шабаша вокруг города — хотя большинство из них находилось на севере, в Балтиморе, — и подумывал о том, чтобы предложить Фатиме руководство. Но благодаря интуиции или разведке она выбирала такие маршруты, которые не привели бы их к столкновению с патрулями или стационарными оборонительными позициями.

В течение часа достопримечательности и запахи тесно упакованного человечества уступили место более открытым пространствам и большим кронам деревьев. Фатима держала курс в основном на запад. Когда она, наконец, свернула с шоссе, то, казалось, точно знала, по какому пути ей идти. Она без колебаний свернула на двухполосную дорогу, а через несколько миль — на гравийную дорожку. Город и поселок полностью уступили место сельской местности, и когда она съехала с гравийной дороги и остановила Land Cruiser на травянистом поле, не было никаких признаков цивилизации, кроме самой дороги и забора с колючей проволокой, пришедшего в негодность на расстоянии около километра.

Парменид уже привык к мягкому рычанию большого двигателя. Когда Фатима выключила машину, отсутствие этого звука было оглушительным. Ночь была полна других звуков: сверчки и древесные лягушки вдалеке, но все равно громкие, мотыльки, трепещущие крыльями перед светом фар, другие насекомые, незнакомые Пармениду, механический хлопок открываемой Фатимой двери и тихое пиканье, напоминающее о

том, что она оставила ключ в замке зажигания. Парменид присоединился к ней и встал рядом с машиной. Свет фар, все еще освещавший поле, придал темноту ночи.

Он недолго размышлял, что это за место и как она его выбрала. Возможно, это владение принадлежало какому-то смертному, верному клану, а может быть, и настоящему члену братства. Парменид также задался вопросом, зачем она привела его сюда. Может быть, ей просто нужно было место, где можно было бы поговорить без помех? Или, может быть, она навсегда увезла его из этого города, из Викоса?

Парменид почувствовал внезапный восторг при этой мысли, но в то же время в нем промелькнуло сожаление, которое застало его врасплох.

— Мы получили ваши отчеты, — отрывисто сказала Фатима, прежде чем Парменид успел разобраться в собственных смешанных эмоциях. — Вы служили превосходно... и в сложных обстоятельствах.

Парменид почтительно поклонился. Эти слова были первыми словами похвалы, которые Фатима когда-либо говорила ему. В этом было удовлетворение, но в данный момент его больше интересовало, что еще она хотела сказать, какую еще цель преследовала, ведь Фатима аль-Факади вызвала его не только для того, чтобы сказать ему добрые слова. Он терпеливо стоял, скрестив руки, не сводя с нее глаз. Он не мог избавиться от ощущения, которое возникло у него во время поездки, что приговор нависал над ним. Левая рука Фатимы никогда не отходила далеко от ее бока.

— Как ты думаешь, есть ли польза от того, что ты останешься там, где ты есть, с Викосом? — спросила Фатима.

В груди Парменида снова раздулась гордость, но он быстро сдержал ее и ответил почтительно:

— Старейшины гораздо лучше меня знают ценность той информации, которую я могу получить.

Фатима нахмурилась, как будто ответ Парменида был проблематичным, или как будто, возможно, она задала не совсем правильный вопрос.

— Доверяешь ли ты Викосу? — спросила она.

— Сомневаюсь, что какое-либо существо на земле имеет — или хотело бы иметь — доверие Викоса. Она доверяет мне... иногда, — сказал он, но затем подумал и поправил себя: — А если не доверяет, то мне кажется, что иногда я нахожусь под рукой, когда она говорит. Я думаю, что ее ум всегда в действии, и если бы она не говорила с кем-то.... — Парменид остановился. Он понял, что в этот момент описывает как себя, так и Викоса. Он высказал чистое предположение, потратив время старейшины. Он подыскивал лаконичное завершение своей мысли, — Она говорила бы с животным или со стулом, если бы меня там не было, — но после не придавал значения подразумеваемому принижению собственной роли. Он не был столь ничтожен, как домашнее животное, и не мог поверить, что Викос так о нем думает.

Долгое время Фатима стояла молча, размышляя о том, чего именно не знал Парменид. Но больше он был озадачен самим собой, чем Фатимой. Его смущало то, что он чувствовал к Викосу, своему мучителю; чувство сожаления, которое охватывало его при мысли о том, что его отнимут у нее. Иногда, правда, он притворялся, что привязан к ней, но это было частью игры, частью попытки завоевать ее доверие или хотя бы рассеять ее подозрения. Она не могла знать, что он передавал информацию, через Носферату и, следовательно, Камарилью,

своим собственным старейшинам. Его внимание к ней было чистой уловкой, но теперь он остро ощущал ее потерю еще до того, как его отняли у нее. Этот факт беспокоил его — нет, более того, испугал — и заставил бросить настороженный взгляд на Фатиму. Насколько ловко она умела читать его? Как много она знала об этом?

Фатима стояла, сцепив руки перед собой. Ее взгляд устремился на Парменида. Он почувствовал внезапную слабость, как будто недавно не питался, но это было не так. Небольшая мышца за левым коленом начала неконтролируемо подергиваться. Он переместил свой вес.

— Мы решили, — сказала наконец Фатима, ровно и без эмоций, — что соглашение с Викосом не может продолжаться. Вам будет позволено уничтожить ее, когда представится возможность.

Судорога в ноге Парменида переросла в судорогу и распространилась на другие мышцы. На долю секунды он подумал, что ему придется упасть на колени, но удержал равновесие. Он закрыл глаза, потерял один, словно в него попало летающее насекомое. Он почувствовал кровь на ладони; должно быть, он нечаянно вонзил ногти в плоть.

— До этого времени ты должен узнать еще кое-что, — продолжала Фатима.

Парменид едва слышал ее. В его ушах нарастал странный рев, совпадающий с ревущей болью в ноге. Нога напоминала ему обо всем плохом, что с ней сделали — что сделала с ней Викос! Она соединила плоть и кость, сделав из двух конечностей одну, и та соединилась с полом, а потом вернула все обратно, когда ей это было удобно. Рев в его ушах стал стучало в висках.

— Я должен научиться... ? — услышал он свои слова. Фатима была так далеко. Он не мог ее увидеть. Фары светили прямо ему в лицо — но это было не так; они по-прежнему освещали поле.

— Викос говорил с тобой о Монкада?

Монкада. Монкада. Это имя металось в мозгу Парменида и лишь постепенно обретало смысл.

— Монкада, — сказал голос. Парменид протянул руку — медленно — позади себя, пока не нащупал машину. Он оперся на нее всем весом. Опора, казалось, помогла его ноге. Его зрение начало проясняться, стук в висках немного уменьшился. — Монкада. Она упоминает его время от времени... в основном мимоходом. У нее были некоторые... нелестные слова о темпларе, которого он послал выступить против Люситы. И она упоминает, что истинная преданность Вальехо лежит на кардинале, а не на ней. — Парменид пригладил волосы, ненавязчиво помассировал виски и слегка размял ногу.

— Она сказала мне, — вспоминал Парменид, — что я должен быть тем, кто уничтожит князя Вителя, чтобы слава принадлежала ей, а не кардиналу. Она переходит на сторону Монкада, но, похоже, между ними есть что-то вроде соперничества — дружеского или иного. — Конечно, это было совпадением, что разговор о Викосе, казалось, облегчил боль в ноге и голове.

Вам будет позволено уничтожить ее....

Парменид боролся с этими словами, пытался игнорировать их до поры до времени. Ему нужно было сдерживать натиск, нужно было произвести благоприятное впечатление на Фатиму. Теперь он снова мог ясно видеть ее. Она смотрела на землю, соображая, что он ей говорит.

— Тебе нужно узнать больше о Монкаде? — сказал Парменид.

— Да. И его убежище в Мадриде — защита, телохранители и так далее. Вы можете это сделать?

Парменид кивнул, возможно, немного более охотно, чем ему хотелось бы. Было неподобающе выглядеть слишком нетерпеливым. — Я могу.

Фатима долго смотрела на него. Ее глаза сузились, и Парменид почувствовал тяжесть ее взгляда. Наконец, она решительно кивнула. — Сделай это. Затем уничтожь ее.

На этом вопрос был решен к удовлетворению Фатимы. Она отвернулась от Парменида, забралась обратно в Land Cruiser и завела двигатель. Вибрирующая машина, прижавшаяся к его спине, вернула Парменида в настоящее.

Сделай это. Затем уничтожь ее.

Он двинулся по задней части машины к пассажирской двери, стараясь не шуметь, пытаясь сосредоточиться на своих насущных проблемах: выяснить все, что можно, о Монкаде, о его убежище и защите. Фатима или кто-то другой, не менее достойный, собирался преследовать Монкаду, и Парменид должен был принять в этом участие. Вот о чем он должен был думать: о чести, оказанной ему старейшинами. Это было только начало. Он проявит себя. Скоро его имя будут с благоговением шептать по всему клану.

Тогда уничтожь ее.

Остальное придет позже. Сейчас нет причин для беспокойства. Он устроился на сиденье рядом с Фатимой, когда она направила машину обратно на гравийную дорогу.

Фатима выпустила Парменида за две мили от отеля, который Викос выкупил у Маркуса Вителя. Она повернула Land Cruiser на юг, к частному аэропорту и самолету, который доставит ее в Испанию. Потянувшись под рубашку, она сняла Р 226 Sig, который носила на левом бедре. Она дала Пармениду достаточно не очень тонких указаний на то, что пистолет находится там, и он отреагировал соответствующим образом, тщательно выверяя свои движения. Возможно, он предполагал, что она сомневается в его личности, особенно учитывая его полностью изменившуюся внешность, но это было не так. Он был ее сородичем. В возрасте Фатимы кровь знала об этом.

Все еще существовал реальный шанс, что она уничтожит его, и если бы она двинулась на него, он бы защитился от оружия в ее левой руке, больше, чем от кинжала из наручных ножен на ее правой руке — кинжала, который перерезал бы ему горло и послал парализующий яд по его неживому телу. А потом 9-миллиметровый разрывной снаряд из “Сига” довершил бы дело.

Однако до этого дело не дошло. Фатима не была безгранична в своей уверенности, что Парменид сможет уничтожить Викоса. Это коварное и почтенное создание таило в себе больше обмана, чем песчинок в пустыне. При других обстоятельствах Фатима приказала бы своему подопечному вернуться в Аламут, а не отдавать его на растерзание извергу, но оставался шанс, что он раскроет какую-нибудь деталь, которая поможет ей в поисках Монкада. Ради этого шанса она с полным правом готова была рискнуть Парменидом. Ни одно дитя Хакима не уклонилось бы от такого долга. В каком-то смысле, подумала Фатима, Парменид, беспрекословно приняв свой жребий, был более тверд в своей верности, чем она, сомневающаяся в словах аль-Ашрада о том, что Путь Аллаха и Путь крови однажды ночью должны разойтись; чем она, все еще сомневающаяся в словах старейшин о курде, напавшем на нее всего два месяца назад; чем она, возможно, поставившая

под угрозу свою миссию необходимостью увидеть Люситу; чем она, все еще пытающаяся игнорировать тот факт, что Люсита, как и ее отец, должна быть уничтожена.

И снова она поборолa эти мысли. Они не способствовали выполнению ее миссии, а этой ночью ей предстояло еще много путешествий.

Суббота, 25 сентября 1999 г., 12:12 AM
Подземный грот
Нью-Йорк, Нью-Йорк

Калекрос выдернул лист бумаги из своей “Смит Короны” и изучил свои записи при свете канделябра. Основание его бывшей настольной лампы торчало вверх ногами из мусорной корзины у стола.

Перечитав набранные слова, он был потрясен — но не удивлен — своими необоснованными предположениями. Неудивительно. Одна только мысль об ассамитах приводила его в ужас. Он полагал, что Фатима со временем может оказаться втянутой в это дело, но это не означало, что сейчас ему это должно нравиться.

Он потянулся за своей красной ручкой.

25 сентября 1999

Re: Фатима

Отчеты курьера – помог Фатиме связаться с Равенной / Парменид; не удалось узнать, что произошло между ними. Наши люди также помогли Фатиме в Хартфорде – накопился целый список услуг; напомните ей об этом, если необходимо. Наша уловка, чтобы выманить ее, похоже, сработала.

Больше помощи для нее, чем мне бы хотелось, но как можно отказать ассамитке, особенно Фатиме?

Обновление действия файла: Фатима аль-Факади

Необязательно. Другие возможные факторы – повышенная активность ассамитов во всем мире. Какова их повестка дня?

Суббота, 25 сентября 1999 г., 2:47 AM
Калле дель Баркильо
Мадрид, Испания

— Вы уверены, что это была она... ?

Узкий переулок был мертвым нервом для света и звука. Ни один голос не мог проникнуть за его пределы; никто из проходящих мимо не мог увидеть двухголовое наваждение — фактически две темные фигуры, стоящие всего в нескольких дюймах друг от друга.

— Или вы просто уверены, что это было похоже на нее? — спросил Махмуд голосом тише шепота.

Анвар сразу понял мудрость вопроса. — Ее лицо в точности соответствовало фотографиям, которые я видел... фотографии, которую предоставила Фатима. — Анвар, недовольный тем, что уступает Махмуду, упомянул Фатиму намеренно. Правда, она была наставницей Махмуда, но Махмуд не пользовался таким большим уважением у старейшин, как она. Он был твердым, надежным. Но он не был Фатимой. Были и те, кто шептался, что она взяла его в протезе именно по этой причине, чтобы не затмить своего дублера. Анвар не знал правды об этом, но он предпочитал действовать самостоятельно в полевых условиях.

— Значит, это было ее лицо, — сказал Махмуд, чтобы успокоить его, но затем пустил в ход свою колкость, — но кто знает, какие трюки с тенью были в ходу, или какой изверг из Цимисхи мог скопировать ее подобие?

Анвар не мог видеть глаза своего сородича; они стояли так близко, что он видел только изгиб щеки Махмуда, движение челюсти, губ и языка, когда тот говорил.

— Изверги не так точны, — сказал Анвар.

— Их работы гротескны.

— Вы когда-нибудь сталкивались со старейшинами Цимисхи? — спросил Махмуд. — С тем, кто ваял плоть еще до того, как ты припал к соску своей матери?

— Это была Люсита, — сказал Анвар со всей свирепостью, на которую способен шепот. — Она стояла там перед церковью, просто... просто смотрела, просто ждала, когда ее уничтожат. И я мог это сделать.

— Возможно. И ты мог бы предупредить ее сира, что все не так, как должно быть, что собираются волки.

Анвар не мог с этим поспорить. Хотя он жаждал ее, ее крови.

— Мы здесь для наблюдения, для сбора разведданных, — сказал Махмуд. — Шпионы Пилар охватывают большую часть территории, мы охватываем все остальное.

Анвар кивнул. Его лицо прижалось к лицу Махмуда. — Да, — сказал Анвар. Он был достаточно близок по положению, чтобы быть недовольным тем, что он принимает указания от Махмуда, но бросать ему дальнейший вызов, когда Фатима предоставила ему полномочия, не хотелось. — Конечно.

Два убийцы расстались, каждый отправился выполнять свои обязанности.

Воскресенье, 26 сентября 1999, 12:50 AM
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Часы были безнадежно спутаны с тьмой. Черные усики искривляли время, разрывали его на части и перестраивали в разные формы. Люсита сама была мастером тени, но здесь было слишком много от ее отца. Его душа за века впиталась в самую землю, пропитала своей волей стены, пол, черный воздух. Ноги Люситы двигались вперед слабыми, шаркающими шагами. Проходы приводили ее в замешательство. Время от времени что-то, что она видела, вызывало воспоминания: туннели из гнущего камня, закрывающиеся, чтобы раздавить ее; палаты, где каждый дюйм каждой стены был покрыт святыми иконами, маленькими деревянными дощечками, цвета которых поблекли, как и память о руках, давно умерших и забытых, которые их рисовали; грубо отесанные проходы, ведущие в ад; Массивные железные ворота, вбитые в скальную породу; залы со статуями и резьбой, распятый Христос в страстях, Дева Мать, готовая вступить за грешника; Понтий Пилат, руки которого омыты не от крови, а в ней, фонтан и бассейн, полные густой бурлящей жидкости.

Здесь был конный факел, который горел, но не давал света, там — другой факел, прогоревший за века. В темноте Люсита не знала, какие воспоминания относятся к настоящему, а какие — к давним. Она заблокировала их настолько хорошо, что думала, что сможет вернуться в это место и не вспоминать о них. Туннели вели дальше, и она шла по ним, не зная, что является новым местом, а что она уже видела раньше.

Тьма на мгновение расступилась. Она увидела Монкаду, раздетого до пояса, и себя, пьющую из глубокой раны на его груди и жадно сосущую кровь. Жилистые седые волосы на его груди щекотали ей лицо, попадая между зубов. Стоны экстаза

перекрывали его беззвучные хвалебные псалмы небесам. Люсита чувствовала, как тьма струится внутри нее, делая ее сильнее, привязывая ее к этому месту, смыкаясь вокруг нее, снова расступаясь. Она проснулась от блаженства: нежные пальцы, расческа с мелкими зубьями перебирали ее волосы. Ее волосы всегда были красивыми. Шелковистые, струящиеся. Но путь, который она выбрала, был узким и одиноким. Ни времени, ни безопасности для слуг не было, а с ночи Объятий она не могла видеть. Стекло с серебряной оправой отказывало ей. Она была мертва для него и для себя. Столько лет она знала свои прекрасные волосы только на ощупь. Она лежала обнаженная, под шелковыми простынями, а женщина гладила ее волосы, раскладывала их по подушкам и нежно ухаживала за каждым клубком, разглаживала неровности. Женщина гладила тысячу раз, и еще тысячу раз. Люсита могла почти представить, почти вспомнить ощущение теплого солнечного света на своем лице, на закрытых глазах.

Когда она в следующий раз открыла глаза, женщины уже не было. Комната была небольшой, возможно, когда-то это была келья монаха. Но холодный камень был покрыт яркими гобеленами, а у ног Люситы лежал толстый персидский ковер. Она откинула одеяла и встала, несмотря на головокружение. Она увидела белый халат, висевший на двери, а затем посмотрела на свое собственное обнаженное тело, вечно юное. Платье, хотя и скромное, было слишком элегантным, не то, что она выбрала бы. Она чуть было не выбрала шокирующее зрелище — выйти на улицу обнаженной, но содрогнулась от мысли, что на нее посмотрит ее сир. Она взяла платье и подняла руки, позволяя складкам ткани опуститься вокруг лица. Она открыла дверь и шагнула из безопасного уюта своей камеры в клубящиеся тени.

Ее ноги были покрыты грязью и пылью бесчисленных лет. Пальцы тоже, потому что во время странствий она опиралась на каменную кладку и фрески. До тех пор, пока она могла,

помнится, раньше ее подпитывала ненависть, но теперь этот холодный огонь был закрыт. Она слишком устала для ненависти, для гнева, и все, что осталось, — это пустота. Монкада бил ее, но не ее тело он жаждал больше всего, знала она. Ему не нужно было бить ее ни разу. Она не смогла бы долго продержаться против его воли. Но он хотел, чтобы она пришла к нему свободно, без принуждения.

Когда Люсита шла, проводя пальцами по камню, скрытому от глаз, она подошла к еще одним колоссальным воротам, которые с интервалами на разных маршрутах преграждали ей путь. Она почувствовала их присутствие раньше, чем увидела, как чувствуют огромную пустоту бездны, прежде чем шагнуть в нее. Обеими руками она не могла полностью обхватить ни одного прута. Железо было холодным, как зимнее надгробие, неподвижным, как земля. За ним проход изгибался влево и вверх. Туннель ответвлялся вправо. Слева Люсита почувствовала запах воздуха, который был не таким затхлым, не таким насыщенным чернотой души ее тюремщика. Из бокового туннеля доносилось грохочущее рычание и движение теней, похожее на медленно поднимающийся прилив. Ни один из этих путей не был открыт для Люситы, как не был открыт ни один из путей, по которым могли бы пойти она и ее сир: Она никогда не сдастся ему добровольно, а он никогда не оставит попыток добиться этого. Они пришли к непроходимому portalу, достигли его сотни лет назад, и никогда не переступят порог. И все же они были связаны кровью.

Единственный возможный выход для Люситы лежал в другом месте, в Окончательной смерти или безумии. Когда она, спотыкаясь, вышла из ворот, отчаяние сжимало ее сердце, тьма устремилась за ней.

Монкада молился, стоя на коленях в часовне, когда услышал, как позади него открылась дверь. Ее шаги были тихими. Неужели она пришла, чтобы погубить его, как это уже не раз

случалось в прошлом? Он не поднял склоненной головы и не повернулся к ней лицом.

— Присоединишься ко мне в молитве, дочь моя?

Люсита молчала. Она прошла мимо него к алтарю, к единственной свече, горевшей там. На ней было простое белое платье, которое предоставил ей Кристоаль, — классические линии, непревзойденное мастерство. Конечно, она его ненавидела.

Монкада остро ощутил ее молчание. Никаких нецензурных упреков в ответ на его приглашение; она не плюнула в него и не предложила ему осквернить себя распятием. Это был прогресс. Она стояла спиной к нему, лицом к алтарю, свече, распятому Христу.

— Я не могу здесь оставаться, — сказала Люсита.

Монкада вздохнул.

— Но тебя так долго не было.

Она положила руки на алтарь и наклонилась вперед, так что ее прекрасные волосы свисали в опасной близости от пламени свечи. Усталость была заметна в наклоне ее плеч, шеи, повисшей голове. Монкада дал достаточно крови, чтобы оживить ее, но не сделать сильной.

— Если вы оставите меня здесь, — сказала она, — я уничтожу себя.

Монкада был удивлен как ее словами, так и своей способностью удивляться. Он ожидал от своего ребенка неповиновения, но саморазрушения? Такой тип поведения он всегда подозревал, это всего лишь этап, который она

перерастет, но думать о том, что ее уничтожение произойдет от ее собственных рук... Монкада подавил смех. В ней текла его кровь; она была слишком сильна, чтобы долго поддаваться отчаянию. Нет, это был гамбит, который она придумала, чтобы заставить его действовать.

— И как же ты это сделаешь, дочь моя? — спросил он. — Разве мы не выносливы? Отрубить себе голову? Трудно. Ты с тоской смотришь на это пламя? Как ты думаешь, может ли огонь долго гореть в моем убежище, не будучи задушенным тенью? Думаешь, если бы я держал тебя под замком, ты бы когда-нибудь вырвался на встречу солнцу?

Теперь она повернулась к нему лицом, и Монкада увидел грязные пятна на белом платье и на идеальных изгибах ее лица.

— Я найду способ, — сказала она. — Я уничтожу нас обоих.

На этот раз Монкада действительно рассмеялся, хотя из заботы о ее чувствах он подавил смех.

— Мелодрама тебе идет еще меньше, чем цинизм, мое дорогое дитя. Но я докажу тебе, что руководствуюсь только твоими интересами.

— Ты — дитя современных ночей, дочь моя. Я знаю, знаю, — отмахнулся он от ее протеста, — ты родилась и была объята давным-давно. Из всех людей я должен знать это. Но идеалы современной эпохи были живы в тебе задолго до того, как они пропитали весь остальной мир: независимость, независимо от цены или глупости, самовозвеличивание за счет всех остальных. Именно эти качества изначально привлекли меня к вам, хотя даже я не до конца понимал их в то время. Ах, Господь действует неисповедимыми путями.

— Я дам тебе свободу, — сказал он, протягивая ей руку. Она заколебалась, но затем подошла к нему. — Но ты не должна уходить далеко. — Он сомкнул пальцы на ее запястье и крепко сжал его, несмотря на ее слабое сопротивление. — Ты должна остаться в городе. Я попрошу Кристобая найти подходящий дом, но ты не должна покидать город. Ты обещаешь мне это?

— Это не свобода. Это просто более длинная цепь, — сказала Люсита.

Там. Монкада внутренне улыбнулся ее непокорности. Это была дочь, которую он знал и любил больше всех остальных. — Может быть, все так, как ты говоришь, но я так долго был без тебя. Но, — начал он, поднимаясь и отворачиваясь от нее, — если ты не хочешь выбирать более длинную цепь...

— Я останусь в городе, — нехотя сказала она.

Монкада снова уселся на свои плечи. — Я знаю, что так и будет... пока ты не восстановишь свои силы. Но до этого мы обсудим этот вопрос более подробно. — Он потянулся, чтобы убрать волосы с ее лица, но Люсита отвернулась от него. Уже сейчас ее дух снова обрел силу. Интересно будет посмотреть, как долго на этот раз его кровь будет удерживать ее.

Понедельник, 27 сентября 1999, 4:04 AM
Площадь Морерия
Мадрид, Испания

Грузовик без опознавательных знаков, хотя и занимал почти всю улицу, мчался по Calle de la Redondilla, не обращая внимания ни на бродячих собак, ни на мусорные баки, ни на молодых влюбленных. Интимный шепот парочек внезапно превратился в проклятия, брошенные в адрес проезжающего мимо водителя. Многолюдные здания в этой части города были относительно молодыми, построенными за последние одну-две сотни лет, но крутые и извилистые улицы были не более приспособлены для автомобильного движения, чем столетия назад, когда на этом месте располагалась старая арабская медина. Тем не менее, если бы водитель ехал с безопасной скоростью, это было бы совершенно не в его духе и вызвало бы скорее подозрение, чем просто испуг его жертв.

Сразу за площадью грузовик внезапно остановился с сильным скрипом металла и переключиванием груза. В крошечном магазинчике Анвар накинул рубашку. Ночь была прохладной, и любопытным соседям, которых мог разбудить подъехавший грузовик, не было нужды видеть обнаженного незнакомца, помогающего разгружать товар.

— Рафаэль! — закричала Пилар, крошечная продавщица ковров, выбегая на улицу в ночной рубашке. — Ты должен был доставить товар утром! — Ее пронзительный голос эхом отражался от булыжников и цемента, достигая такой высоты, что легко пробивал глубокий гул двигателя грузовика и разрушал все надежды соседей на спокойный ночной сон. — Темно или светло? — ругала она водителя, воздев руки к небу.

— Уже утро, — сказал Рафаэль, ничуть не обескураженный ее руганью. Он ударил ногой по внутренней стороне своей двери,

и она с грохотом распахнулась и ударилась о борт кабины. — Пусть Бог и святые следят за имбецилами — сейчас середина ночи, — сетовала Пилар. — И почему ты не починешь эту дверь?

— Лучше, чтобы она не открывалась, пока я за рулем, — сказал Рафаэль.

— Ай, карамба. — Она сжала голову в руках. — Спускайся оттуда и помоги разгрузить эти ковры. Но не дышите на моих мальчиков — estúpido может быть заразным.

Анвар, Махмуд и еще трое мужчин поспешно вышли из магазина и начали разгружать свернутые ковры, Пилар все время укоряла их и Рафаэля. К тому времени, когда Рафаэль на своем грузовике с ревом умчался в ночь — или утро, в зависимости от точки зрения, — ковры были аккуратно сложены в тесном складском помещении. Все ковры, кроме одного, который отнесли в подвальное помещение. Три “мальчика” Пилар вернулись на улицы Мадрида и к определенным обязанностям, которые их ждали. Анвар и Махмуд разворачивали последний ковер, пока Пилар мастерски снимала тканевые заглушки с каждого конца, которые защищали центр и его обитателя от случайного воздействия солнечного света.

Фатима лежала совершенно неподвижно, пока ее полностью не развернули, а затем осталась лежать на спине, пока Махмуд и Анвар не протянули ей руку и не помогли встать на ноги.

— А, Фатима, — промурлыкала Пилар, отталкивая двух мужчин, чтобы обнять новоприбывшую. Старуха доходила Фатиме до плеч, а Фатима была невысокого роста.

Фатима подняла руки и приняла приветствие старого гуля в жесткой, но не дружелюбной манере. — Прошло много лет, — сказала Фатима.

— Слишком много лет, — сказала морщинистая старуха, отступив назад и погрозив пальцем. Но затем она пожала плечами, и весь упрек исчез из ее голоса и манеры. — Но я понимаю, почему вы не часто приезжаете. Достаточно того, что вы сейчас здесь. Вы проголодались после своих странствий?

Анвар был почти оскорблен тем, что Пилар не предложила еды ни ему, ни Махмуду после их приезда; но они не были ее любимцами, и обижаться было ни к чему. Здесь царила старуха. Если в Аламуте хозяином был Старик с горы, то в Мадриде Пилар была Старухой с холма. Она служила верой и правдой, сотни лет поддерживая работу детей Хакима в этом городе, несмотря на подавляющее присутствие Шабаша. Ее “мальчики”, гули до единого, были экспертами в том, чтобы подкараулить бродячего каинита Шабаша и вернуть себе его кровь, прежде чем жертва поймет, что окружена. Они никогда не забирали каинитов, имеющих значение, или высокопоставленных лиц города, чтобы выразить почтение кардиналу Монкаде, который сидел, сплетая злобу из центра своей паутины. Мадрид, как и любой город Шабаша, всегда был полон бродяг, большинство из которых никогда не пропускали. Но для важных посетителей лавки Пилар всегда был припасен витэ.

— Спасибо, но нет, — сказала Фатима. — Мною движет голод.

Анвар недоумевал: это не могло быть правдой. С тех пор как было снято проклятие мерзкого Тремера и дети Хакима вновь обрели способность принимать каинитскую виту, кормление лишь усиливало, а не утоляло его голод. Вкус крови, от которой долгое время отказывались, был неотразим. Ни он, ни его братья больше не были вынуждены питаться смертными или

придуманым эликсиром амра. Кровь каинита заставляла убийцу искать еще больше крови каинита — настолько, что, как и в прошлом, распространялись истории о том, что Рафик сдался внутреннему Зверю, развращенному Каином. Была ли Фатима настолько сильна, что не чувствовала ничего из этого? Или она предпочитала ясную голову страсти? Боялась ли она, что может слишком хорошо выполнять свою работу?

Пилар не выглядела обиженной отказом Фатимы. Старуха почтительно кивнула и повернулась к Анвару.

— Ты, — она легонько шлепнула его по тыльной стороне ладони, — принеси этот ковер, когда придешь. — Затем она ушла, вернувшись на лестницу.

— Идемте, — сказала Фатима, не теряя времени. Она провела их в комнату поменьше, где, как ей показалось, были разложены карты. Анвар послушно последовал за ней. Разочарование, которое он испытывал в разговоре с Махмудом, теперь, после прихода Фатимы, утонуло в ожидании. Время нападения должно быть близко. Персонал Пилар мог вести обычное наблюдение. Фатима не стала бы привозить Махмуда и себя в Мадрид без причины.

Фатима внимательно изучала карты. Анвар наблюдал, как ее глаза впитывают каждую деталь, каждую пометку, сделанную им и Махмудом. Он почти видел, как она разрабатывает стратегию, сортируя множество разрозненных фактов: точки доступа к логову Монкады, расположение зданий, часы их использования, жильцы, подтвержденная защита.....

Целью, решил Анвар, должен быть Монкада. Иначе с чего бы Фатиме быть здесь? Здесь не было ни одного другого смертного, ни одного представителя рода Хайин, обладающего достаточным авторитетом — если только она не собиралась преследовать Люситу. Но когда Анвар и Фатима разговаривали

в Нью-Йорке, у него сложилось впечатление, что она не ожидала, что Люсита будет в Мадриде. Фатима, конечно, не намекнула, что ребенок кардинала будет присутствовать.

— Что это за место? — спросила Фатима.

Это был вопрос, которого ждал Анвар. Он почтительно посмотрел на Махмуда, но Махмуд лишь кивнул.

— Это дом, куда Люсита ушла сегодня вечером, — сказал Анвар.

Руки Фатимы, прокладывавшие по карте различные улицы и маршруты, вдруг стали очень неподвижными.

— Я видел, как три ночи назад она вошла в церковь Сан-Николас-де-лас-Сервитас, — объяснил Анвар. — Сегодня вечером она вышла через парадную дверь и пошла в это место. Она не позаботилась о том, чтобы замаскироваться или остаться незамеченной.

— Она не боялась бы саббата в городе, — сказал Махмуд, — если бы находилась под защитой своего государя.

— Я думаю, она не боялась бы Шабаша независимо от этого, — сказал Анвар. Люсита была антитрибу, она обратилась против своего клана — нелояльность, еще один промах в глазах Анвара. Но среди ее бывших сородичей, да и во всем Шабаше, было мало тех, кто представлял бы для нее серьезную угрозу. На этой неделе Анвар впервые увидел ее, но она не показалась ему человеком, которого страх заставляет прятаться. — Она прогуливалась по улице на виду у всех. Я не понимаю, как она выжила так долго.

Фатима по-прежнему склонялась над столом и смотрела на карты, но она не видела их активно. Скорее, они просто лежали перед ней, а она не двигалась.

— Она не поняла, что вы следили за ней? — спросила Фатима, по-прежнему не поднимая глаз.

— Я не сделал ничего, что дало бы знать о моем присутствии, — сказал Анвар.

Несколько минут трое убийц стояли молча. Анвар не сводил глаз с Фатимы, а она, в свою очередь, не отрывала взгляда от карт. Сверху доносилось скольжение и стук Пилар, расстилавшей новые ковры.

— Проследите, чтобы за ней присматривали, — наконец сказала Фатима.

— Вы не возражаете против того, чтобы за ней наблюдал один из команды Пилар? — спросил Махмуд. — Или ты предпочитаешь, чтобы это сделал один из нас?

— Люди Пилар — это наши люди. Их будет достаточно, — сказала Фатима.

Анвар ожидал именно такого ответа. Если только Люсита действительно не была целью, не было причин, чтобы кто-то из них следил за ней. Таким образом, его впечатление, что Фатима не ожидала, что Люсита будет в Мадриде, что Фатима приехала сюда не для того, чтобы уничтожить ребенка Монкады, похоже, подтвердилось.

Махмуд тихо повернулся, вышел из маленькой комнаты и направился вверх, чтобы проследить за тем, чтобы за Люситой присмотрели. Анвар остался. Он стоял и наблюдал за Фатимой, уставившейся на карты. Он не отводил глаз, даже когда она

наконец подняла голову и встретила с ним взглядом. Он хотел знать, что происходит в ее голове. О чем думала великая Фатима? Ее интеллект, ее инстинкт убийцы были полностью задействованы. Анвар мог это видеть, но, как и в Нью-Йорке, то, что происходило за этими темными глазами, было скрыто от него. Как она препараты, отличные от “превосходящие” его собственные?

— Монкада, — без предисловий сказала Фатима, прервав размышления Анвара.

— Цель?

Фатима кивнула.

Мысли Анвара сразу же переключились на детали логова кардинала, на информацию, которую ему предоставила Фатима, и на ту, которую он дополнительно собрал за последние несколько ночей. Из полудюжины известных им входов, какой был бы самым доступным и не вызвал бы тревоги? Alfonso V не представлял большой вероятности. В этом отеле часто останавливались гости Монкады, и охрана там, несомненно, будет жесткой. Опера была более перспективна, учитывая количество людей, приходящих и уходящих в любое время ночи и дня. Всегда оставалась сама церковь...

Проблема, как знал Анвар, заключалась в том, что даже их самые современные знания ограничивались внешними данными. Легкий и тайный доступ не обязательно сочетался со слабой охраной, как только убийца попадал в логово Монкады. Напротив, если бы кардинал стоил своих денег — а он не смог бы так долго продержаться в Шабаше, если бы это было не так, — самые доступные входы обладали бы и самой непроницаемой внутренней защитой.

Все эти факторы, которые Анвар начал прочесывать, были подчеркнуты приятной неожиданностью, когда Фатима открыла ему цель. Она доверилась ему. Это была деталь, которую ему еще не обязательно было знать для выполнения своих обязанностей. Очевидно, она считала, что он может что-то подсказать — что он достоин обладать этим важным знанием. Или, подумал он с меньшим самодовольством, она могла предположить, что он уже догадался о личности цели, что и произошло, и она стремилась отточить его ум, устранив капризы домыслов.

В любом случае, Фатима доверилась ему. Она продемонстрировала свое доверие к нему. Анвар изо всех сил старался не надуться, не играть роль благодарного, потрясенного новичка.

— Махмуд хорошо отзывается о тебе, — сказала Фатима.

Анвар резко кивнул в знак признательности и вернул свое внимание к картам, как никогда ранее стремясь помочь этой женщине, которая оказала ему такую честь, и успех которой принесет ему безграничную славу.

Четверг, 30 сентября 1999, 4:42 AM
Кава де Сан Мигель
Мадрид, Испания

Мадрид был старым городом в молодых одеждах. Фатима стояла под Пласа Майор. Она была рядом, но в стороне от оживленного человечества, заполнившего ряд тапас-баров. Смертные пробирались от одного заведения к другому, влекомые соблазнами еды, напитков и музыки. Среди очевидных туристов преобладали молодые европейцы. Пожилые американцы и японцы, все неловкие и ослепляющие вспышками, уже несколько часов назад удалились в безопасные комнаты. Многие коренные мадрильцы также украсили ночь. Они радостно прогуливались по наклонной аллее.

Для Фатимы, однако, рябь праздника не укрывала от посторонних глаз борьбу и смерть. Сами бары, так весело оправданные, говорили об этом прошлом. Витрины магазинов были встроены в подпорную стену расположенной выше площади. Обветренные камни были теми же самыми, что смотрели на улицу столетия назад, когда Кристиан убил мавра, а мавр — Кристиана. Современные атрибуты, как и в новых районах города, скрывали трагедию прошлого. Память человечества была короткой, чтобы совесть не задушила жизнь совсем.

Среди людей были чудовищные и бесчеловечные. Некоторые лучше других поддерживали шараду, притворяясь, что они такие же, как смертные, на которых они охотятся. И хотя они не признавали маскарад бессильной Камарильи, Шабаш следовал схожим принципам — правда, иногда слабо — из крайней необходимости. Каиниты Шабаша могли считать смертных не лучше скота, но факт оставался фактом: смертные, поднятые по тревоге в массовом порядке, уничтожат

нежить. Поэтому даже среди рейверов фактически соблюдался маскарад, несмотря на эксцессы молодых и импульсивных. Как ни странно, в городах Шабаша, где властвовал могущественный старейшина, как в Монкаде в Мадриде, популяцию нежити держали под контролем, а за новорожденными внимательно следили. Расстояние между Камарильей и Шабашом было меньше, чем многие в каждой секте хотели верить. Для Фатимы они были взаимозаменяемы. В конце концов, вся кровь каинитов будет возвращена Хакимом, тем, кого он сделал бессмертным своей собственной рукой.

Фатима была благодарна, что было чем ее занять. Она провела большую часть вечера, проверяя информацию, которую уже подтвердили Махмуд и Анвар. Махмуда она давно знала как надежного человека. Анвар также доказал свою состоятельность. Фатиме не пришлось исправлять ни одно из наблюдений, сделанных двумя убийцами или опытной командой гулей Пилар. Впрочем, Фатима и не ожидала, что ей это понадобится. Ее следование за остальными было излишеством, мерой предосторожности, от которой, будь скорость более важной, она бы отказалась. Она продвигала миссию вперед в таком обдуманном темпе по одной главной причине: Несмотря на собранные ассамитами сведения о том, что препятствует входу в убежище кардинала Монкада, ни она, ни остальные не знали, что именно их ожидает после прохождения внешних защитных рубежей.

У Фатимы было три варианта решения этой проблемы. Первый предполагал использование шпионов. Парменидес был не единственным членом братства, который мог получить такую секретную информацию. Аль-Ашрад одобрил предложение Фатимы, чтобы те, у кого есть связи с Ласомброй или Шабашом, навели справки. Не хотелось, чтобы ее цель была широко известна, но дети Хакима умели находить ответы так, чтобы никто не знал, что вопросы были заданы.

Вторым, и, по мнению Фатимы, более предпочтительным вариантом, были пытки. И снова дети Хакима не чуждались учиться тому, чему должны. Там, где о донесении шпиона приходилось судить из вторых или третьих рук, каинит, почувствовавший первые щепотки утреннего солнца, часто говорил с авторитетом о вопросах, с которыми был хорошо знаком. Трудность заключалась в том, чтобы найти подходящего собеседника, которого не слишком быстро хватились бы. Были каиниты, которые посещали Монкаду в его логове, но их было немного. Кардинал был замкнутым человеком. Он мало рисковал с гостями. И снова ассамиты по всему миру изучали возможности.

Последним вариантом, который был всем, что оставалось Фатиме, если два других не принесли результатов, было слепое проникновение. Хотя ей не нужно было действовать против Монкады этой ночью или, возможно, еще несколько последующих, аль-Ашрад совершенно ясно дал понять, что кардинал должен быть уничтожен в ближайшее время. Это был один из немногих пунктов, по которым амр был абсолютно ясен.

Фатима ждала столько, сколько считала возможным, но если секреты Монкады больше не появятся, она все равно начнет действовать. За эти годы она проникла в крепости магов и чародеев, обошла защиту королей и королев и других государственных лидеров. Она уничтожила каинитских старейшин из всех кланов, принцев и архиепископов в их смертоносных логовах. Но ни один из них не был кардиналом Шабаша. Ни один не был Амбросио Луисом Монкадой. Никто не был отцом Люситы.

Фатима покачала головой. Она занималась своими делами, не думая о Люсите — вообще ни о чем другом, кроме Люситы. Но присутствие Темной Розы поднимало практический вопрос. Скомпрометировала ли Люсита миссию? Фатима встретилась с

Люситой, рассказала ей о готовящемся покушении на ее сира, из эмоциональной потребности — из слабости. Прагматизм не повлиял на решение. Ненавидела ли Люсита своего господина настолько, чтобы помочь ему? Была ли ее преданность ему настолько велика, чтобы предупредить его? Фатима знала о существовании таких возможностей, но игнорировала их. Они казались такими далекими. Как именно она ожидала реакции Люситы, Фатима не знала. Вероятно, как и всегда, Люсита отправится преследовать свои собственные цели, как это делала Ласомбра, и полностью проигнорирует этот вопрос.

Чего Фатима не ожидала, так это того, что Люсита отправится в Мадрид, чтобы навестить своего отца, насколько Фатима знала, впервые за почти столетие. Именно это Люсита и сделала.

Таким образом, Люсита стала последней частью головоломки, последней подсказкой к загадке, которую не смогли раскрыть ни шпионы, ни пытки. Прежде чем совершить покушение, Фатима должна была узнать, предупредила ли Люсита своего сира. Против воли Фатима почувствовала, что мысль о новой встрече манит ее. Это было, прежде всего, то, чего она больше всего хотела, и то, чего она меньше всего хотела.

Пока Фатима сжимала эти чувства в маленький, тугой клубок, поток человечества проносился мимо тапас-баров на другой стороне улицы. Никто из смертных не проходил рядом с ней. Те, кто шел в ее сторону, сворачивали в сторону, чтобы обойти то место, где Фатима прислонилась к зданию в тени. Никто из смертных не замечал ее, и, она была уверена, никто из слабоумных саббатов, которые двигались среди них.

Но Фатима кого-то заметила.

Она заметила движение. Тело, то там, то здесь, среди толпы людей. Пространство, которое мгновение назад было занято,

теперь пустовало. Внимание Фатимы полностью вернулось в настоящее.

Она осмотрела текущую толпу, но не увидела ничего необычного. Затем снова движение, справа от нее. Кто-то пробирался сквозь толпу, не замечая ее, или ей это показалось?

Теперь Фатима мгновенно пришла в движение — она не любила фантазировать.

Она прошла мимо стоящих рядом людей, ни один из которых, казалось, не заметил того, что ей показалось, и никто из них не обратил на нее излишнего внимания. Туристы и посетители баров, казалось, чувствовали, куда приведет Фатиму каждый ее следующий шаг, и, сами того не осознавая, уступали ей дорогу. Не расступались огромными волнами, как Красное море перед Мусой, а шли каждый своей дорогой, как отдельные ручейки по стеклу. Фатима мчалась по освобожденным ими пространствам, вскоре преодолев самую гущу смертных и увеличив темп почти до скорости бега.

Она остановилась на следующем углу. Куда бы она ни посмотрела, смертные прогуливались небольшими группами, ни о чем не заботясь. Не было ни вспышки движения, которая вела бы ее дальше, ни фантома в периферийном зрении. Однако было что-то, что она могла почувствовать, что-то, что она могла почти учуять — возмущение в воздухе, небольшой след кого-то, кто только что прошел этим путем, причем быстро. Но никто не был настолько близок, чтобы создать этот эфемерный след. Никто из смертных.

Фатима повернула налево и пошла дальше по длинному, извилистому кварталу. Она пробиралась среди скоплений людей, которые становились все реже вдали от тапас-баров. Тропинка, обман воздуха, все еще была там. Она тоже пробиралась сквозь смертных, словно они были неподвижными

препятствиями. Если Фатиме удастся не отстать, если она сможет проследить за дыханием проходящих, прежде чем оно рассеется и снова волеется в спокойную мадридскую ночь, тогда она сможет найти того, кто — или что — невольно привлекло ее внимание.

А может быть, и не очень.

Она продолжала двигаться на север по большому проспекту. Названия улиц больше не имели никакого значения. Смертные были не более чем размытыми пятнами. Фатима больше не пряталась от их разума. Они не знали, что проносится мимо, а она была полностью сосредоточена на изменчивых вихрях воздуха, которые длились не более нескольких секунд. Она должна была быть близко. Очень близко.

Необходимая скорость ее продвижения создавала большую опасность. Засада. Что бы она ни преследовала, это могла быть ловушка, но Фатима была уверена, что сможет справиться даже с самой смертоносной из ловушек. И она не могла повернуться спиной к этому существу, к этому присутствию. Оно, конечно, не было смертным и не принадлежало к Шабашу. Оно не было похоже на что-то связанное с кардиналом или его приспешниками-мастерами теней. Даже Люсита не была способна на такое быстрое и незаметное перемещение. Мало кто из братьев Фатимы мог пойти по этому следу. Фатима не могла игнорировать эту угрозу. Не знать, что это такое, было бы слишком большим риском для ее миссии. Поэтому она пошла следом. Ловушка или не ловушка. Кровь Хакима восторгается.

Присутствие — будь то охотник или добыча — вело ее по извилистому маршруту через узкие мощеные переулки. Оно повернуло обратно на юг, по улицам, параллельным тем, которые она только что прошла. Затем он снова свернул и повел ее на запад. С каждым шагом, с каждым поворотом Фатима

чувствовала, что вот-вот догонит ее. Но она всегда оказывалась за его пределами, вне поля зрения, вне пределов досягаемости. Воздух завихрился, как будто за секунду до этого кто-то прошел мимо. Кто-то прошел. И все же никого не было.

А потом тропы больше не было.

Фатима подумала, что на секунду пропустила его, но когда она потянулась к нему всеми своими органами чувств, вихри исчезли. Воздух не был абсолютно неподвижен, но особые заметные колебания испарились.

Фатиме потребовалось несколько секунд, чтобы осознать свое непосредственное окружение, чтобы сосредоточиться на мельчайших раздражителях окружающей среды и вновь осознать здания, улицы, горстку автомобилей. Она стояла на широкой улице Калле де Байлен, прямо напротив садов Сабатини, недалеко от величественного дворца Паласио Реаль.

Она не была уверена, потеряла ли она след или он просто закончился. Она подозревала последнее, но даже если она как-то сбилась с пути, переориентироваться было уже поздно. След существовал в одном месте всего несколько секунд. Она была так близко.

Возможно ли, подумала она, что ее добыча внезапно замаскировалась? Или, возможно, он ускорился и увеличил расстояние между ними? Для одиночного человека воздух оседал бы так же быстро. Возникновение следа зависело скорее от массы, чем от скорости. Если цель намеренно сбива ее с пути — если она могла это сделать все это время, но завела ее так далеко, — это наводило на мысль о ловушке. Но, осмотрев улицу вдоль и поперек, Фатима не увидела, что эта ярко освещенная главная магистраль была хорошим местом для засады.

Несколько машин сновали туда-сюда; ни одна из них не показалась подозрительной. Фатима казалась единственным пешеходом в этом квартале, но она не могла в это поверить. Чем больше она думала об этом, тем больше убеждалась, что ее привели сюда — но кто и зачем?

Не найдя ответа, Фатима целеустремленно перешла улицу и, не сбавляя шага, перемахнула через железную ограду и кусты можжевельника, ограждавшие сад Сабатини. Она приземлилась и приняла оборонительную стойку. В темноте смешение запахов различных цветов, деревьев и кустарников было более отчетливым, чем приглушенные краски. Однако уже через несколько секунд наблюдения наиболее заметными аспектами сада стали периодические движения среди растений и леденящие душу звуки — протяжные вопли младенцев, терзаемых долгой болью.

Кошки. Сады, где обитало около сотни бродячих животных, были полны ими, каждый из которых смертельно ревновал к своей территории, которая, конечно же, пересекалась с территорией нескольких других. Их ночные сражения превратили это место, задуманное как безмятежное убежище, в котел бурлящей, воющей крови и уродств. Там, где Фатима стояла на коленях, она чувствовала запах крови. По запаху она могла отследить эту кошку с лохматым ухом или другую с практически выколотым глазом.

Сады и их особый вид резни не беспокоили Фатиму. Она уже бывала здесь раньше. Она приводила Фида'и в подобные места для тренировок. Выследить и поймать одичавшую кошку было бесконечно сложнее, чем простого смертного, и несколько бродяг никогда не пропадали. Кроме того, даже удачливый охотник, если он не был осторожен, мог получить болезненную рану или укусы, чтобы отточить концентрацию для следующей охоты.

Прислушиваясь к каждому звуку и движению, Фатима осторожно продвигалась вглубь сада. Она не тревожила кошек. Они продолжали свои ночные вылазки, совершенно не замечая ее присутствия. Она не высовывалась, бесшумно продвигаясь вперед по тропинке. Как кошки были слепы к ней, так и Фатима была слепа к тому, что она выслеживала. Никаких следов не было, но Фатима чувствовала всеми своими костями, что он здесь, что он ждет ее. Она выжила достаточно долго, чтобы знать, что нужно доверять своим инстинктам; она выжила так долго, потому что часто доверяла своим инстинктам.

И снова ее интуиция оказалась верной.

Впереди на тропинке лежал один из тощих котов — голова вытянута назад, шея разорвана. Клочок белого и коричневого меха плавал в все еще расширяющейся луже крови под ним и вокруг него. Свежее убийство. Фатима чувствовала запах крови на расстоянии многих ярдов.

Вместо того чтобы продолжить путь, она проскользнула через живую изгородь справа и обогнула несчастную кошку. Если бы Фатиму вели в засаду, мертвое животное стало бы последней приманкой. Кто бы ни преследовал ее, он хотел, чтобы она осмотрела его повнимательнее. Неужели они действительно настолько недооценили ее?

Пока Фатима кружила вокруг, кошачьи звуки отдалялись все дальше и дальше. Те, кто был поблизости, почувствовали, что случилось с их соседом, и разбежались. Инстинкт и страх. Для кошачьих они были одним и тем же, для Фатимы же существовал только первый.

Она была настороже, ожидая любых других признаков беспокойства: что-либо движущееся, согнутые или попираемые растения, следы на богатой почве, треск веток. Запах кошачьей

крови преобладал над всеми другими запахами. Дуга Фатимы превратилась в полукруг. Она стояла на дальней стороне тропинки от того места, откуда начала свой путь, и по-прежнему ничего. Никаких следов того, кто или что привело ее сюда и расправилось с незадачливой бродягой.

Странно. Фатима думала, что следила за одним человеком с площади Пласа-Майор, но если кто-то захочет ее схватить, ему, скорее всего, понадобится преимущество неожиданности и численности. Однако она не могла найти ничьих следов.

Она продолжила обход, медленно пробираясь вдоль противоположной половины широкого круга, возвращаясь к исходной позиции. Никого. Ничего. Она стояла там же, где и несколько минут назад, в ноздрах стоял густой запах крови. Прежде всего, она знала, что должна выяснить, кто несет ответственность за все это. Она должна убедиться, что они не представляют угрозы для ее миссии.

И вот она двинулась вперед по тропинке к кошачьей туше. Осторожно. Так же настороженно, как она шла по следу к этому месту. Кровь Хакима доносила до нее каждый звук; ее глаза следили за легким покачиванием каждого листочка. Запах крови омывал ее, словно галлоны крови выливались к ее ногам.

Она подошла к туше, встала над ней — затем крутанулась на месте, мгновенно выхватив джамбию. На том месте, где она остановилась, стояла ее добыча, превратившаяся в преследователя.

Его руки были расслаблены по бокам; кисти, проворные и смертоносные, были пусты. Как ни странно, на нем была современная одежда, хотя и не подходящая для прохладного вечера: белая рубашка без рукавов, джинсы, босые ноги. Его подбородок, как помнила Фатима, казался слишком узким и острым, чтобы сочетаться с остальным.

его широкое лицо. Его покатый лоб и широкие щеки были измазаны кровью — кошачьей кровью. Красный цвет был невероятно темным на его коже, почерневшей за столько лет от первоначального египетского оттенка.

— Тетмес, — произнесла Фатима его имя. После первоначального шока от встречи с ним она снова была настороже, ожидая любой подвох.

Он кивнул ей, почти благоговейно.

— Это я.

Фатима подошла ближе, настороженно глядя на него. У этого человека перед ней были манеры ее отца. Если это была какая-то маскировка, то в ней не было никаких видимых недостатков. Осанка, выражение лица, тон и интонация голоса — все идеально. И кровь. Под вульгарным запахом кошачьей крови она уже чувствовала ее. Кровь Хакима. Кровь ее отца.

Фатима шагнула к нему, теперь она была уверена в его личности. Это действительно был старец, который так давно ввел ее в братство. Она убрала клинок в ножны и сложила руки вместе.

— Салам.

Тетмес снова кивнул. Его тело было худым и твердым. Его плечи и локти были похожи на сучки старого дерева — дерева, проверенного временем, пережившего наводнение, пожар и засуху. В этих руках, в этом теле была несметная сила.

— Я не знала, что ты вернулся к нам, — сказала Фатима.

— Я никогда не покидал тебя, — сказал Тетмес. Его глаза были черны как ночь.

Фатима не знала, что на это сказать. Он предался оцепенению, погрузившись в оцепеневший сон, как это иногда делают старцы.

— Каждый из братьев всегда с нами. — Фатима произнесла эту мантру, но что-то было не так. Едва заметный намек на улыбку промелькнул на губах ее господина. — Ты говорил не о Священном Писании, — сказала она.

— Нет. — Это было все, что он сказал, пока стоял там, наблюдая за ней.

— И что потом?

— Я не отдавался сну, — сказал Тетмес.

Его голос звенел у нее в ушах, словно какое-то странное эхо вдруг зазвучало в садах. Лишь постепенно слова улеглись, и до нее дошел их смысл. Но даже тогда они вызвали больше вопросов, чем дали ответов.

— Но ты... — Фатима запнулась, подыскивая свои слова, чтобы противопоставить их его словам, которые не имели смысла. — Ты был халифом. Ты ушел с поста.

— Я был. Я ушел. — Опять ответы, которые не отвечали.

— Почему?

— Это было необходимо. — Намек на улыбку исчез. Замешательство Фатимы, очевидно, забавляло его совсем недолго. — Я был занят последние несколько лет. — Выражение его лица несколько ожесточилось, так как Фатима все еще смотрела на него в недоумении. — Ты сомневаешься в своих старших? — спросил он кране сурово.

— Я доверяю им, — сказала Фатима. — Я не всегда понимаю их.

— Всегда ли фидаи понимают тебя?

Фатима кивнула, соглашаясь с его мнением.

— Вы знаете, что вы должны, — сказал Тетмес. — Вы знаете, что вам нужно знать.

Фатима снова кивнула. Эти слова были ей так же знакомы, как и слова саяфа. Сколько раз она упрекала любознательного фида'и за то, что он спрашивает то, что ему не нужно знать? Тем не менее, ей всегда было легче задавать вопросы своему сиру, чем любому другому старейшине, и он всячески поощрял ее независимость. Возможно, он потакал ей. А возможно, учитывая ее достижения, это было ее заслугой. Так же, как амр предоставлял ей некоторую свободу действий, которую он не предоставлял другим, даже старшим по возрасту старейшинам, чем Фатима.

Мысль об аль-Ашраде заставила вспомнить об Илии Ахмеде, который занял место Тетмеса на посту халифа.

— Знает ли Элайджа Ахмед? — прямо спросила она. Эта уловка, которую предпринял Тетмес, была неслыханной. Халиф Аламута просто так не уходил в отставку. Что могло послужить причиной такого поступка? Конечно, нынешний халиф должен был знать, а амр...

— Илии Ахмеда больше нет, — сказал Тетмес.

На мгновение до слуха Фатимы донесся голос ее отца, смешавшийся с отдаленным мяуканьем и воем кошек, пока эти звуки не стали неразличимы — шум, призванный передать смысл, но неразборчивый для нее. Она не могла ответить. То,

что он говорил, слишком сильно противоречило тому, что она знала, тому, во что верила.

— Вы не знали, — сказал Тетмес. Это был не вопрос. И его заявление несло в себе невысказанный вывод: Вы не знали. Вам не нужно было знать.

— Илия Ахмед... уничтожен? — Слова Фатимы слабо прозвучали в ночи.

Она не была бы уверена, что произнесла их вслух, если бы не молчаливый кивок Тетмеса в ответ.

— Как?

— Путь хиджры долог, — сказал Тетмес, — но мы приближаемся к его концу. Могучий Аламут был лишь первым замком из трех на этом пути. Глашатай вернулся к нам, и его рукой второй замок стал нашим.

— Таждид, — сказала Фатима. Возрождение крови, снятие проклятия Тремере. — Но аль-Ашрад...

— Сотни лет трудился, чтобы проклятие было снято, — закончила свою мысль Тетмес. — Да. И каким бы великим колдуном он ни был, он не смог победить мощь колдунов в том, чему дети Хакима подчинились добровольно. Каким бы великим колдуном он ни был, то, что он пытался сделать веками, герольд завершил за несколько часов.

— Ур-Шулги. — Вестник. Для Фатимы это было имя из легенды. Но если второй ребенок Хакима, а не аль-Ашрада, действительно был тем, кто снял проклятие Тремере, к чему это притворство? Почему братство не знало об этом? Фатима не потрудилась задать этот вопрос, ибо она уже слишком хорошо знала ответ: Вы не знали. Вам не нужно было знать.

Но Тетмес говорил ей об этом сейчас. Каковы бы ни были его причины, он говорил ей. Фатима почувствовала, что у нее из-под ног вырвались путы. Она была уже не старшим рафиком, а невеждой-фида'и, и ее государь передавал ей знания. Каждое слово открывало тайны, которые от нее скрывали, и с каждой тайной, которую она узнавала, ей становилось все большее и большее осознавать, как многого она не знает. Даже сейчас.

— Значит, это был... ур-Шулги...?

— Это вернуло Хакиму кровь халифа, — сказал Тетмес.

— Но почему? — Фатима знала Илию Ахмеда почти столько же, сколько и Тетмеса. Она пыталась бороться со своим неверием, опираться на веру, не требующую понимания, но не видела причин. Не было причин, по которым Илия Ахмед должен был погибнуть, не было причин, по которым она, старейшина, должна чувствовать себя такой невежественной. Как она могла служить Хакиму, если от нее так много скрывали?

— Почему? — повторил Тетмес. Он жестом указал на безжизненную кошку позади Фатимы. — Почему это существо было конфисковано?

— Потому что его жизнь служила твоей цели, — сказала Фатима. — Потому что запах его крови скрывал твое присутствие.

Тетмес благодарно кивнул.

— Хорошо сказано. Его жизнь послужила моей цели. Каждая из наших жизней служит целям Хакима — до тех пор, пока он терпит, чтобы мы служили. Настало время, когда верные должны подготовиться, сделать себя достойными...

— Чтобы они выстояли, — сказала Фатима. Это были слова аль-Ашрада, которые он сказал ей.

— Да, — сказал Тетмес. Он шагнул к Фатиме, протянул руку и положил ее на ее плечо, впервые за много лет прикоснувшись к ней. — Чтобы верующие могли претерпеть.

— А Илия Ахмед не был верным? — В вопросе Фатимы прозвучал укор. Никогда прежде она не говорила в таком тоне со своим государем, ни с кем из старших.

Тетмес отдернул руку от ее плеча, но не так, как будто его укололи, а медленно. Это был осторожный жест.

— Вера Илии Ахмеда была... неуместной.

Фатима подавила в себе резкие слова. Она знала, что это неправда — по крайней мере, в том смысле, в каком она считала веру, и в том, в каком она ее определяла. Халиф — уничтоженный халиф, по мнению Тетмеса, — был таким же преданным, как и она. Его существование было посвящено Хакиму.

— Илия Ахмед придавал слишком большое значение учению Мухаммеда, — сказал Тетмес. — Как и Джамал, как и....

Джамал. Фатима не думала, что за одну ночь ее можно потрясти столько раз. Джамал. Хозяин Аламута. Старик с горы. Джамал оказался лишен веры? Джамал уничтожен, а его кровь возвращена Старшему? Невозможно. Так же невозможно, как невозможно, чтобы на Фатиму в священных покоях Аламута напал обезумевший Курд.

Взгляд Фатимы остановился на рте Тетмеса, на движении его губ и языка. Ее разум воспринял его слова и помчался вперед по пути, которым он следовал.

— Как и я, — бросила она ему вызов.

Тетмес смотрел на нее ровно, без всякого выражения. Его руки снова расслабленно висели по бокам.

— Другие, — хотел сказать я. Я уверен, что ты сильна сердцем и непоколебима в своей вере. Последние ночи близки, Фатима. Мухаммаданам больше нет места среди...

— Мы не мухаммадане, — резко сказала Фатима. — Мухаммад — последний пророк. Мы почитаем пророков. Мы не поклоняемся им. Мы поклоняемся Богу.

— Ты пытаешься читать мне нотации, дитя?

— Ты пытаешься оскорбить меня? — Фатима выстрелила в ответ. — Ведешь меня сюда и говоришь мне такую чушь — что больше нет...

— Фатима.

Резкий тон его голоса заставил ее резко остановиться; это и холодный огонь, внезапно появившийся в его темных глазах. Они стояли всего в нескольких футах друг от друга, и поза Фатимы была такой же нарочито непринужденной, как и у ее сына. Впрочем, среди детей Хакима грань между непринужденностью и жестокостью была очень тонкой. Но лицо Тетмеса смягчилось так же внезапно, как и ожесточилось, а голос приобрел более сочувственный оттенок. — Вера твоих отцов — смертный костыль, но ты уже не смертный. Это принятие желаемого за действительное, что Бог находится в своем раю — пора отбросить его. Вестник среди нас. Старейшина нашей крови не за горами.

— Ля иляха илля 'л-Лох, — закрыв глаза, пробормотала Фатима. — Ва мухаммадан расула 'л-Лох.

— Я здесь не для того, чтобы оскорблять вас, — настаивал Тетмес. — Я здесь, чтобы наставлять тебя. Я всегда был здесь, чтобы наставлять вас.

— Однажды ночью я, возможно, больше не буду нуждаться в наставлениях.

— Значит, вы уже знали все, что я вам сегодня рассказал?

Фатима заставила себя не впиться ногтями в ладони, не вздрогнуть. Она не могла упрекнуть своего господина, не могла оспорить его в этом вопросе. Она не знала того, что знал он. Хотя она жила на земле почти тысячелетие, Тетмес существовал вдвое дольше. Он был сильнее в крови.

Как бы в подтверждение сказанного, Тетмес оказался рядом с ней. С расстояния в несколько футов он вдруг оказался перед ее лицом, его сильные пальцы сжимали ее плечи, как дерево, с начала времен цепляющееся за склоны скалистой горы.

Инстинкты Фатимы взяли верх. Она начала бить руками вверх — но не смогла. Его хватка держала ее руки прижатыми к бокам. Шок от его силы выбил ее из боевых инстинктов. Не сильно, но достаточно, чтобы ее сознание взяло верх. Достаточно, чтобы она не набросилась на своего отца, не врезалась лбом в его лицо, не раздробила ему коленные чашечки или таз своим коленом.

Она замерла.

Она замерла, увидев гнев в глазах своего сира — гнев, который почти скрывал его умоляющую боль. Это существо, чья сила и знания намного превосходили ее собственные, чья кровь была так близка к крови Хакима, отчаянно хотело спасти ее. Он сжимал ее до тех пор, пока ее кости не затрещали, пока ее руки

почти не вырвались из своих гнезд. Его лицо было в нескольких дюймах от ее лица. Его плевок попал ей на щеку.

— Как ты думаешь, девочка, у кого-нибудь из остальных был такой шанс? Думаешь, кто-нибудь предупредил их перед тем, как пришли сны?

— Тогда почему? — Фатима выплеснула на него эти слова. Лишь на секунду она попятилась, а затем ярость овладела ею. Она боролась в хватке своего сира, но сдерживалась, чтобы не ударить его.

Тетмес прижал свое лицо к ее лицу, крикнул ей, соприкасаясь лбами и носами:

— Я не хочу, чтобы мой ребенок оказался недостойным! Не позволю!

Затем он оттолкнул ее. Фатима споткнулась, но поймала себя, и они снова стояли в нескольких ярдах друг от друга. Кровь Хакима бурлила в ней. Ее тело было готово к нападению больше, чем она сама. Она поборола порыв, не бросилась на него, не выхватила клинок. Кто знал, что может случиться, если ее господин пожелает насилия? Разве он уже не доказал свое превосходство над ней? Но сила — это еще не бой; сила — это еще не жизнь и смерть.

— Значит, ты здесь, чтобы испытать меня? — спросила она.

Ее вопрос расколол торжественную маску Тетмеса, и он рассмеялся сухим, беззлобным смехом.

— Мне не нужно тебя проверять. — Он на мгновение задумался над этой мыслью, а затем откровенно рассмеялся. — Ха! Если бы я только осмелился испытать тебя... но я окажусь

слишком снисходительным. Задача не моя. Я не вестник, чтобы навевать тебе сны, заглядывать в твое сердце.

Сны.

Но должны ли дороги расходиться?

Это вопрос, на который можно ответить во сне.

Путь Аллаха. Путь крови. Тетмес открыто говорила о том, на что амр лишь намекнул. Аль-Ашрад задавал ей вопросы. Тетмес передал ей ответы, хотя она не хотела в них верить.

Наступившая в садах тишина сразу же поразила Фатиму, хотя, несомненно, она началась после вспышки Тетмеса. Голодные, одичавшие кошки почувствовали, что смерть — и те, кто ее принес, — близки. Они замолчали, а возможно, обратились в бегство. Все, кроме той, чья жизнь служила ее государю.

— Мы должны идти, — сказал Тетмес, также понимая, что крики могут привлечь внимание.

— Почему? — прошептала Фатима, и ее сир не ошибся в ее вопросе. Они оба знали, что любые смертные или каиниты, которые попадутся им на глаза, не будут представлять достаточной угрозы для одного из убийц, а тем более для обоих. Но ей и ее сиру, возможно, придется уничтожить кого-то, кого не хватятся, скорее раньше, чем позже. Они не могли подвергать опасности ее миссию. А миссия, разумеется, была превыше всего.

Но Фатима спрашивала не о том, почему они должны уехать. Ее вопрос касался дорог, которые в конце концов должны разойтись, и Тетмес знал это. Он знал свое дитя.

— Почему, — сказал он, — вода и ветер срывают самую крепкую гору? Почему солнце сжигает плоть с наших костей? Потому что это так. Будешь ли ты с утра ругаться на солнце или спрячешься подальше и выживешь? Откажешь ли ты Старшему в том, что принадлежит ему по праву?

— Неужели он откажет Аллаху в том, что принадлежит ему по праву? — спросила Фатима. спросила Фатима.

— Мое дело — не судить.

— Ты уже судил.

Тетмес яростно качал головой взад и вперед. — Дерзкое дитя! Чего ты добьешься, бросив вызов старейшине? Что, кроме верной смерти? Он как бог среди нас!—

— Так же, как мы — боги среди смертных, — сказала Фатима. — И хотя он Старший по крови, и хотя он бог среди нас, он не Аллах. Он не Бог.

Тетмес вскинул руки. Он сделал несколько шагов взад и вперед, затем остановился. Фатима никогда прежде не видела в нем таких проявлений гнева и возбуждения, как сегодня. Сейчас он казался сосредоточенным на чем-то другом. Он прислушивался к звукам вдалеке. Если он что-то и слышал, то Фатима этого не слышала.

— Идем. Мы должны идти, — повторил он.

— Да. Но ответь мне вот на что.

Он остановился через несколько шагов.

— Что, чайлд?

— Сны... они приходили к тебе?

— Да.

— Расскажи мне о них. О вестнике.

Тетмес медленно покачал головой.

— То, чем они были для меня, для тебя, боюсь, мало что значит. Они — призвание, несомненный призыв. Я отправился на землю наших предков и встретился с вестником. Он мрачен и ужасен — ярость ваших небес и огонь вашего ада. Черный и непроницаемый, как самая темная ночь.

Тетмес держал руки раскрытыми перед собой и пристально смотрел на свои ладони, словно держал в них нечто, что он был бессилен изложить и не в силах постичь. Потом стеклянность его глаз рассеялась, и сознание вернулось из того далекого места.

— Они придут, когда придут, — сказал он. — Многие из старейшин были призваны — некоторые оказались достойными, другие... — Тетмес пожал плечами, но Фатима увидела печаль в его черных глазах, страх, который побудил его предупредить ее. — Некоторые из фидай даже слышали призыв, но я не знаю ни одного, кто... Сны овладевают их молодой кровью, разрушают их разум. Фидай не предназначены для таких испытаний. Они не готовы. Великий огонь не предназначен для них, но его жар касается их.

— Они сходят с ума? — спросила Фатима, вспомнив курда, безумие его глаз, невозможные подвиги.

его молодого, изуродованного тела.

— Да, — сказал Тетмес, поняв ее мысли. — Ты наткнулась на одного. — Он снова протянул руку, на этот раз медленно, взял ее правую ладонь и проследил шрам от джин-джина вдоль

предплечья. — Твоя Фида'и показалась мне более своенравной, чем остальные, так я слышал. Амр считает, что вестник послал тому безумие — безумие и хитрость — как предупреждение. Предупреждение тебе.

— Предупреждение.

— Так считает аль-Ашрад. И кто я такой, чтобы сомневаться в амре в таких вопросах?

— Он не хотел говорить об этом со мной.

— Он не счел это уместным. Его кровь — кровь герольда, но ты — моей крови. Теперь иди.

Тетмес повел ее из сада, и Фатима последовала за ним, ни волей, ни неволей. Она оцепенела. И это был ее отец. Много из того, что он сказал, совпадало с тем, что предположил амр, и с тем, что амр сказал не совсем точно.

Ур-Шулги, вестник Хакима. Последние ночи, когда восстанет Хаким, и перед ним и его потомком падут все геты Кхайина, их кровь будет возвращена достойным.

Достойные. Фатима всегда причисляла себя к ним, считала, что доказала свою состоятельность. Но причислял ли себя к достойным Илия Ахмед? А Джама, Старик с горы, тот, кто возвысился над всеми остальными детьми Хакима?

Стал бы Старший заставлять ее отказаться от Пути Аллаха и следовать исключительно Пути Крови? Неужели он потребует этого? При этой мысли у Фатимы подкосились ноги. Она боялась, что споткнется, когда шла за Тетмесом прочь от Жардин Сабатини, прочь от центра старого города. Он вел ее от остатков старого города к разросшейся вульгарности нового. Современные здания, высотки, бензоколонки, иконы Запада,

которые окружали старый город, как струп, которые вгрызались в самое сердце Мадрида, как раковая опухоль.

Фатима почти не чувствовала, как ноги несут ее вперед. Она подумала, что, возможно, ей отрезали ноги, что ее душу собрали, что она наконец-то пожинает смерть, которую так долго сеяла.

Это принятие желаемого за действительное, что Бог находится в Своем раю — пора отложить его в сторону. Вестник среди нас. Старейшина нашей крови не за горами.

Слова ее отца звучали в ее ушах. Тетмес всегда преданно учил ее. Он никогда не сбивал ее с пути. Даже сейчас, предупреждая ее, он делал то, на что не осмеливался аль-Ашрад.

Фатима не пренебрегла предостережением своего отца. Она не недооценивала риск, на который он пошел ради нее. И все же, когда она задумалась о том, к чему он призывал, мир перестал иметь смысл. Бетон, штукатурка, асфальт окружали ее. Если бы она хоть на мгновение отбросила свою веру, подумав, что она могла совершить столь низкий поступок — тогда светское и вульгарное было всем, что осталось. Исчезло все, что связывало ее с ее началом, с миром сегодняшнего дня. Жизнь уже была слабым воспоминанием, что-то далекое, что она видела, но не чувствовала. Ночь и тьма не были одним и тем же. Она отдалась существованию в ночи; но удали память о дне, и осталась только тьма.

Как мог даже Старейшина ожидать от нее такого? Если она оставила свою веру, значит, это была не вера, и каждый день и каждая ночь, когда ее ноги касались Божьей земли, были лишь ложью. Если она разрушила фундамент своей души, сможет ли она долго стоять на самых высоких крепостных стенах?

Нет. Наконец-то она поняла, что больше нет никакого замешательства, есть только ужасный выбор. Но не было облегчения, когда путаница расступилась перед ней. Только отчаяние. Ибо если Старший требовал того, чего она не могла дать, то она должна была отказаться. И тогда может быть только разрушение.

— Меня привело к вам другое дело, — сказал Тетмес.

Звук его голоса заставил Фатиму вздрогнуть. Ей показалось, что прошло много лет с тех пор, как она слышала голос своего отца или кого-либо другого. Она почти удивилась, увидев его, идущего рядом с ней по этому странному, бездушному городу. Ее сир, который ушел из клана, который поддался сну, зовущему старейшин, но не ушел; ее сир, который знал о гибели Илии Ахмеда и Джамалая; ее сир, который тайно советовался с аль-Ашрадом и ур-Шулги, глашатаем Хакима.

— Мы здесь, — сказал Тетмес.

Они стояли перед приземистым, грязным зданием. Мотель, пристанище безнравственных женщин и наркоторговцев. С годами пороки оставались прежними. Менялось только окружение. То же самое дерьмо, другой век, сказала однажды Люсита. Фатима едва узнала эту часть города; они находились к северу от центра Мадрида и немного западнее реки.

— Сюда. — Тетмес и Фатима прошли мимо вестибюля. Служащий поднял на них глаза, посмотрел прямо на них, но, казалось, его это не волновало. — Наш человек, — сказал Тетмес. Они прошли мимо маленького пустого бассейна с травой, пробивающейся сквозь трещины в дне, и обогнули здание с тыльной стороны. Тесная, разваливающаяся парковка была окружена забором из цепей, который отделял территорию от хорошо наезженной дороги на другой стороне.

Тетмес постучал в дверь без номера. Дверь открылась, и он за руку провел Фатиму внутрь. Как только за ними закрылась дверь, снаружи слышался шум транспорта, как будто дорога и автомобили внезапно перестали существовать. Звукоизоляция. Действительно, мудро, учитывая низкий стон, доносившийся от прикованного к кровати каинита. Двое мужчин в черных капюшонах стояли над ним, а в комнате, хоть она и была чистой и без одежды, за исключением кровати, пахло кровью — приторной сладостью смертной крови, но очень слабой, водянистой.

Две пары глаз смотрели на Фатиму из-за капюшонов, но мучители, казалось, не были встревожены ее присутствием. Они были одеты в черное с головы до ног, в буквальном смысле. Каинит на кровати был слишком далеко, чтобы заметить чье-либо появление. Его запястья и лодыжки, покрытые сыростью, были скованы крепкими кандалами. Его кожа обвисла, как изношенные драпировки на лишенной крови туше. Волосы клочьями лежали на матрасе. Его глазницы казались слишком большими для частично сморщенных глаз. Десны оттянулись назад, обнажив кость, а зубы висели на месте лишь неплотно. Полотенце, перекинутое через середину тела, сохраняло для него хоть какой-то остаток достоинства.

— Вы ищете сведения о Монкаде и его логове, — сказал Тетмес.

Одна из фигур в капюшоне достала блокнот и протянула его Фатиме. Она встретила его взгляд, и в его глазах было что-то знакомое, что-то, что она могла бы узнать с давних пор — но не могла определить, что именно. Однако, взглянув на блокнот, она была полностью поглощена тем, что нашла там, а не глазами под капюшоном. Ее внутреннее смятение, хотя и далекое от разрешения, уступило место укоренившейся преданности заданию. Страницы блокнота были испещрены каракулями и мелкими рисунками — картами и диаграммами.

Прибежище Монкада. Ловушки, оборона.

Фатима пролиستала страницы. Входы в церковь и оперу усиленно охранялись гулями и легионерами кардинала. В туннелях также были ловушки — огромные каменные плиты, которые падали через определенные промежутки времени и заманивали нарушителя в ловушку, чтобы с ним можно было легко расправиться, когда Монкада будет готов. Фатима увидела один вход, который не был обследован командами Махмуда, Анвара и Пилар.

Карты переходили с одного листа бумаги на другой. Туннели, казалось, беспричинно блуждали. Некоторые участки были более подробными, чем другие. Не все участки были связаны между собой. Плохая память? Виной тому, конечно, не недостаток усердия дознавателей. Фатима подозревала, что они были одной крови; она чувствовала это в них, хотя и не могла определить их, а дети Хакима гордились тем, что собирались довольно часто. В братстве не должно быть никого из тех, кто был бы ей незнаком. И все же она не знала их. Она не могла найти знакомые глаза. Странность их безымянности грызла ее.

Фатима взглянула на каинита, лежащего на кровати. Информация на этих страницах была замечательной — если, конечно, она была точной. Черты лица каинита были искажены из-за недостатка крови. Его откачали, а потом кормили только тем, что заставляли его говорить. Сколько ночей это продолжалось, Фатима могла только догадываться. И все же, как и тот ассамит под капюшоном, жертва была ей смутно знакома. Она представила себе его более полное лицо и тело — и вдруг поняла.

— Черная рука уже давно рассматривала возможность действий против Ибрагима, — сказал Тетмес.

Дон Ибрагим. Архиепископ Шабаша, но в жизни мусульманский священнослужитель, давний соперник и соратник христианского священника Монкады. Фатима заметила небольшое остаточное сходство с фотографиями, которые она изучала до операции. Ей было интересно, служил ли он по-прежнему преданно Аллаху — позволяли ли ему это его хозяева? — или он был полностью испорчен кровью Хайина. На мгновение ей представилось, что при других обстоятельствах она могла бы спросить его об этом. Но она знала, что это не так. Хотя Ибрагим якобы был последователем Пророка, он был кафиром. Он был врагом и должен был быть уничтожен.

Однако удивление Фатимы, узнавшей Ибрагима, было меньше, чем то, что сказал Тетмес: Черная рука рассматривала...

Черная рука. Фатима посмотрела на двух братьев в капюшонах, двух детей Хакима, которых она должна была знать, но не знала. Черная Рука. Элитные убийцы среди Шабашов. Они подчинялись регенту, титулярному лидеру секты. Многие из них, по слухам, были ассамитскими антитрибу — дети Хакима, ставшие изгоями, не по предательским причинам, как антитрибу из других кланов, потому что, наперекор старейшинам, они отказались подчиниться проклятию мерзкого Тремера. Хотя среди них тоже были старейшины. Фатима видела, как они уходили. Она была готова пойти с ними, но государь посоветовал ей другое: Если все лучшие откажутся от указа, то мунафикун выследит нас. Фатима послушалась его. Это были ночи слабости, самое темное время для клана.

Она повернулась к Тетмесу. Если у него есть связи среди Черной Руки...

— Я не из manus nigrum, — сказал Тетмес, как всегда опережая Фатиму на два шага. — Но среди них есть те, кто разделяет наши симпатии.

Мысли Фатимы неслись вскачь. Она, как и все братья, оставшиеся послушными клану, никогда не испытывала вражды к тем, кто выбрал путь неповиновения. Совсем наоборот. Хотя она пыталась обеспечить выживание клана и следовала букве указа, антитрибу вызывали у нее неодобрительное уважение и восхищение. Никто не мог представить, чтобы Хаким подчинил себя другому — даже Богу, как теперь казалось. Но обнаружить, что между высшими эшелонами детей Хакима — теми, что в клане, и теми, что в Черной руке, — существует не просто терпимость, а сотрудничество, было просто удивительно.

— За то время, что ты отсутствовал...? — начала она расспрашивать своего сира.

— Не проводим время в оцепенении, а готовим то, что должно прийти, — сказал он. — Мы достигли Аламута и Таджа. Третий замок из трех на пути хиджры — это Умма.

Умма. Община. Чтобы братство вновь стало единым и неразделенным.

— Звери Шабаша не могут стоять перед нами, — сказал Тетмес. — Многие из их братьев видят это, а со временем увидят и все. — Его глаза сузились. Хотя его тон был суров для чужих ушей, в его глазах снова появилась умоляющая боль, чтобы его дитя оказалось достойным. — И не все пророки Аллаха удержат нас от Последних Ночей и воли Хакима.

Фатима не обратила внимания на подколку Тетмеса, чтобы снова не встревожиться и не потерять концентрацию на

задании. Ее беспокоило не оскорбление ее веры, а явная забота о ее благополучии — явная для нее, скрытая от остальных.

Вместо этого она сосредоточилась на откровениях этой комнаты. Значит, не вся Черная Рука была в союзе с силами Аламута. Фатима почувствовала некоторое облегчение: хотя она и была поражена, узнав об обмане Тетмеса в последние годы, а также о его истинной деятельности в качестве связного со сторонниками Черной Руки, ее гордость была уязвлена тем, что этот секрет от нее скрывали. То, что это был небольшой секрет — а не то, что вся Черная Рука была марионеткой Аламута, — делало его, по крайней мере, более терпимым.

Вы не знали. Тебе не нужно было знать.

Тем не менее, Фатима была одной из самых старших и уважаемых среди детей Хакима. Сколько еще великих тайн было скрыто от нее? В какой момент она может рассчитывать узнать, нужно ли ей это знать?

Два дознавателя в капюшонах, не заинтересовавшись разговором Тетмеса и Фатимы, вернулись к своему занятию. Тот, которого Фатима не узнала — возможно, он был Воплощенным с момента разделения клана, — ненадолго отлучился в ванную. Фатима слышала, как он зачерпывал жидкость из ванны. Он вернулся со стаканом крови, более светлого цвета и менее вязкой, чем следовало. Воды было меньше. Но запах был безошибочным. Смертная кровь.

Дон Ибрагим тоже уловил запах. Его ноздри разгорелись, и он быстро очнулся от оцепенения. Он попытался заговорить, но его челюсть отвисла, а язык был сморщен и бесполезен — разве что вилял в воздухе, ища то, чего он так отчаянно жаждал.

Фатима вернула блокнот знакомому ассамиту, пока его напарник капал ослабленной кровью на лицо Ибрагима.

Пойманный ласомбра широко раскрыл рот, вкладывая все силы в метания мордой из стороны в сторону, чтобы захватить как можно больше поддерживающей жидкости. Удовлетворенные тем, что он хотя бы на время пришел в себя, мучители Ибрагима влили ему в рот еще содержимое стакана. Ибрагим дергался на цепи. Он хрипел, требуя еще, как ребенок-идиот, но больше ничего не было. То, что ему дали, булькало у него в горле, когда он пытался проглотить его, лежа на спине.

Только это небольшое количество разбавленной крови вернуло Ибрагиму подобие осознания. Когда он слизывал крошечные брызги на голом матрасе, его сморщенный язык приобрел более естественный вид. Его глаза немного расширились в глазницах, хотя взгляд оставался явно расфокусированным. Он останется слепым, если только ему не дадут больше крови и он не сможет исцелиться более удовлетворительно. Фатима сомневалась, что это произойдет. Черная рука не стала бы действовать против союзника кардинала Монкады, а потом мучиться, что этот человек выжил. Нет, бедняга Ибрагим, скорее всего, издох, или, если повезет, они могли бы спрятать его скрюченное на колу тело и сохранить его для каких-то будущих нужд.

— Черный портал, — сказал Ибрагиму первый ассамит. — Что за ним?

— Есть последняя область, о которой, как мы убеждены, он знает больше, — объяснил Тетмесу и Фатиме партнер со стаканом.

— Портал, — повторил первый. — The portcullis. Что на другой стороне? — Он подал сигнал своему напарнику, который капнул еще несколько капель крови на лицо Ибрагима.

Ибрагим начал хрипеть, пытаясь языком добраться до крови. Он судорожно облизывал свои губы, которые были не более чем тонкой, вытянутой шелухой кожи.

— Портал...

— Никогда не был за пределами...— прошелестел Ибрагим.

— Э... э... э... э...

Фатима видела и более великих людей, чем этот, смиренных пытками. Она не испытывала ни жалости, ни радости по поводу печальной необходимости, по поводу кончины этого гордого, старосветского Ласомбры.

— Но вы знаете, что находится за гранью. — Первый ассамит, главный эксперт, окунул палец в стакан, затем провел рукой над лицом Ибрагима. С его пальца маняще свисала одна капля крови. Ибрагим напрягся, но не смог удержать голову более нескольких секунд. Он издавал звуки, которые могли быть рычанием или отчаянным рыданием. — Ты знаешь.

— Никогда не был... за пределами.

— Вы знаете! — Эксперт опустил палец, затем поднял его обратно, когда Ибрагим сделал выпад, но не приблизился. Единственная капля крови дрожала, казалось, что она пульсирует в такт биению какого-то тайного сердца.

— Портал запечатан... всегда запечатан, — тихо плакал Ибрагим. Его глаза закатились, но веки сморщились, превратившись в ничто, так что обвисшие веки уперлись в костяной гребень бровей.

— Вы подошли к воротам изнутри, — сказал экзаменатор спокойным, успокаивающим тоном. — Вы не смогли пройти

через них. Я понимаю. Что было за воротами? Что было по ту сторону?

Из исхудавшего тела Ибрагима вырвался жалобный скулеж. Его моргающие глаза метались по сторонам, но он ничего не видел.

— Туннель..., — сказал он. — Темный туннель.

— Туннель, — уговаривал экзаменатор.

— Два, — слабо сказал Ибрагим.

Эксперт вытер каплю крови со своего пальца на лице Ибрагима, быстро отдернув руку. Мгновенно тело Ибрагима сильно искривилось. Фатима подумала, что он может сломать себе шею, пытаясь достать единственную каплю крови. Его горло сдавило гортанное дыхание. Наконец его язык нашел предмет своего желания, но восторг быстро сменился отчаянием, как только капля крови исчезла.

— Два туннеля, — сказал эксперт. — Куда они ведут? — Его напарник тащил большую коробку из ванной. Содержимое коробки лязгало одно о другое. Фатима видела шипы, винты с накатанной головкой, плавящиеся ножи..... Эксперт отмахнулся от своего напарника. Второй ассамит был явно моложе, менее опытен и слишком нетерпелив. Для каинита в состоянии Ибрагима физические пытки были бы пустяком по сравнению с голодом, запахом отвергнутой крови, безумной близостью пропитания.

— Куда они ведут?

— Никогда не был...

— Где!

Ибрагим не мог продолжать в течение нескольких минут. Его тело сотрясали рыдания. В конце концов, эксперт дал ему еще одну каплю крови, и когда Ибрагим лежал, задыхаясь, снова спросил:

— Куда они ведут?

Ибрагим испустил глубокий вздох, как смертный, делающий последний вдох и выдох.

— Выход... один ведет наружу. Не знаю куда.

Экзаменатор, хорошо усвоивший, когда Ибрагим утаивал или не утаивал информацию, похоже, был удовлетворен этим. Он проследил, чтобы его помощник сделал соответствующие записи.

— А второй туннель? Куда ведет второй туннель?

— Левиафан, — прошептал Ибрагим. — Левиафан... тьма...

Бормотание Ибрагима быстро потеряло всякую связность. Его разум ушел от своих мучителей туда, где они не могли его коснуться, — в оцепенение или в безумие. Эксперт дал ему еще несколько капель крови, и хотя Ибрагим жадно глотал их, он не реагировал ни на вопросы, ни даже на тонкий шип в запястье.

— Время вернет его к нам, — сказал эксперт. — Завтра вечером.

Вскоре после этого Фатима и Тетмес покинули комнату пыток, Фатима — с записями, которые были сделаны до сих пор. Некоторое время они молча шли по современным районам города, по тому, что могло бы быть подбрюшьем любого современного города.

— Я понимаю, что такое капюшоны, — сказала в конце концов Фатима. — Я собираюсь проникнуть в логово одного из самых могущественных представителей Шабаша, и если я потерплю неудачу, то не смогу выдать их специально. Но зачем вообще сообщать мне о них? Теперь, если я потерплю неудачу, регент может узнать, что ее верные ударные войска одновременно и больше, и меньше, чем она думала. Вы могли бы принести эти записи мне. Я бы поверил вам, не зная источника.

— Вы не можете нас выдать, — сказал Тетмес. — Если регент узнает, что некоторые из Черной Руки служат двум хозяевам, это лишь подтвердит ее подозрения. Если же она будет преследовать Десницу, то привлечет к нам еще большее их число.

— Значит, вам выгодно, чтобы я преуспел или потерпел неудачу.

— Нам это выгодно, — поправил ее Тетмес. — Да, независимо от того, преуспеете вы или потерпите неудачу. Недоверие среди кафиров служит нашим целям. Независимо от этого, дона Ибрагима скоро будет не хватать. На него будут показывать пальцем.

Все это так хорошо сочеталось. Если бы Фатиме удалось уничтожить Монкаду, большая часть Шабаша была бы ввергнута в хаос — более сильный, чем обычно. Если бы она потерпела неудачу, была схвачена и подвергнута пыткам, они могли бы узнать о двуличии Черной Руки, и наступил бы хаос иного рода. В худшем случае, если Фатима потерпит неудачу и будет уничтожена, избежав пыток, исчезновение Ибрагима, по мнению Тетмеса, приведет к Руке.

— Есть и другая причина, — сказал Тетмес. — Другая причина в том, что ты видела то, что видела, что я рассказал

тебе то, что рассказал. — Он остановился на улице и взял Фатиму за руку. — Мы рискуем навлечь на себя гнев Ур-Шулги.

— Тогда почему? — Фатима не чувствовала, что ей оказали какую-то услугу. Она и не ожидала этого. Она долгое время служила без вопросов, но теперь ее верность была поставлена под сомнение — и она должна быть благодарна?

— Потому что мы считаем, что ваше уничтожение будет большой потерей для клана, — сказал Тетмес. — Фида'и,

даже рафики, среди которых твои деяния — легенда. Чтобы ты потерпел неудачу таким образом...

— Ты хочешь сказать, что это будет позором для тебя, если твой ребенок окажется недостойным, — прорычала она.

— Я не одинок в этом, — сказал Тетмес, сдерживая волнение. — Аль-Ашрад разделяет мои чувства. Есть и другие. Возможно, Монкада избавит их от этой проблемы.

— Монкада — ничто по сравнению с герольдом! — Тетмес чуть было снова не сжал ее руку в своей хватке, но позволил ей отстраниться. — Ур-Шулги узнает твое сердце. Погибнуть, служа клану, почетно, но быть сраженным герольдом...

— Я не предавал ни Аллаха, ни Хакима!.

— Геральд не увидит этого.

— Значит, глашатай ошибся!

Тетмес сделал шаг назад. Долгое мгновение он смотрел на Фатиму, и в его глазах отразилось замешательство, которое она испытывала раньше. Но затем все волнение покинуло его. Он

стоял спокойно, с пустым лицом. Он повернулся и продолжил идти. Фатима присоединилась к нему.

— Вы знаете, что Люсита в городе, — сказал Тетмес, как будто разговор до этого момента не имел места.

— Да.

— Она может знать больше, чем Ибрагим. Она также есть в списке — Черной руки.

— Я узнаю, что она знает, — сказала Фатима. Больше ничего. Она хотела накричать на своего отца, сказать ему, чтобы он держал своих мясников подальше от Люситы. Но Фатима была таким же мясником, как и убийцей.

— Как скажете, — сказал Тетмес. — Я сообщу тебе все, что мы еще узнаем от Ибрагима. Когда все закончится, я вернусь в Аламут и снова стану халифом. Докажи свою правоту.

С этим отец Фатимы исчез — так полностью, как будто никогда не возвращался, как будто он действительно был в оцепенении, исчезнув на долгие годы. Но он не поддался сну. Он еще служил Старшему, хотя и тайно, недолго. Затем он должен был присоединиться к аль-Ашраду в Аламуте.

Докажите свою правоту.

Все, что они сделали, все мучения, были направлены на то, чтобы она могла доказать свою правоту, как ей казалось, на протяжении сотен лет.

Докажите свою правоту.

Фатима только мечтала об этом.

Четверг, 30 сентября 1999, 3:22 AM
Калле Луис Гарсия
Мадрид, Испания

Четыреста пятьдесят восемь, четыреста пятьдесят девять, четыреста шестьдесят...

Люсита обрела некое ритмичное забвение, отдавшись роскошному ощущению щетки, проведенной по ее волосам. А Консуэле нечем было заняться. Что может быть полезнее, чем убаживать дочь своего хозяина?

Чайлд. Не дочь.

Из полного покоя в ярость Люсита превратилась всего за секунду, выхватила у гулицы кисть и начала колотить ее серебряной спинкой. Консуэла слетела с кровати и забилась в клубок на полу. Поднятая рука Люситы замерла. В вилле было совершенно тихо, если не считать хныканья Консуэлы.

Люсита уронила кисть на кровать, оставив на белом покрывале небольшое кровавое пятно. Как досадно, что спокойствие может быть украдено у нее так легко, и не менее легко — промахом ее собственных мыслей.

Консуэла не смела поднять взгляд с того места, где лежала на полу. Женщине, дочери Кристобаля, на вид было лет сорок-пятьдесят, хотя она служила Монкаде уже несколько веков.

— Уходи!— сказала ей Люсита. — Ты меня тошнишь.

Консуэла на руках и коленях подбежала к двери и выползла из комнаты. Люсита сделала несколько шагов, затем вздохнула и опустилась на большое кресло в углу. Изысканная ткань

тревожила ее. Она была из другого мира, нежели кожаные штаны и обтягивающий свитер без рукавов, которые ей купила Консуэла. Люсита глубоко вонзила ногти в ткань и оставила длинные царапины на подлокотниках кресла. От этого ей стало немного легче. Но только немного.

Вилла была слишком роскошной. Люсита привыкла к ночевкам в бегах, к ночевкам в ванной, где щели вокруг двери были заклеены скотчем и полотенцами. Не то чтобы она не баловала себя отдыхом на прекрасных курортах и в гостиницах, когда работа была завершена, но это была роскошь, вызванная потом ее чела, а не щедростью ее толстого сира.

Сир. Не отец. Неважно, что имел в виду этот раздутый ублюдок.

Люсита потянулась за сапогами, позволила себе некоторую жестокость, натягивая их, представляя, что с каждым шагом она разбивает лицо какого-то кардинала. Она продолжала потакать себе, когда вышла из комнаты и сорвала дверь с петель. Она прислушалась, не раздастся ли плач из комнаты Консуэлы, но гуль благоразумно молчал. Как бы это раздражало Монкаду, подумала Люсита, если бы она забила до смерти одного из его любимых старших гулей.

Люсита топала по лестнице, восставая против тишины самой виллы. Она распахнула входную дверь и целеустремленно пошла по выложенному плиткой двору. У входных ворот она остановилась. Она уставилась на засов и представила, как ее рука отпирает его. В своем воображении она увидела себя бегущей в ночь, бегущей в бешенстве из города, из страны. И единственное, что было более мучительным, чем мысль о бегстве, — это осознание того, что она не может заставить себя

Она знала с мертвой уверенностью, что если поднимет засов, если покинет этот двор, то вернется к своему сиру. Она вцепилась в железные прутья ворот. Вилла была одновременно и ее крепостью, и ее тюрьмой. Она сказала своему сиру, что останется в городе. Он хотел, чтобы она часто приходила к нему. Но она не могла ему противиться. Она могла прятаться в этом доме, носить свою кожу, отвергать его подарки, издеваться над его гулем... но она не могла покинуть город. Зов крови был слишком силен. Она не могла сломить его.

Проклятая кровь. Кровь проклятых. Если бы только она могла принять ее дары на своих условиях. Она могла бы отвернуться от солнца, отказаться от зеркала и с наслаждением расчесать волосы. Но кровь приковала ее к своему сыну. Она не могла избавиться от него. Не совсем.

Но и она не сдавалась.

Она отвернулась от ворот — признака своей слабости — и начала возвращаться к дому, но снова остановилась. Она чувствовала их взгляды. Она знала, что они наблюдают за ней. Слуги ее господина, несомненно, следящие за ней.

Как она может шокировать их? задавалась она вопросом. Какие сочные сообщения она могла бы позволить им передать своему извращенному, но смехотворно ханжескому сиру? Она могла бы взять молодого человека из города, взять его в любовники прямо здесь, во дворе, потом попировать над ним и оставить его бескровный труп на улице.

Монкада разберется с беспорядком. Тело исчезнет. Местная полиция не будет обращать внимания. Все бы шло своим чередом. Но ее отец будет знать. Он будет знать, как сильно она его ненавидит, как сильно желает, чтобы на улице лежала его гниющая туша.

Люсита фантазировала об уничтожении своего отца, и при этом ее мысли обратились к знакомому человеку. Они наткнулись на другого человека, который изгнал разум из головы Люситы, словно кровавый бич.

Я хотел тебя увидеть.

Почему? Ты собирался убить меня... снова?

Не ты. Пока. Твой сир.

Чертова сука. Как будто Люсита собиралась позволить кому-то другому сделать это с ним. Но Фатима была не из тех, кто блефует. Черт, да она вообще почти никогда не говорила. Она не бросалась словами без причины. Рано или поздно ассамит — опытный убийца еще в те времена, когда Люсита играла в придворного дипломата, — должен был явиться за кардиналом. Сначала Люсита должна была найти в себе силы сделать это сама. Она уничтожит Монкаду. Вот и все.

Но не сегодня. Но скоро.

Люсита снова развернулась к воротам и стала искать в темноте своего скрытого наблюдателя. На сегодня пусть смотрят.

Суббота, 2 октября 1999 г., 2:30 утра
Президентский отель
Вашингтон, округ Колумбия.

Парменид достал три своих клинка и вложил их в потайные ножны. Он все чаще стал оттачивать свои навыки за счет декора отеля, и теперь, когда он сделал шаг назад и осмотрел его, пентхаус на шестом этаже показал признаки износа. Лампы пострадали раньше, о чем свидетельствовали керамические осколки всех размеров, убранные в разные углы. Несколько светильников, расположенных в стороне, все еще освещали часть комнат. Мебель — исколотая, изрезанная и в одном случае подожженная — видела лучшие ночи. Большинство картин, украшавших стены, лежали вдоль плинтусов среди груды стекла и осколков того, что было рамами.

Именно звук поднимающегося лифта вывел его из состояния тренировки и заставил осмотреть комнаты так, как их мог бы увидеть кто-то другой. Парменид был практически один в течение последней недели — не так уж долго для бессмертного — с той ночи, когда он разговаривал с Курьером и Фатимой. Викос не возвращалась, и хотя Парменид знал, что она устроила себе другие убежища в своем новом городе, он не мог не возмущаться тем, что она избегает его. Вместо того чтобы встретиться с ним, она приказала ему ждать дальнейших указаний. Ему даже не дали отвлечься от утомительной осады тремерской капеллы.

Лифт поднимался мимо четвертого этажа, мимо пятого.

Огни Вашингтона больше не были видны из пентхауса. Викос установил большие ставни, чтобы закрыть высокие окна. Черные ставни были навесными, но только для вида. Ни солнце,

ни луна не освещали интерьер номера. Только оставшиеся светильники да светящиеся цифры над лифтом.

Дверь открылась с мягким стуком, и вошла Викос. Леди Саша Викос, архиепископ Вашингтонский. Она была одета в длинные, струящиеся меха. Блузка, облегающая юбка и каблуки подчеркивали хрупкую вертикальность ее тела. Пармениду часто казалось, что он может просто протянуть руку и переломить ее надвое.

Она сделала три шага в фойе, остановилась, осмотрела оборванный, ветхий декор.

— Нам было скучно?

— Ты велел мне ждать, — сказал Парменид. — Я подождал.

Викос безразлично пожал плечами и прошел мимо него, протягивая ему свою шубу. Парменид сразу почувствовал, что шелковистый мех не норка, не кролик и даже не синтетика. Это был человеческий волос, а прилегающая к нему ткань была эластичной, как вторая кожа. Невероятно.

Не обращая внимания на одежду, но не желая играть в камердинера, Парменид бросил пальто на ближайшую коллекцию кресел. Викос нашел достаточно целое любовное кресло и позволил себе томно опуститься на него.

— Я надеюсь, наш маленький друг получил свою последнюю плату? — спросила она.

Парменид кивнул. Люсита, несмотря на то, что он считал недостатком профессионализма, выполнила свою работу. Борхес был уничтожен. Парменид проследил за тем, чтобы контракт был выполнен и со стороны Викоса.

— Хорошо, — сказал Викас. — Принеси мне закуску. Разогрей ее.

Парменид оставался на месте, но Викас, казалось, не замечала его упрямства. Она выглядела рассеянной, усталой. Часто она добавляла к своим указаниям насмешливое, игривое “пожалуйста”, как бы напоминая Пармениду, что она может делать с ним все, что захочет. Но не сегодня. Парменид двинулся к кухне, ненавидя себя за каждый шаг, но не желая бросать вызов Викас. Он не должен вызывать ее подозрений, сказал он себе. Есть секреты, которые он должен вывести у нее. А потом...

Тогда уничтожь ее.

Он открыл холодильник, взял одно из предплечий с кистью и несколькими пальцами, которые все еще были прикреплены, и положил его в микроволновую печь.

— Неужели каиниты из твоего клана так недооценивают женщин, мой философ? — обратился к нему через всю комнату Викас. Каинит — не то прозвище, которое применяли к себе дети Хакима, но у Парменида не было возможности ответить на это, так как Викас продолжил свой, очевидно, риторический вопрос. — Хранители, конечно, так считают, и даже мои собственные Цимисхи. Боюсь, я и сама признаюсь в этом предрассудке. Не сейчас, конечно, — добавила она, внезапно вспомнив, что в комнате находится Парменид. — Нет, эта форма была... поучительной.

Парменид взял руку из микроволновой печи и поднес к ней. На мгновение она полуобнюхала его, но, похоже, не смогла разжечь в нем истинного желания.

— Знаете ли вы, — спросила она, — что некоторые из новых Обнятых якобы родили? Настоящие роды.

— Я в курсе слухов.

— Очаровательно. — Викос поднесла палец к подбородку, поняла, что палец не ее собственный, и отложила руку в сторону. — Это политиканство становится таким утомительным, — вздохнула она. — Монкада обещал мне, что я могу переделать город по своему усмотрению, но это совсем не так. Так много деталей, и даже с Борхесом на пенсии и его последователями, разделяющими добычу на кусочки...— Она вскинула руки в разочаровании. — И Полония становится очень утомительным. Все время то Балтимор, то Нью-Йорк. У меня так мало времени на учебу. Боюсь, что я просто не умею общаться с людьми.

Викос, внезапно обеспокоенный, посмотрел на Парменида, как будто она могла его обидеть.

— О, но тебе не стоит об этом беспокоиться. — Она взяла его за руку и попросила сесть рядом с ней.

Парменид чувствовал себя не в своей тарелке, как почти всегда в ее присутствии. Он не хотел приносить ей закуски. Он не хотел сидеть рядом с ней. И все же он был здесь.

— Фактическое рождение, — сказала она себе. — Очаровательно.

Комната смыкалась вокруг Парменида. Отказало ли освещение на дорожках? Действительно ли отблеск от номеров лифта наполнял весь номер странным полупрозрачным туманом? Огромные ставни были закрыты. У Парменида закружилась голова, так как вокруг него бушевала буря. Любовное кресло вдруг стало невероятно длинным. Викос была далеко, но ее голос звучал в его ушах, в его сознании.

— Это пробуждает во мне материнский инстинкт...

Парменид не мог оторвать взгляда от невероятно длинных и тонких пальцев Викоса, которыми она расстегивала пуговицы блузки. Затем обнажилась ее грудь, две округлые груди, упругие и совершенные... кроме сосков. Несмотря на светлую кожу, они были неестественно темными, цвета влажного навоза.

— Пойдем...

Парменид наблюдал за приближением своего тела. Он не мог видеть лица Викоса, но слышал ее голос.

— Мой юный романтик.

Буря шумела в его ушах, но не могла заглушить ее голос. Теперь вместо двух упругих грудей был один большой сосок с грубым, затвердевшим соском. Парменид прильнул к нему ртом и стал сосать непристойность, которой была Викос. Его рот наполнился жидкостью — не молоком, не кровью, хотя к ней примешивалась кровь. Это была черная субстанция, густая и мерзкая.

— Очаровательно, — сказал голос.

Парменид не мог отстраниться, хотя его рот и глаза горели. Он жадно пил, вгрызаясь в кожистый сосок, и чувствовал, как по лицу стекает черный ихор. Запах разложения витал вокруг него; он заполнил его ноздри.

— У меня должен быть один из этих тонкокожих, — сказал голос. — Я должен получить одну и обнаружить... Ах, но это для другого времени. Это моя страсть. Очаровательно.

Голос удержал Парменида, иначе он был бы отброшен бушующим, головокружительным штормом. В нем поднялась волна тошноты, но он все равно пил, хотя его тело готово было взорваться от обжигающей, кровавой эмульсии изверга.

— Ты вкусил моей страсти, мой голодный ребенок, — сказал голос. — Что, скажи мне, есть твоя страсть? — Парменид был потерян. Дрейфуя в бурлящем черном океане. Так далеко за пределами знакомого берега. — Что есть твоя страсть?

Тогда он почувствовал желание убить. Уничтожить. Но его руки, руки художника, не были его собственными. Он не мог их почувствовать. Они были под поверхностью голодного, черного океана.

Потом уничтожить... потом уничтожить...

Чернота завладела им, закрыла его лицо, затянула под себя. Боль заменила время, когда он плыл, погруженный в голод.

— Кого бы ты уничтожил? — спросил голос. Через сколько — минуты, часы, годы?

Тогда уничтожьте...

— Монкада, — сказал голос — нет, это был его голос. — Монкада.

— Хм. Ты амбициозный молодой человек, — сказал голос. Сказала Викос. Парменид снова соединил ее с голосом, но он был другим, менее женственным.

И тут он вспомнил большую обвисшую грудь, затвердевший сосок, черный океан. Не океан — бассейн; он стоял на руках и коленях, извергая его из себя. Судорожные вздохи сотрясали его тело. Он чувствовал, что сказал больше, чем следовало, но предположения Викоса показались ему какими-то неправильными.

— Ах, но Монкада умен, — сказала она. — Если бы вы хотели уничтожить его, вам пришлось бы начать с правильного места,

не так ли? С самого начала. С плодов дерева познания добра и зла.

— Дерево...— Парменид слышал и чувствовал, как его губы формируют слова. Но он был так слаб, так растерян, а желчь и кровь все еще стекали из его рта.

— О, да. Очень типично для него, нет? И солнце никогда не заходит за дерево. Еще одна беда для нашего рода. Не то чтобы мы нуждались в знании добра и зла. Мне нравится думать, что мы уже не так субъективны, но это радует кардинала. Так где же вред?

Парменид был бессилён что-либо ответить. Его силы подводили его, и он был слишком занят, пытаясь понять смысл ее слов. Плод и дерево... Его руки больше не могли держать его. Он опускался все ниже, все ближе к черному бассейну под ним. Его лицо ударилось о мокрый пол.

— А еще есть Левиафан. — Викос вздрогнула; Парменид услышал это в ее голосе. — Он знает кровь. — И затем она повторила это снова, тихо, почти с благоговением. — Он знает кровь.

Парменид сомневался, правильно ли он ее расслышал. Ее голос был теперь так далеко. Едкий жгучий запах черноты снова заполнил его чувства, вытеснив все остальное.

— Ты все еще здесь, мой юный философ?

Вторник, 5 октября 1999, 12:19 AM
Калле де Паха
Мадрид, Испания

— Только вперед.

Как только он заговорил, Анвар понял, что зря. Когда они с Фатимой только вышли из магазина Пилар, он оглядывался через каждые несколько кварталов, чтобы убедиться, что его старшая все еще с ним. Неизменно она отставала от него на полтора шага. Ни больше, ни меньше. Анвар бросил поиски. Он не смог бы потерять Фатиму, даже если бы захотел этого. Он всегда видел ее сосредоточенной на любом деле, но никогда она не казалась такой целеустремленной. После получения сообщения события развивались быстро.

В подвальном помещении ковровой мастерской Фатима держала записку и изучала ее, нахмутив брови.

— Левиафан. — Она серьезно кивнула.

Это, похоже, соответствовало другой информации, которую она обнаружила в начале недели — как она заполучила записки и черновые карты, Анвар не знал, как и то, какой у нее был план по борьбе со слухами о Левиафане, но ему и не нужно было знать. Остальное значение этого последнего сообщения было для нее менее понятно. Она некоторое время смотрела на записку, прежде чем передать ее Махмуду.

— Плод с дерева познания добра и зла, — прочитал он. Библейская ссылка была очевидной, но малополезной. — Есть ли рядом с городом фруктовый сад? — попытался вспомнить он, протягивая бумагу Анвару. — Или фруктовые деревья в городе? Наверняка есть. Я попрошу людей Пилар составить список.

— Я знаю. — сказал Анвар. Слова практически соскочили с листа: — Солнце никогда не заходит за дерево. — Анвар, не сумев скрыть удивление в своем голосе, посмотрел на двух других убийц, своих старших. — Я знаю это место.

— Покажи мне, — вот и все, что сказала Фатима.

И так они пробирались по старинным улицам, которые возрождались для каждой эпохи. Мадрид для Анвара был старым городом под маской молодого. Под грубыми мостовыми скрывались булыжники; под фасадом смертных юношей, гуляющих по ночам, скрывался церковный зверь, который действительно властвовал в тени. Анвар вел Фатиму по крутым, извилистым дорожкам. Они не принимали чрезвычайных мер, чтобы скрыться от глаз полуночных прохожих, но тем не менее проходили мимо, оставаясь незамеченными.

В Анваре поднималось чувство гордости. Он не допускал мысли, что может ошибаться. Он проводил ночи, изучая этот город, изучая его улицы и площади. Теперь его усердие будет вознаграждено. Слава Фатимы станет его славой.

Солнце никогда не заходит за дерево.

Анвар повел ее вдоль Арабской стены к Майриту, который когда-то был источником воды для первоначальной арабской крепости. По всей этой местности бессистемно возвышались крошечные хижины и деревянные ларьки, как, несомненно, когда-то давно строили подобные сооружения первые жители. Анвар остановился. Фатима остановилась на полтора шага позади.

— Вот, — сказал он.

Она посмотрела на ветхий ларек, на который он указал. Ларек с овощами и фруктами, дощатая дверь на ночь

запиралась на цепь. На фронтоне над дверью была вырезана сцена: мужчина и женщина, оба обнаженные, стояли перед деревом; среди ветвей извивалась змея; в руке женщины лежало яблоко; за всеми фигурами виднелось большое лучистое солнце. Резное солнце, которое никогда не заходило.

Фатима положила руку на плечо Анвара. В легком нажиме ее пальцев он почувствовал одобрение и ожидание. Его гордость раздулась перед лицом демонстрации старшего.

— Возвращайся в магазин Пилар, — сказала Фатима низким, спокойным голосом. — Скажи Махмуду, чтобы все приготовил к завтрашнему вечеру.

— Должны ли мы быть готовы действовать и против Люситы? — спросил Анвар. Он был убежден, что братство только выиграет, если уничтожит эту наемную убийцу-притворщицу. С момента прибытия в Мадрид она, казалось, оставила свои яркие манеры — по крайней мере, так было до нескольких ночей назад. Анвар лично допросил группу наблюдения Пилар, настолько странным и тревожным был их отчет. Дочь кардинала вызвала на свою виллу смертного, обычного мужчину-проститутку. Там, во дворе под открытым небом, она прелюбодействовала с ним, питалась им и, наконец, оставила его выпотрошенное тело на улице.

Анвар понимал, что некоторые из гета Кхайина все еще предаются плотским желаниям — хотя и не мог понять почему, — но оставлять мертвого смертного так близко от места своего упокоения казалось безрассудством. Конечно, последователи кардинала позаботились об этом, быстро избавившись от тела и позаботившись о том, чтобы полиция не проявила интереса. Тем не менее, эта женщина своими проступками, казалось, умоляла вернуть кровь из ее тела.

На вопрос Анвара Фатима слегка сжала его плечо.

— Я позабочусь о ребенке кардинала, — сказала она.

Он резко кивнул и без вопросов отправился выполнять порученное ему задание.

Вторник, 5 октября 1999, 12:58 AM
Калле Луис Гарсия
Мадрид, Испания

Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Фатима не удивилась тому, что интерьер виллы был весь в шрамах. На стенах рядом с ней виднелись неровные следы когтей. Практически каждый предмет мебели внизу, хотя и в идеальном состоянии, был изрезан глубокими выемками — как будто здесь держали очень привередливое и очень злобное животное. Судя по тому, что она знала об отношениях Люситы и ее отца — и о самой Люсите, — вполне вероятно, что дело обстояло именно так.

Фатима, отослав наблюдателей Пилар и войдя в дом, бесшумно ступала по коридору наверху к внутренней комнате. Изящество ее тела было слишком укоренившимся, чтобы требовать ее внимания. Вместо этого она думала о том, что пыталась игнорировать в течение стольких ночей. Она не ожидала, что Люсита приедет в Мадрид, не думала, что ей так скоро придется встретиться с ней снова.

Пока Фатима тянулась к дверной ручке левой рукой, она взяла свою джамбию в правую. Присутствие Фатимы поглотило звук поворачивающейся ручки и защелки, недавно отремонтированной петли, которая должна была слегка поскрипывать.

Люсита полулежала на кровати, ее ноги свисали и упирались в пол. Несмотря на небрежную позу, она держала меч наперевес, направленный на Фатиму.

— Наверное, хорошо, что у меня это вышло, — сказала Люсита.

Фатима вошла в комнату.

— Лучше закрой это. — Люсита кончиком меча указала на открытую дверь. — Мы не хотели бы беспокоить Консуэлу.

— Ничто не потревожит старуху, — совершенно серьезно сказала Фатима.

Люсита пожала плечами, насколько это было возможно в лежачем положении. — Нужно ли мне это? — спросила она, слегка помахивая мечом.

— Правда? — спросила Фатима. Она убрала в ножны свой джамбию.

Это, похоже, удовлетворило Люситу, и она положила свой клинок рядом с кроватью. Фатима не питала иллюзий по поводу того, что Люсите нужен смертоносный клинок; несомненно, Люсита знала то же самое о ней.

— Знаешь, — сказала Люсита, — после нескольких сотен лет я могу сказать, когда открывается дверь, даже если не слышу этого.

— Если бы я хотел сделать тебе сюрприз, я бы не стал пользоваться дверью, зная, что ты ждешь с другой стороны.

Люсита выглядела вялой, несмотря на то, что находилась в одной комнате с одним из немногих убийц в мире, который мог дать ей фору. Она с трудом села, но Фатима знала, что вялость исчезнет в одно мгновение, если понадобится. — Монкада будет расстроен из-за Консуэлы, — сказала Люсита.

— Ее кровь теперь используется лучше, — сказала Фатима. Не хвастовство, а факт.

— Ты проделал весь этот путь, чтобы вернуть кровь маленькой старушки-гуля?

— Нет. — Фатима не совсем понимала, зачем она здесь. Она должна была найти способ пробиться сквозь оборону Монкады или уничтожить Люситу. Фатима попыталась сосредоточиться на суровых реалиях текущего момента вместо этих мутных вопросов. Она быстро перечислила все свои спрятанные клинки, поискала подсказки, где Люсита, несомненно, прячет свой.

Почти полное молчание Фатимы взбесило Люситу — как и всегда. Темная Роза сжимала в горсть покрывало. Она держала в себе гнев, который разжигал ее сильнее, чем кровь. Наблюдая за руками Люситы, Фатима заметила на покрывале небольшое пятно крови. Увидев его, она не могла не заметить слабый запах. Запах крови Консуэлы.

— Ты сказала, что охотишься и за мной, и за моим сиром, — презрительно фыркнула Люсита. К кому относилось это презрение — к ней или к Монкаде, Фатима не могла сказать. — Ну что, теперь моя очередь?

Фатима остро чувствовала руки Люситы, которые были на виду, но в пределах досягаемости многочисленных потенциальных орудий — ваза, остроконечная финифть, стул, который можно было быстро сломать — и это только те, которые Фатима заметила навскидку. Она оставалась совершенно неподвижной, руки расслаблены — как и Тетмес пять ночей назад — и не делала ничего, что могло бы вывести Люситу из себя. Только вот ничего не делать — это вполне могло вывести Люситу из себя.

— Нет.

— Еще нет? — спросила Люсита. — Это то, что ты сказала раньше.

Фатима начала спокойно делать шаг вперед, но Люсита сразу же поднялась на ноги, готовая ответить на насилие добром. Очень медленно Фатима подняла руки, держа их перед собой раскрытыми ладонями. Она знала, что не может надеяться сделать ничего, что могло бы успокоить Люситу; лучшая возможная тактика — избегать триггеров.

— Я приехала в Мадрид к твоему сиру, — сказала Фатима. — Я не знала, что ты будешь здесь.

Люсита презрительно рассмеялась. — Не для этого ты сказал мне в Хартфорде? Чтобы я приехала, а ты взял нас обоих — попытался взять нас обоих?

Фатима покачала головой. — Нет. — Ее руки все еще были подняты перед собой.

— Ты думаешь, я поверю тебе? Ты готов лгать о чем угодно, лишь бы служить своему клану. — Снова презрение. Фатима могла прочесть под ним растерянность. Люсита не понимала ее, не могла понять ее, ее преданность. Но Фатима понимала Люситу слишком хорошо. В этом и заключалась суть проститутки. Открытый бунт. Открытое неповиновение. Все то, чем Фатима никогда не могла быть, чем у нее никогда не было причин быть. Ее собственные проступки были тонкими, коварными, но в глазах ур-Шулги, вестника Хакима, они были бы столь же реальны и карались бы более сурово, чем самый вопиющий грех Люситы.

— Я не лгу вам, — сказала Фатима. Теперь она сделала шаг ближе, подняв руки. Люсита не остановила ее, но их разделяло еще несколько футов. Фатима могла оказаться под защитой Люситы слишком быстро, чтобы меч мог принести пользу, но

другое оружие... и поднятые руки Фатимы замедлили бы ход на долю секунды.

— Я не лгу тебе, — повторила Фатима. Но она также не осмелилась сказать всю правду.

Люсита колебалась. Двое зависли, между ними была огромная пропасть.

— Ты думаешь, я просто позволю тебе уничтожить его, даже если ты в состоянии? — спросила Люсита. — Ты думаешь, я не остановлю тебя?

Фатима услышала вызов, не сдалась и заговорила ровным тоном: — Ты хочешь остановить меня? — Я могу.

— Возможно.

Люсита вздрогнула, но не напала. Ее руки слегка дрожали, но не устремлялись к спрятанному клинку.

Фатима сделала еще один шаг. Спокойно.

— Ты хочешь остановить меня? — Она хотела сказать еще столько всего, но не могла заставить себя произнести. Возможно, Монкада уничтожит ее, и Люсита будет в безопасности... пока не придет другой убийца, а потом еще один. А может быть, Фатима уничтожит кардинала, и Люсита будет свободна. Свободна, чтобы скрываться от Фатимы. Но Люсита никогда бы так не поступила. Хорошего ответа не было.

— Ты хочешь остановить меня? — Фатима сказала в третий раз, но теперь ее слова были жесткими, полными вызова. Ее голос поразил Люситу, как удар.

Их глаза встретились, каждый был уверен, что в крови другого не настолько сильна кровь, чтобы она могла овладеть им взглядом. Они зависли на грани. Два убийцы.

Теперь Люсита шагнула вперед. На расстоянии дюйма друг от друга. Медленно, она подняла свои руки, ладонями наружу, и прижала их к рукам Фатимы.

— Я не лгу тебе, — прошептала Фатима.

И тут их губы встретились. Капельки крови Консуэлы, еще свежей во рту Фатимы, проступили на их языках. Медленно, очень медленно, Фатима подняла руку к щеке Люситы. Ладонь Люситы, освободившись от своей противоположности, прижалась к груди Фатимы. Каждое движение было постепенным, чтобы не вызвать подозрений — ведь желание нелегко переходит в доверие.

Фатима старалась не терять самообладания. Она не могла позволить себе поддаться поцелую этой женщины, которую она должна убить. Но свободе, от которой так долго отказывались, было трудно сопротивляться. Ее левая рука по-прежнему прижималась к правой руке Люситы. Их пальцы сплелись, разделяя силу и неловкую нежность рук, не обученных нежным ласкам. Фатима не могла избежать опасности быть покинутой, но насколько хуже может быть гибель в объятиях возлюбленного, чем та, что ожидает ее от рук старших? Если глашатай хочет погубить Фатиму за веру, то пусть он добавит к оскорблениям похоть и любовь.

Люсита прижалась к Фатиме, и Фатима ответила ей взаимностью. Кровь поднималась от страсти. Языки скользили по клыкам. Они приникли друг к другу — губами, языками, — а потом их собственная кровь смешалась во рту. Пьянящий аромат старшей крови наполнил чувства Фатимы. Ее тело дрожало. Или это дрожала Люсита? Фатима не могла сказать,

да ей было и все равно. Она толкнула их к изысканной, залитой кровью подстилке. Когда они опрокинулись, оба на мгновение напряглись — но все руки были наготове; никакого оружия, никакого нападения, замаскированного под возбуждение.

Вместе с кровью пришло тепло. Фатима отстранила рот, чтобы снять с себя верхнюю рубашку. Руки Люситы, ищущие плоть, потянулись к колготкам с длинными рукавами. По лицу Люситы стекала струйка крови. Фатима провела языком по щеке, шее. Она рванула воротник Люситы. Ткань поддалась. Фатима нашла пятнышко насыщенной крови в ложбинке груди Люситы, выпила его, затем лизнула маленькую татуировку в виде розы чуть левее. На мгновение Фатима прислушалась, словно к биению сердца, но даже тишина не могла скрыть присутствия каинитской крови.

В тот же миг, когда Фатима выпила и почувствовала, как ее рот наполняется кровью ее любовника, она почувствовала также экзотическую боль в руке, Люсита вошла туда, куда когда-то вошел яд, в незаживающий шрам. Отступать было некуда, так долго, казалось, не было отступления. Они мчались вперед по дороге разрушения.

Фатима почувствовала прилив собственной крови, вытекающей из ее тела. Но она не могла оторваться от раны на груди Люситы. Снова, спустя столько лет, столько веков, круг был завершен, и Фатима никогда не знала такого голода, такой полноты. На мгновение голод вырвался наружу. Зверь зарычал, требуя то, что принадлежало ему, — все, что принадлежало ему, — и Фатима вгрызлась в рану, разрывая плоть, чтобы получить больше крови. Люсита вздрогнула и еще сильнее укусила Фатиму за руку. Боль укрепляла Фатиму, закаляла ее в борьбе со зверем. Она уже давно овладела им, но теперь с каждым разом, когда она пробовала кровь, в которой ей так долго отказывали, ее мастерство ослабевало. Однако сила все еще принадлежала ей. Сдаться означало бы уничтожить Люситу, уничтожить саму

дисциплину, которая была сутью Фатимы. А если Люсита что-то скажет по этому поводу, то и уничтожение самой Фатимы.

Фатима заставила зверя отступить, и они с Люситой продолжили свой замороженный танец, две сплетенные гадюки, все клыки, кровь и яд. Кровь одного была кровью другого. Фатима пиrowала на непокорности Люситы, на своей собственной непокорности, пока, наконец, ликование не уступило место изнеможению. Они удалились, как и вошли, как одно целое. Фатима оставила томительный поцелуй, и плоть груди Люситы снова соединилась, оставив только обновленную темную розу. Теплый, влажный вздох Люситы исцелил руку Фатимы, хотя шрам остался.

— Я должна идти, — сказала Фатима. Она провела пальцем по дорожке, по которой текла кровь. Подбородок, шея, грудь. — Твой сир ждет, — тихо сказала она, сурово напоминая себе и им обоим, что, как бы им ни было хорошо в объятиях друг друга, это не может продолжаться долго. Люсита напряглась, но лишь на мгновение. Она вернулась к поглаживанию волос Фатимы.

— На улице день.

Как только эти слова были произнесены, Фатима поняла, что это правда. Часы наслаждения, в отличие от часов боли, вины и отчаяния, приходили слишком редко и проходили слишком быстро.

— Значит, нам не удалось снова уничтожить друг друга, — болезненно, с тоской сказала Фатима.

— Пока, — сказала Люсита. — Еще несколько часов.

А потом день забрал их.

Часть третья: Расщепление

Вторник, 5 октября 1999, 7:38 PM

Calle Luis Garcia

Мадрид, Испания

Несколько минут Фатима сидела, проверяя остроту своего джамбии на пальцах, и наблюдала за неподвижной Люситой. Грудь Темной Розы не вздымалась и не опадала при дыхании; на ее лице застыло спокойствие, которого она никогда не знала в бодрствующем состоянии; отступившее солнце держало ее в напряжении.

Ночь для Фатимы еще не наступила, но она уже чувствовала, что ее ждет неудача. Она знала, что должна отнести свой клинок Люсите, но знала и то, что не сделает этого. Фатима должна была совершить салах, но, к своему стыду, чувствовала, что на это не хватает времени. Не было под рукой и воды для омовения, а сегодня ей нужно было освободиться от осквернений больших и малых, мыслей и поступков.

Воды не было, а кровь осталась. Фатима, стремясь к очищающей боли, вдавила кончик своего джамбии в правую руку ниже локтя. Аллаху акбар. Вся хвала Аллаху, Господу всех миров. Она не произносила слова вслух и не принимала предписанных поз; она полагалась на милость и милосердие Аллаха. Благодетельнейший, вечно милосердный, царь судного дня.

Подражая порезам на стуле под ней, Фатима провела лезвием по руке, от локтя до запястья.

Тебе одному мы поклоняемся и к Тебе одному обращаемся за помощью. Направь нас на путь прямой, на путь тех, кого Ты благословил, а не тех, кто сбился с пути.

Где-то на этом пути она, несомненно, сбилась с пути. Неужели она последовала за Хакимом? Ведь именно он заставил ее выбрать то, чего она не могла. Но кровь, сделавшая ее такой, какая она есть, была его, и именно его поручение она выполняла сегодня ночью. Его же велением она пренебрегла.

Фатима закрыла глаза, чтобы ее взгляд не был обращен к красоте ее возлюбленного. Где были покой и сосредоточенность, которые обычно приносит молитва?

Ля иляха илля илля-Ллах. Нет бога, кроме Бога.

Ва Мухаммадан расула 'л-Ллах. А Мухаммад — посланник Бога.

Слова не успокоили Фатиму. Даже боль, когда она снова и снова проводила лезвием по руке, не приносила дисциплину мысли. Единственное, что оставалось для Фатимы, — это уверенность в собственном обмане. Она не служила Хакиму до конца, но отказывала ему в том, чего он требовал. Она не любила Люситу всей душой, но замышляла ее уничтожение. Могла ли Фатима верить в Бога после того, как обманула другие свои узы?

Салла-джа-Ллаху 'аля саййидина Мухаммад. Да ниспошлет Аллах Свои молитвы нашему господину Мухаммаду.

Ас-салямун 'алейкум ва рахмату 'л-Ллах. Да пребудут с вами мир и милость Аллаха.

Одному Богу известно.

Фатима еще глубже вонзила лезвие. Металлический наконечник заскрежетал по кости. Но даже ее раскаяние было тщетным. Она не осмеливалась отрезать руку или кисть, вырезать глаз, чтобы не подвергать опасности свою миссию — миссию, которую она была бы счастлива не провалить. И точно так же ее плоть исцелится и снова станет целой,

сомнения, от которых она надеялась избавиться, вернутся и будут преследовать ее до конца ее ночей.

Наконец, не глядя на Люситу, Фатима поднялась со стула и, оставляя за собой лишь след капающей крови, вышла в ночь.

Вторник, 5 октября 1999, 8:49 PM
Calle de la Redondilla
Мадрид, Испания

В подвале лавки торговца коврами царила тишина, если не считать металлического щелчка, с которым Анвар прикреплял на место последнюю деталь пистолета-пулемета М-4 Spectre. Огнестрельное оружие — не его любимое оружие — было очищено, собрано и готово к использованию, если в этом возникнет необходимость. Когда наступило состояние запредельного спокойствия, сопровождающее начало миссии, Анвар, его разум был полностью сосредоточен, а пальцы двигались со скоростью крови, начал снова разбирать и собирать пистолет. Для тренировки. На эту задачу ушло почти двадцать секунд.

Махмуд заканчивал расстановку команд. Даже маленькая, сморщенная Пилар выходила сегодня на поле. Только Анвар оставался позади, ожидая...

Вот. Шаги Фатимы, спускающейся по ступеням подвала. Она не заботилась о маскировке своего приближения, иначе он бы ее не услышал.

— Салам, — почтительно поклонился Анвар, когда она присоединилась к нему.

— Салам. Все на месте? — Лицо Фатимы было нейтральным, почти настороженным.

Анвар думал, возможно, почувствовать ее энтузиазм в предвкушении приближающегося убийства, ощутить интенсивность и гордость, которые он познал, когда она сжала его плечо накануне вечером. Но она слишком долго

тренировалась для этого, понял он, внезапно смутившись собственных ожиданий.

— Все на месте, — сказал он.

Фатима прошла мимо него к штабелю ящиков у стены. Она проигнорировала удобный ломик, лежащий рядом, и руками открыла один из ящиков. Отодвинув упаковочный материал, она извлекла два деревянных ящика на шарнирах, один размером примерно с коробку из-под обуви, другой чуть шире и на несколько футов длиннее. В первой коробке лежал пистолет, а также глушитель и лазерный прицел, два последних она оставила. Открыв большую коробку, она обнаружила изящный дамасский скимитар, изогнутое лезвие которого было затемнено, чтобы не отражать свет. Фатима положила пистолет в специально сделанный карман своего пуловера, а скимитар закрепила на поясе.

— Есть одно изменение в планах, — сказала она, когда все было готово. — Ты должен пойти на виллу, где остановилась Люсита, и присмотреть за ней.

Это показалось Анвару странным. Он полагал, что вчера вечером, когда вахта по приказу Фатимы вернулась с виллы, она решила разобраться с Люситой раз и навсегда. Возможно, Фатима отправилась просто за информацией или чтобы прояснить что-то из записок, например, про — Левиафан. — Но, несомненно, Люсита не смогла бы пережить такую встречу. Разве что Была заключена сделка — возможно, Люситу пощадили в обмен на разглашение информации и клятву не покидать виллу. Старейшины часто действовали неисповедимыми путями.

— Уничтожить ее, если она вырвется на свободу? — спросил Анвар.

Он был удивлен, как быстро Фатима повернулась к нему лицом и схватила его за плечо, на этот раз даже с большей силой. — Нет. — Фатима уставилась в лицо Анвара, но он мог сказать, что ее мысли заняты не им.

— Она не уйдет, — сказала Фатима через мгновение, затем снова сделала паузу.

Судя по уверенности Фатимы, Анвар подумал, что, возможно, Люсита все-таки погибла.

— Если да...— сказала Фатима через несколько секунд, доказывая, что Анвар ошибается, — Если да, то ты должен следовать за ней. Она не должна видеть тебя или чувствовать, что ты здесь. Она знает такие вещи. — Фатима усилила давление на его плечо. — Если она покинет город, хорошо. Если она отправится в убежище Монкады...

— Да?

— Если она пойдет в убежище Монкады, подождите пять минут после того, как она войдет, подайте мне сигнал и начинайте диверсию. — Сказав это, Фатима взяла с рабочего стола пейджер прямого сигнала и убедилась, что устройство настроено на вибрацию, а не на звуковой сигнал. — Ни в коем случае не приближайтесь к ней, — добавила Фатима. — Вы поняли.

Анвар кивнул. Он понял инструкции, если не их смысл. Конечно, когда-нибудь они разберутся с Люситой. Почему не сейчас? Фатима не могла поверить, что гедонистическое привилегированное дитя Ласомбры более чем подходит ему.

— Это все, — сказала Фатима.

— Да улыбнется тебе Старший, — произнес Анвар.

— И пусть твоя спина будет крепкой, — ответила Фатима.

Потом подвал опустел.

Фатима наблюдала за лавкой продавца овощей и улицей из тени. В городе все еще было много смертных, а скимитар, висевший у нее на поясе, было не самым простым оружием для маскировки. Она будет ждать. Калле де Паха не была улицей баров и клубов. Лавки уже были закрыты и заколочены на ночь. Если набраться терпения, то подходящий момент обязательно представится.

Ожидая в темноте, Фатима все еще слышала голос Анвара в своем сознании, его вопрос о Люсите: Уничтожить ее, если она решится на авантюру? Он был фанатиком, как и она, и по какой-то причине жаждал крови Люситы. Он был прав, полагая, что такое достижение привлечет к нему внимание старейшин. Несколько ночей назад Фатима отвлекла его похвалой. Она открыла ему личность своей цели, и его гордость и самодовольство вытеснили из его головы мысли о Люсите — на время. Но он всегда был честолюбив. Как и Фатима. У него не было ничего и никого, кто бы тянул его в разные стороны.

Пока смертные прохожие продолжали двигаться по улице, Фатима не могла не думать о Люсите, о силе и притягательности ее крови. Фатима проснулась раньше Люситы, стояла над ее полуобнаженным телом, имея прекрасную возможность уничтожить ее. Однако Фатима бесшумно выскользнула из комнаты. Она покинула виллу, надеясь, что им больше никогда не придется встретиться. По крайней мере, Люсита могла пережить эту поездку в Мадрид. Если бы она осталась на месте сегодня, Фатима и остальные, выполнив свою миссию, поспешили бы покинуть город. Или, если Люсита покинет город, Фатима сможет отсрочить неизбежное, чтобы не терять времени на свои сегодняшние достижения. Или, если она потерпит неудачу...

Фатима постаралась вытеснить из головы бесполезные мысли, сосредоточившись на информации, полученной от донна Ибрагима — Левиафана — и подтвержденной Викосом. Любой из этих источников сам по себе был бы подозрительным. Оставалась вероятность, что Викос ошибся с местоположением входа, или что они с Анваром неправильно поняли смысл слов изверга, но убийца редко может быть уверен в себе. Фатима привыкла полагаться на инстинкт и интуицию, и сегодня они указали ей на непритязательный овощной ларек. Кроме того, она была уверена, что в самом неприятном случае ей удастся избежать поимки. Худшее, что ей грозит, — это почетная окончательная смерть, и в каком-то смысле она даже надеялась на такой конец. Это спасло бы ее от других решений, которые ей навязывали, решений, которые она не могла принять. Ей больше не придется сталкиваться с собственным лицемерием. И вот она подошла к своей миссии неподготовленной, как слепая. Она знала о победе над Левиафаном меньше, чем предполагали ее собратья. Она ухаживала за Окончательной Смертью, а та не была разборчивым женихом.

И снова она отогнала эти мысли. В этом ей наконец-то помогли надоедливые смертные, которых значительно поубавилось. Настало время. Фатима вышла из тени. Она обратилась к силе крови. Немногочисленные смертные, разбросанные по улице, не видели ее, не замечали клинка, висевшего у нее на поясе.

Она подошла к деревянной кабинке, встала под резным изображением Адама и Евы, дерева и змея, яблока, солнца, которое никогда не заходит. Цепочка была пропущена через отверстия в двери и в стене рядом с ней. Замок находился с внутренней стороны. Кто бы ни запер замок, он тоже должен был находиться внутри.

Цепь не зазвенела, когда Фатима взяла звено в пальцы и защелкнула его. Не было и звука цепочки упала на пол прямо

перед дверью. Фатима открыла дверь, перешагнула через цепочку и закрыла за собой дверь.

Переполненный ларек занимал две комнаты. Передняя комната, которая днем была открыта на улицу, была почти полностью заполнена столами и ящиками с овощами и фруктами. Вторая, гораздо меньшая комната находилась через открытый дверной проем сзади. Фатима бесшумно прошла мимо ящика с яблоками. Плоды дерева познания добра и зла.

Не было слышно шагов, чтобы разбудить старика на раскладушке в задней комнате. Фатима перерезала ему горло своим джамбией и держала его рот, пока он не перестал биться в конвульсиях. Он был смертным, или гулем слабой крови. Растекающаяся кровь не прельщала Фатиму. Она позволила ей впитаться в старое постельное белье и пыльный ковер на полу. Затем она откинула ковер в сторону, чтобы открыть под ним дверь-ловушку.

Она несколько минут визуально осматривала дверь, прежде чем решилась прикоснуться к ней. Ни Ибрагим, ни Викос не упоминали о ловушках, но Викос в докладе Парменида был довольно загадочен и скуп на подробности, а Ибрагим даже не знал, где находится вход. И все же то, как оба говорили о левиафане, наводило ее на мысль, что этот путь преграждает лишь одно памятное препятствие. Но казалось никогда не пропадала даром. Еще несколько минут она держала руки на деревянной двери, двигая пальцами лишь на доли дюйма за раз. Она очистила свой разум от всего, кроме дерева — его текстуры, бега зерна, гранул грязи и пыли, заполняющих щели, пространства между волокнами самой древесины, пространства за дверью.

Наконец, она потянула за утопленную защелку. Дверь даже не была заперта. Шахта вела прямо вниз. В каменных стенах были высечены грубые лапы и опоры. Из отверстия не

доносилось ни звука, ни света. Фатима опустилась внутрь и начала спуск в темноту.

Сегодня вечером. Это случится сегодня. Люсита была уверена в этом. Фатима собиралась преследовать Монкаду. Зачем ей было появляться здесь, кроме как в качестве загадочного предупреждения держаться подальше?

Люсита продолжала вышагивать. Она вышагивала уже несколько часов.

Не то чтобы Фатима говорила об этом. О, нет. Она не стала бы говорить сразу, блядь, ничего особенного. Никогда. Вместо этого она пряталась за своей завесой спокойной неуязвимости. Конечно, она думала, что если даст Люсите знать, что происходит, то Люсита послушно будет держаться подальше.

Жирный шанс. Чертовски толще, чем отец Люситы.

Люсита рассеянно потирала зуд на груди. Это была свежезажившая кожа вокруг ее татуировки в виде розы. Когда Фатима ушла, она притворилась, что все еще находится под чарами солнца. Так казалось проще. Теперь она не была в этом уверена.

Она хотела укорить себя за то, что не сказала больше прошлой ночью — но они так хотели убить друг друга, а потом не убить, а поглотить друг друга. Люсита глубоко вдохнула и попыталась сделать вид, что ее легкие еще на что-то годятся. Так было всегда: сто или более лет преследования и ожидания, потом несколько жарких часов, а потом — обида.

Так не должно было быть. Нет, если бы Фатима не была такой закрытой сукой (Люсита не любила давать эмоциям накапливаться внутри). И если бы Фатима не пыталась убить отца Люситы; Люсита имела право на убийство этого

отвратительного ублюдка. Просто она еще не доводила дело до конца. Она выжидала время. Ее большие планы могли показаться совсем незначительными, когда она снова оказывалась в его обществе. Неважно, что она избавилась бы от него так же, как и Фатима. Дело было не в этом. Дело было в том, что Монкада, как он сам мог бы выразиться, был крестом, который должна была нести Люсита. Как смеет Фатима вмешиваться в это? Не говоря уже о том, что Фатима ясно дала понять, что после того, как она покончит с ним, она придет за Люситой.

— Наглая сука.

Но Люсита не могла отрицать с проклятиями свои более нежные чувства к Фатиме — ни после прошлой ночи, ни после того, как она притворилась спящей, пока Фатима вырезала глубокие раны на ее руке. Люсита украдкой поглядывала на нее. Она чувствовала порыв пойти к Фатиме, взять кинжал и отложить его в сторону, зализывать раны, пока они не заживут. Но Люсита знала, что раны были больше и глубже, чем она могла залечить. И все же временами ей казалось, что она может попытаться. Она могла утешить Фатиму и получить утешение в ответ.

Но, к счастью, Люсита всегда приходила в себя.

Зависимость. Она плюнула на пол, размазала ногой капли крови Фатимы по полу.

Люсита устала метаться. Она устала от этой игры, в которую они с Фатимой играли целую вечность. Что бы ни влекло их друг к другу, Фатима по-прежнему оставалась лишь орудием своих тряпчных хозяев в Иране или где бы они там ни были.

Люсита схватила меч. Она огляделась в поисках ножен — где-то они у нее были, хотя она больше не носила меч; просто в

конце двадцатого века он уже не был таким модным, как раньше, — но не смогла их найти.

— Черт с ним.

Направляясь к двери, она провела рукой по своим спутанным волосам. Это была еще одна вещь, за которую Фатима должна была ответить. Упырь Монкада или нет, но Люсита привыкла, что Консуэла по вечерам расчесывает ей волосы. В тот вечер Люсита нашла женщину внизу, с перерезанным горлом. Она не почувствовала бы сильной боли, но Люситу меньше волновали последние минуты жизни гуля, чем неудобства, которые причинила ее смерть.

Люсита колебалась, пока не дошла до внутреннего двора. Как отреагирует Монкада, если она предупредит его? Он мог подумать, что она стала мягкой. Тогда он начнет умиляться. Она скажет что-нибудь совершенно оправданное, но, скорее всего, грубое, и он выбьет из нее все дерьмо, или закроет в чулане на три года, или еще что-нибудь в этом роде. Думая об этом в таких терминах, она подумала, что, возможно, Фатима не была ему рада. Но как тогда Люсита сможет снова встретиться с ассамитом? Насколько больше самодовольства и превосходства может быть у Фатимы? Может быть, Монкада сам справится с Фатимой?

Люсита не была уверена.

Пока она размышляла над этими вращающимися вопросами, Люсита не могла не вспомнить несколько ночей назад, о мужчине-проститутке, которого она убила почти на том самом месте, где стояла сейчас. Поначалу дело шло медленно, но она обнаружила, что кровь — его кровь — является хорошей смазкой, как никакая другая.

В конце концов, именно эта мысль перевесила чашу весов и направила ее к Иглесиа де Сан-Николас. Она еще не решила, хочет ли она предупредить Монкаду о Фатиме, теперь, когда угроза стала более реальной неминуемой. Как бы она ни была зла на Фатиму, она даже не была уверена, что хочет, чтобы ассамит потерпел неудачу. Но Люсита не видела своего отца с тех пор, как трахнула проститутку и бросила его на улице, как смертный мусор, которым он и был.

Это была достаточная причина, чтобы навестить своего отца.

Вторник, 5 октября 1999 11:27 вечера
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Темнота в туннелях была не просто отсутствием света. Это был туман непроглядной влаги, который, казалось, покрывал Фатиму, каменные стены, пол, сам воздух. Тьма прилипла к телу Фатимы, просочилась в ее дух, лишая силы воли. С каждым шагом тьма становилась все глубже впереди и позади. Она могла видеть ровно настолько, чтобы продолжать двигаться вперед. Здесь не было ни боковых туннелей, ни альтернативных путей.

Она удивлялась, как Люсита могла войти в это гнетущее место и не сойти мгновенно с ума. Даже Фатима, не склонная к унылому одиночеству, чувствовала, как тяжесть земли давит на нее, раздавливает. И что это говорило о Монсаде, что он выбрал этот черный лабиринт, чтобы провести в нем вечность?

Темнота была яслями для сомнений, и по мере того, как Фатима продолжала идти по проходу, неуверенность атаковала ее и набирала силу. Она усомнилась в правдивости источников, которые привели ее в это место. Кто мог прочесть чужой разум поганого Цимисхи? И, возможно, не Тетмес и дети Хакима манипулировали Черной рукой, а наоборот. Возможно, Монсада был предупрежден и послал Ибрагима в качестве жертвы, приманки, чтобы заманить Фатиму в это место, лишённое надежды.

Даже если ее скудные знания окажутся точными, впереди во тьме ждал страж. Левиафан. Конечно, при выполнении любого задания существовал риск провала, окончательной смерти. Сегодняшний вечер в этом смысле ничем не отличался от других. Она уничтожит Монсаду, или нет. Она выживет, или нет. Но лишь однажды она почувствовала, что, возможно,

провал — это лучший исход миссии, что поражение и окончательная смерть — это то, чего она заслуживает. В тот раз, рискуя проявить нелояльность, она позаботилась о том, чтобы весть о личности ее цели дошла до нее — и Люсита, полностью подготовленная, победила ее.

Времена изменились.

Вестник среди нас. Старейшина нашей крови не за горами. Детей Хакима, всегда послушных, всегда бескомпромиссных, влекло на узкий путь.

Докажи себя, сказал Тетмес. Докажи, что достойна. Уничтожив Монсаду. А потом Люситу. Если бы достоинство заключалось именно в этом, подумала Фатима, она могла бы это сделать. Она могла бы вырезать собственное сердце, если бы этого требовал Хаким. И хотя она потерпела неудачу раньше, она уничтожит Люситу, пожертвует связью между ними.

Но даже этого было бы недостаточно. Она могла делать все это, но сны все равно приходили. И все равно глашатай будет призывать ее к вере, от которой она не могла и не хотела отказаться. Джамал и Илия Ахмед не доказали, что достойны. Как она могла надеяться на это?

Здесь была какая-то неправильность. Неправильность, столь же ощутимая, как и окружавшая ее тьма.

Но кто, спрашивала Фатима, она такая, чтобы судить Хакима? Кровь была его кровью. Если он вернул ее себе по какой-либо причине, справедливой или несправедливой, это его право. Как Муса не ступил на землю обетованную, так и Фатима, возможно, завершит свои годы служения до наступления Последних Ночей.

прошли, в общем.

Она не оставит Аллаха.

Она не бросила бы Хакима, хотя он бросил бы ее. Ибо справедливость или несправедливость не меняли одного факта: гет Кхайина — это пятно на земле. В этом она была уверена даже среди удушающей тьмы. Тем более в удушливой тьме, где на свободу вырвалась мерзкая развращенность Монкада.

Впереди, сквозь мрак, Фатима различила полосы в туннеле, разные оттенки черного на черном. Непроницаемая решетка, о которой говорил Ибрагим. Но не успела она подойти к решетке, как почувствовала ветер из бокового туннеля. Это был ветер не воздушных потоков, а тени. И тень, которая была повсюду, охватила ее, овладела ею. Она была такой же твердой, во сто крат тверже, чем черный воздух, через который она уже пробиралась.

Руки Фатимы были прижаты к бокам, она не могла достать ни одного оружия, так как ее затягивало в пасть левиафана.

Она не уйдет. Так говорила Фатима о непристойном ребенке Монкады. Даже в то время эти слова показались Анвару не столько предсказанием, сколько желанием. Все это, размышляя он, стоя перед каменной церковью, не было бы проблемой, если бы Фатима позволила ему уничтожить Люситу. У Фатимы должны быть свои причины, хотя Анвар не мог понять, как уничтожение Люситы в данный момент может поставить под угрозу миссию против Монкады в большей степени, чем ее возвращение в логово.

Во всяком случае, Люсита покинула виллу. Она смело шла по улицам, даже неся с собой меч. Смертные, мимо которых она проходила, полагали, что это один из многочисленных клинков, сделанных для продажи туристам. Анвар знал лучше. Он последовал указаниям Фатимы и следил за Люситой с очень безопасного расстояния, пока она возвращалась в логово своего

сира. Он вошел в парадные двери церкви среди толпы ничего не подозревающих смертных как раз в тот момент, когда должна была начаться полуночная месса. Вот уж действительно, может получиться диверсия.

Анвар не терял времени даром. Он поправил рукоятку пистолета-пулемета под курткой, убедился, что оружие настроено на стрельбу очередями, снял предохранитель. Затем он нажал кнопку на устройстве, которое должно было оповестить Фатиму, Махмуда и остальных о его начале. Без дальнейших колебаний он поднялся по ступеням и вошел в двери, мимо которых Люсита прошла всего несколько минут назад. Музыка из старинного органа зазвучала, приветствуя его.

Святилище было относительно полным. Анвар остался незамеченным среди бездомных, которые перекрестились, переступая порог, возможно, прося божественного снисхождения за свое запоздалое появление. Большинство верующих были смуглыми. Анвар был лишь на несколько оттенков темнее. Он мог бы сойти за рабочего с полей, его кожа была испепелена солнцем, час за часом на протяжении бесчисленных дней, хотя не солнце, а кровь повлияла на него.

Когда затихли последние ноты интроита, Анвар откинул куртку и открыл огонь.

Бедлам был мгновенным. Он стрелял с большой высоты, разбивая витражи один за другим. Крики и осколки свинцового стекла наполнили воздух. Прихожане падали на пол. Одежания хора развевались, как армия отступающих ангелов.

Анвар продолжал стрелять с большой высоты. Огни взорвались со стаккато хлопков огня и стекла. Свечи и распятия взлетали в воздух. Искры сыпались на трусящих прихожан, когда пули рикошетили от камня. Анвару не было

нужды стрелять в смертных. Они были всего лишь удобным источником хаоса и не заслуживали лишних страданий. Испуганные верующие бежали к любому выходу, лишь бы подальше от Анвара. Когда он сделал паузу, чтобы вставить новую обойму в Спектр, один храбрый, хотя и безрассудный молодой человек попытался схватить Анвара. Анвар остановил его жестким ударом руки в лицо, который сломал ему нос и заставил рухнуть на пол.

Анвар теперь стрелял с большими интервалами. Несколько выстрелов время от времени продлевали панику так же хорошо, как и постоянный огонь. Его время почти истекло. Он не ожидал сильной демонстрации силы от защитников Монкады, не здесь, не на таком публичном форуме. Эта демонстрация не угрожала бы кардиналу. Входы сюда было невозможно пробить, поэтому легионеры и гули могли позволить себе стоять в стороне и ждать.

Но они были бы разгневаны. Они не отнесутся к этому легкомысленно. В этом и заключалась идея.

С несколькими последними рывками Анвар выскочил через двери на улицы Мадрида. Никто из смертных из церкви не смог бы опознать его. Никто даже не смог бы дать точное описание. Он исчез в ночи, как будто его и не было.

Среда, 6 октября 1999, 12:16 AM
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

— Кардинал в купальне, — сказал Кристобаль, ведя Люситу через ряд запертых дверей и ворот, которые делали вход в убежище Монкады почти таким же трудоемким, как навигация по Панамскому каналу.

— Смахнуть пыль со старого бычьего хлыста? — спросила Люсита. Кристобаль был слишком серым и правильным, на ее вкус. Одного наблюдения за тем, как он методично отпирает и запирает каждую из многочисленных дверей, было достаточно, чтобы вызвать у нее ярость. Мрачный гуль также явно не одобрял, что она взяла с собой меч, хотя он никогда не был бы настолько груб, чтобы сказать об этом. Люсита покачала головой. Не похоже, чтобы она отрубила кому-то голову в святилище наверху. И она была достаточно осмотрительна, чтобы не исчезать в исповедальне на глазах у прихожан, прибывших на полуночную мессу. Вместо этого она воспользовалась другим входом, из нефа. Кристобаль, решила она, был слишком тугодумом для своего собственного блага.

— Кстати, — сказала Люсита, — Консуэла умерла.

Консуэла. В земной жизни — дочь Кристобалю.

Гуль на мгновение приостановился перед упрямым болтом, с которым он пытался справиться. Но только на мгновение. Затем засов перестал сопротивляться и захлопнулся. Когда он повернулся и двинулся к следующей двери, выражение его лица было безумно пустым.

Люсита схватила его за руку и остановила. Он смотрел на нее с некоторым любопытством — она мешала ему работать, — но без гнева, без грусти, без обиды.

Проклятье. Люсита знала, что если бы она была на его месте и получила такую новость, она бы надрала ей задницу. Кристоаль подождал, пока она отпустит его руку, а затем направился к следующей двери.

В этот момент началась стрельба. И она, и гуль начали. Звук доносился сверху, из святилища, подумала она. Кристоаль быстро вернулся к своей задаче, на этот раз работая с замками немного быстрее.

Оказавшись в самом убежище, гуль бодро зашагал по тенистым коридорам. Звуки выстрелов становились все слабее, пока он вел Люситу по наклонным коридорам и крутым, тесным лестницам. Стрельба должна быть как-то связана с Фатимой, предположила Люсита, но если только ассамиты не привели с собой небольшую армию — или, может быть, большую армию, — она не могла представить себе угрозу в результате лобового нападения. Значит, диверсия. Но зачем? Почему бы не попытаться напасть на Монкаду, пока он ослабил бдительность?

Люсита знала ответ почти до того, как вопрос сформировался в ее сознании: потому что она была там. Фатима предполагала, что Монкада будет предупрежден. Люсита впиалась ногтями в ладони. Значит, Фатима думала, что знает ее настолько хорошо. Это раздражало Люситу настолько, что она вдруг решила предупредить своего сира о том, кто именно охотится за его жалкой, небезопасной шкурой. Но так же внезапно ее охватила нерешительность. Фатима, с ее высокомерием и наглостью, заслуживала того, чтобы ей помешали. Но это было бы выгодно Монкаде, а этого Люсита не хотела. С другой стороны, мысль о ком-то еще — особенно если

этим кем-то была Фатима... уничтожение Монкады подняло настроение Люситы....

Она уже почти пришла к выводу, что ей следует просто убить всех и покончить со всем этим, когда они свернули за угол в коридор, ведущий в банную камеру. Звуки стрельбы, если она и продолжалась, не проникали так глубоко, хотя признаки активности были налицо. Альфонсо, возглавлявший легионеров Монкады, пока Вальехо был в отъезде в Новом Свете, как раз выходил из купальни. Проходя мимо, он отрывисто кивнул. Дверь была еще открыта. Кристобаль провел Люситу внутрь.

К счастью, на Монкаде было одеяние священника. В бассейне он не был голым, хотя и был — вода помутнела докрасна, и свежая кровь блестела на стеклянных осколках плети, висевшей на стене.

— Ах, моя дочь! — восторженно сказал он, казалось, нисколько не заботясь о том, что кто-то стреляет в церковь в нескольких сотнях футов над его головой. Он широко раскинул руки.

Люсита не спешила приветствовать его. Она стояла прямо перед дверью.

— Спасибо, Кристобаль, — сказал Монкада гулю, который выжидающе смотрел на него, все еще немного нервничая из-за стрельбы. — Все в порядке.

Кристобалю, очевидно, этого было достаточно, он поклонился и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь.

— Я рад, что ты вернулась ко мне, мое прекрасное дитя, — сказал Монкада. — Возможно, город сейчас не совсем безопасен, но тебе не стоит беспокоиться. Здесь тебе ничто не угрожает.

— О, я не волнуюсь, — сказала Люсита. Ее слова все еще были полны огня, но в животе вдруг стало пусто. Меч в ее руке, ее знак неповиновения, теперь казался ей детской игрушкой.

— Хорошо, — сказал Монкада, упустив — намеренно или нет — тяжелый подтекст ее сарказма. — Пойдемте, — сказал он и повел ее в другую комнату, расположенную дальше по коридору. Для человека такого роста его движения были удивительно ловкими.

Люсита неохотно последовала за ней. Эта комната, как и большинство других, была обставлена скудно: несколько крепких деревянных стульев и маленькие столики. В центре каждой стены висела икона — большая расписная доска с изображением христианского мученика: Святой Лаврентий на колосниках; Санта Лючия с глазами на тарелке в руке; Стефан под грудой камней; Юстас, которого готовят в полом бронзовом быке. Люсита всегда подозревала, что Монкада воображает себя кандидатом в мученики, и, вспоминая, какие неприятные концы встречали мученики, она была бы более чем счастлива помочь ему на этом пути.

Но сегодня, как и всегда, когда она находилась в его присутствии, когда представлялась возможность причинить ему реальный вред, она обнаружила, что ее воля иссякла, словно увядшая лоза. Она снова посмотрела на меч, который держала в руке. Она представила, как клинок отрубает голову ее сыну, и представила его в образе Сен-Дени, который поднимает голову и уходит. Стоя перед ним, она не могла поразить его даже в воображении. Удрученная, она прислонила меч к стене.

Монкада опустился на один из двух стульев по обе стороны стола. Над столом стоял шахматный набор, фигуры, расставленные для игры. Белые были сведены к нескольким пешкам и слону, а у черных оставались слон, конь и ферзь. Он

жестом указал на другой стул. Люсита подошла ближе, но не села. Монкада проигнорировал ее слабое проявление бунтарства.

— Дон Ибрагим в последнее время не заходит, — сказал он, — поэтому я сам себя испытываю. Не жалейте меня. Это не так уж трудно, — отмахнулся он от протеста, который она не собиралась высказывать. — Наконец-то я нашел соперника, которого никогда не переоценю, — самодовольно добавил он.

— Фатима здесь, чтобы убить тебя, — сказала Люсита. Она не хотела этого говорить, еще не решила предупредить своего сира. Эти слова просто... случились. И теперь уже было поздно что-либо предпринимать. Она растратила свою власть над ним, упустила одно из последних оставшихся у нее решений. Люсита пылала от ярости.

Брови Монкады коротко приподнялись, напрягая верхнюю часть лица. Но даже удивление, столь чуждое этим чертам, не смогло поднять его обвисшие щеки. Тогда он улыбнулся.

— Я бы предпочел, чтобы Вальехо был здесь, — сказал он серьезно, — но Альфонсо будет достаточно. Опасности нет.

Люсита, несмотря на свое желание убить его, не могла не поверить ему. Она, при всей своей ненависти, никогда не могла по-настоящему угрожать ему. Как могла Фатима, холодная и профессиональная, надеяться на лучшее?

— Я строил планы, — сказал Монкада, видимо, довольный тем, что тема Фатимы была исчерпана. — Теперь, когда ты вернулся ко мне, все почти готово. — Монкада небрежно протянул свою мясистую руку и положил палец на черную королеву — подобие Люситы, которую Викос создал той ужасной ночью много лет назад.

— Вы выполнили свою часть работы, — продолжал он, — а Викас выполнил свою. На самом деле, Викас поступил удивительно хорошо. Я ожидал, что его внимание будет рассеяно задолго до этого.

Люсита слушала, но понимала лишь частично. Она все еще была слишком потрясена предательством по отношению к себе, чтобы критиковать бредни своего сира. Со своей стороны, Монкада, казалось, наслаждался новизной понтирования перед послушным ребенком.

— Борхеса больше нет, — сказал он, — как вы так ловко подметили, а принцы американского Юга уничтожены или прогнаны. Они были такими замкнутыми, — он покачал головой в насмешливом стыде. — Каждый из них был мелким правителем, так ревниво относящимся к своему городу. Никаких договоренностей о взаимной обороне. Даже когда раздавалось предупреждение, каждый принц думал, что предыдущий город падет последним. — Он презрительно смахнул с края стола на пол захваченные белые кусочки.

— Уже давно были силы сделать это, но не было воли, — сказал он, растирая осколки по полу под своей большой сандалией. — Архиепископам и кочевникам просто нужна была твердая рука, чтобы направлять их. И, как известно, регент не собиралась руководить. Почему она должна начинать сейчас?

Люсита хотела отпрянуть от его растущего пыла. Она не хотела иметь ничего общего с его планами. Она не видела, что они имеют к ней какое-то отношение, но боялась, что это так.

— Сила камарильи в Вашингтоне сломлена, — сказал Монкада. — Те, кто остался, ютятся в

Балтимора, но еще не побеждены. А еще есть Полоний, оставшийся в живых архиепископ. Как только глупцы из Камарильи сделают свое дело....

Момент, которого боялась Люсита, наступил, когда взгляд Монкады упал на нее. Ей отчаянно хотелось наброситься на него и в то же время убежать от его присутствия, но она не могла сделать ни того, ни другого. Она не успела даже запротестовать, как он протянул руку и взял ее за плечо.

— Когда они зальют кровью нос Полонии, тогда Новый Свет будет готов, — сказал Монкада. Он смотрел на Люситу, но его видение было связано с преображенным миром. — Готов к тому, чтобы я встал во главе... с тобой рядом.

Он провел пальцем по руке Люситы — от запястья до локтя и плеча. Она вздрогнула, но не отстранилась. Его руки дрожали от возбуждения. Его глаза выпучились.

— Со временем, дочь моя, наша власть сравняется с властью регента. Там, где она властвует над дикими собаками, я подчиню их своей воле. И все, что принадлежит мне, будет принадлежать тебе.

Люсита почувствовала внезапное желание бежать, бежать от безумия своего отца. Но Монкада схватил ее за руку. Она подавила хныканье. Она не позволит себе ни этого, ни плакать. Она не даст ему этого сделать. Она могла бы принять окончательную смерть, но оставаться рядом с ним и выполнять его приказы... Оставался только смех. Холодный, пустой, маниакальный смех.

Звук жестокого отчаяния Люситы ударил Монкаду по лицу, выведя его из триумфальной задумчивости. Он грубо встряхнул ее, но смех не прекратился. Вместо этого он стал еще громче,

еще сильнее. Он сотрясал ее тело и вызывал слезы крови из ее глаз.

Монкада снова потряс ее. Они толкнули стол и сбили доску. Черный ферзь упал на пол и приземлился среди пыли и обломков белых.

Люсита не могла остановить смех. Безумие ее отца вырвало его из ее бесплодного чрева, как искалеченного, нерожденного ребенка. Он вывернул ей руку. Кость затрещала, но она все равно не могла остановиться. Не отпуская ее изломанное тело, Монкада поднял на нее руку, и первый удар обрушился на нее.

Первый, но не последний.

Среда, 6 октября 1999 г., 12:20 AM
Калле дель Сапо
Мадрид, Испания

Анвар отпрыгнул в сторону от слабого движения, которое могло быть и ничем. А может быть, это была одна из полос тени. Уголком глаза он увидел вспышку, которая была Махмудом, увидел тихий щелчок кнута и клочок темноты, разорванный на части, как клочок бумаги.

Теперь Анвар крутанулся и ударил своим катаром по другой тени. Лезвие встретило сопротивление. Тьма на мгновение отпрянула от него. Он последовал примеру Махмуда и начал двигаться. Трупы не были большой преградой. Анвар танцевал над ними и вокруг них, не теряя ни полшага. Тени не могли окружить то, что не могли поймать. Но тьма была повсюду.

Стрельба в церкви прошла так легко, как и взрыв, который Махмуд предпринял, чтобы выпотрошить одно конкретное хранилище в опере. Но когда они встретились в следующей точке отвлечения, как велела Фатима, сопротивление было быстрым и интенсивным. Упыри высыпали из бара, размахивая дубинками и ножами, стреляя из пистолетов. Это был менее живописный район города, где пьяные уличные драки были не редкостью, и где полиция не спешила вмешиваться.

Анвар почувствовал небольшое облегчение после того, как они с Махмудом быстро расправились с несколькими гулями, а остальная толпа в панике разбежалась.

Затем тени сомкнулись.

Теперь борьба шла за выживание. Почувствовав, что их отвлекающая задача выполнена, они с Махмудом попытались

уйти с поля боя, но тени были повсюду. Предположительно, в городе находилось всего полдюжины легионеров Монкада, но Анвар мог поклясться, что их было сотня. Куда бы он ни повернулся, тьма набрасывалась на него, хватала за ноги, за оружие, пыталась задушить со всех сторон. Время от времени появлялась твердая фигура, лишь на время, чтобы напасть, а затем исчезала, когда клинок Анвара раздавался в ночи.

Его раны пока были поверхностными, но они требовали внимания, им нужна была кровь для заживления. Махмуд сражался как одержимый. Его хлыст, лишенный звука, все еще сохранял свое жало.

Анвару нужно было лишь одно отверстие, чтобы ускользнуть в ночь, но на каждом шагу его подстерегали тени. Хотя битва еще не была проиграна, но и не была выиграна. Время и цифры в конце концов расскажут об этом.

Среда, 6 октября 1999, 12:22 AM
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Фатима отдалась беспомощности. Тьма держала ее. Нити тени обвились вокруг нее, прижали ее ноги вместе, а руки к телу. Несколько минут борьбы доказали тщетность этого пути. Тьма несла на себе тяжесть земли, силу камня. Она окружала и сковывала ее с неизбывной злобой.

Левиафан.

Тьма была его силой, и когда он потянул Фатиму за собой по проходу, тьма стала полной. Холод проникал даже в ее неживую плоть. Крики звучали в ее ушах — запертые отголоски отчаяния, давно озвученные замученными кающимися. Тень, так полностью завладевшая этим местом, поддерживала крики еще долго после того, как плоть и кости рассыпались в прах и исчезли из памяти. Инквизиция и исповедь все еще были здесь, и слезы предлагались в качестве последнего обряда.

Окруженная темнотой, тенями воспоминаний, Фатима познала собственное тихое отчаяние. Не потому, что она играла в азартные игры и потерпела неудачу, а потому, что она играла, желая потерпеть неудачу. Она была Фатимой аль-Факади, убийцей среди убийц. Был лишь маленький шанс, и она обманывала себя в том, насколько он мал. Махмуд, Пилар, даже Анвар не задавали ей вопросов. Возможно, им следовало бы. Допросить ее — значит доказать, что они не слабы, а мудры.

Но они приняли ее слова на веру. Они полагали, что она знает больше, чем они, об этом темном пути, о Левиафане. Все, что она знала, было догадками; все, что у нее было, было предположением — достаточным для того, чтобы она могла оставить их всех и прийти сюда, чтобы погибнуть во тьме,

чтобы меч был вынут из ее руки. Она надеялась отказаться от всего и остаться с Аллахом, но теперь — теперь, когда было уже слишком поздно, — она увидела свою ошибку. Аллах призвал ее к верности во всем, что ей было дорого.

Последствия не формируют веру — не для достойных. Однако последствия привели ее к этому, и она нарушила веру со своими братьями, с Люситой. Она поддалась отчаянию и отказалась от всех них.

Пыталась ли Фатима на самом деле избежать поимки, убежать от этого существа, которое, как она знала, где-то скрывается? Она не могла быть уверена. Она не могла доверять себе. Теперь было уже слишком поздно. Сомнения привели ее сюда, и теперь они утопят ее во тьме. Она ожидала, по крайней мере, облегчения от грызущего чувства вины, но и в этом она ошиблась. Теперь, когда действия были за пределами ее возможностей, когда больше не было шанса исправиться, сожаление не было изгнано. Это было все, что осталось.

Возможно, лучшее, на что она могла надеяться, — это забвение. Когда левиафан уничтожит ее, наступит покой. Даже если бы чудовище просто заточило ее в темницу, там были бы боль и безумие голода, но в конце концов оцепенение и покой. И за это придется заплатить не больше, чем за отказ от всего, что было ей дорого.

Сделка застряла у Фатимы в горле. Она подумала о Люсите, о том, как та однозначно отвергла бы такой компромисс. Фатима почувствовала этот вызов в своей крови — в крови Люситы, которая текла в ее собственном теле. Фатима рванулась к темноте, но едва могла пошевелиться. Ее воли не хватало, чтобы разделить тьму. Тьма приняла Фатиму. Она втянула ее в себя, крепко обняла. Левиафан был повсюду — на ощупь, на запах, на вкус.

А потом все исчезло. Тени не были такими всеохватывающими, и Фатима снова стояла на ногах. Крики остались в прошлом, а вместе с ними и отчаяние.

Оно знает кровь.

В жилах Фатимы текла кровь Хакима — и кровь Люситы. Кровь Монкады.

Оно знает кровь.

Фатима воспользовалась своим любовником, попала в его объятия под ложным предлогом. И вот теперь лжелюбовник получил возможность искупить свою вину. Сделка была расторгнута, а вместе с ней и сожаление. Фатима быстро двинулась дальше в логово теней, чтобы ее отсрочка не оказалась хрупкой и не вернулась вся тяжесть тьмы.

Среда, 6 октября 1999, 12:41 AM
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Туннель — Левиафана— вскоре уступил место лабиринтным переходам собственно убежища Монкада. Фатима шла вперед. На каждом повороте и в каждом коридоре ее встречали статуи и христианская иконография. Она чувствовала веру, испорченную тенью, которая пронизывала логово Монкады. Но Фатима тоже была существом верующим. Она не боялась ни небес, ни ангелов.

Повороты и изгибы коридоров показались ей почти знакомыми. Никогда прежде она не ступала в логово кардинала, но допрос Ибрагима Черной рукой был тщательным. Карты были выжжены в ее памяти. До сих пор они были точными. Она не сбилась с пути. Никто и ничто не бросало ей вызов.

Кардинал ревностно оберегал свое уединение. По словам Ибрагима, немногие слуги были допущены в самые верхние части его логова, и сегодня ночью гули и легионеры будут охранять входы, отвечая на нападения в этих местах. Теперь, когда она освободилась от удушающего присутствия левиафана, Фатима почувствовала вибрацию в кармане. Это был сигнал о том, что началась диверсия... и что Люсита вернулась к своему сиру.

Не нужно будет иметь дело только с Монкадой.

В итоге поиски Фатимы оказались гораздо проще, чем она ожидала. Прослеживая в уме схемы извилистых коридоров, она думала искать комнату за комнатой. Но ее слух различил вдалеке знакомый звук: тупое эхо удара плоти о плоть.

Фатима поспешила на шум разборок, зная, что там она найдет Люситу. Она мчалась по коридорам, которые знала, но не знала, мимо часовни, за угол, мимо скриптория. Она не остановилась в купальне, а прошла через нее, дальше по коридору. Она шагнула в открытую дверь.

Монкада был крупнее, чем она себе представляла, мощнее, чем можно было предположить по его обхвату. Он был одет в простые одежды и сандалии, и Фатима чувствовала запах его пота. Она следила за его кулаком, когда он ударил Люситу. Фатима вздрогнула, как будто удар пришелся по ее собственному телу.

Он держал Люситу за искаленную руку. Она была в сознании, и слабый звук, который когда-то мог быть смехом, исходил из ее избитой формы.

Фатима, доставая свой скимитар, бесшумно двинулась в сторону сира и чайлд. То ли Люсита взглянула в ее сторону, то ли Монкада был слишком внимателен к теням своего убежища, Фатима не знала, но он каким-то образом почувствовал ее присутствие и повернулся к ней лицом. Она отказалась от меча, достала пистолет 226 Sig и сделала три быстрых выстрела.

Монкада крутанулся с удивительной скоростью, и снаряд, который мог бы снести ему голову, вонзился в плечо и взорвался. Крупный мужчина пошатнулся назад. Он уронил Люситу и схватился за окровавленный клубок плоти, который был его плечом. Его левая рука бесполезно повисла на боку.

Внезапно его ярость, направленная на Люситу и ее вызывающий, безумный гогот, переключилась на Фатиму.

— Прекрати! — приказал он.

Ударная волна его голоса заполнила комнату, как приливная волна. Палец Фатимы дрожал на спусковом крючке — оставалось двенадцать разрывных патронов, чтобы превратить его в кровавое месиво, — но она не могла нажать на него. Она замешкалась на мгновение, но тут усики тени схватили оружие. Она нажала на курок. Часть потолка взорвалась. На них посыпались каменные осколки.

Не желая ввязываться в перетягивание каната, Фатима бросила оружие на усики и бросилась вперед со своим скимитаром. Но тени надвигались на нее. Она была по ним и уклонялась, но они заставили ее отойти от Монкады. Маневрируя, она одним движением руки перехватила свой джамбию в другую руку. Одним плавным движением она перерезала себе руку так, что кровь пошла свободно, и метнула клинок.

Усик тени преградил путь полета, но джамбия, омытая кровью Хакима, рассекла тьму и вонзилась в грудь удивленного кардинала.

Монкада взвыл от боли.

Рядом Люсита ползала на коленях. Фатима проигнорировала ее и двинулась на сира.

Но теперь действительно все тени ада ответили на призыв Монкады. Тьма хлынула из всех углов и щелей комнаты. Фатима могла бы с таким же успехом превратить ночь в день, чтобы избежать натиска, и, когда одеяло усиков опутало ее ноги, Фатима снова ощутила присутствие левиафана, не привязанного к одному далекому туннелю, но живого и распространившегося по всей этой подземной смертельной ловушке. Когда-то чудовище пощадило ее — узнало ее кровь, — но теперь оно подчинялось приказу своего хозяина.

Фатима бросилась на теневое существо, но поскольку комната превратилась в озеро тьмы, ей нигде было ускользнуть от его хватки. Ее скорость была бесполезна, так как тьма поднималась повсюду. Оно снова схватило ее, и хотя на этот раз она боролась без устали, результат был не более удовлетворительным. Усики сжимали ее, не раздавливая, но и не давая возможности вырваться. Возможно, левиафан был слишком смущен знакомой кровью, чтобы уничтожить ее; возможно, желание Монкады заключалось в том, чтобы она была пленницей.

Кардинал занимался своими ранами. Его плечо немного зажило. Он стянул джамбию с груди и лапал рану, которая не реагировала на его кровь, не заживала.

Сквозь тень двигалась Люсита, ее темные волосы были похожи на множество ниспадающих усиков. Она поднялась на ноги и достала откуда-то меч. Темная Роза Арагона стояла между Фатимой и Монкадой. Ее рука тоже частично восстановилась, хотя, очевидно, все еще болела, и она держала меч в левой руке.

Монкада улыбнулся сквозь собственную боль.

— Ты была совершенно права, моя прекрасная дочь. Похоже, мы захватили одного из язычников-ассамитов. — Его выражение триумфа сменилось озабоченностью. — Мы должны выяснить, как ей удалось забраться так далеко, — сказал он, его уверенность возвращалась по мере того, как он говорил. — Но мы не будем долго задерживаться в этих залах, независимо от этого. Мы совершим еще более чудесное...

Монкада, казалось, удивился, когда меч Люситы вонзился ему в шею. Лезвие разрезало мышцы

и сухожилия и вгрызались в кость. Люсита использовала свою свободную руку, и силы ее подвели. Она покачнулась на ногах. Монкада недоуменно перевел взгляд с меча, торчащего из его шеи, на своего ребенка. Его рот оставался открытым, но он, казалось, не мог подобрать слов.

— Моя дочь..., — наконец смог он, но все еще слова, чтобы выразить свое явное потрясение, ускользнули от него. С болезненным видом он вырвал из своего тела меч, теперь уже обломанный, и отшвырнул его в сторону. Звон стали о камень, казалось, оживил его, или, по крайней мере, выпустил наружу огромную ярость, зародившуюся в нем. Через несколько секунд его лицо стало темно-красным, а руки сжались в большие кулаки.

Он набросился на Люситу, и тыльная сторона его руки отправила ее в полет через всю комнату. Самоконтроль был для кардинала далеким воспоминанием. Он стоял, дрожа от ярости, с зажмуренными глазами.

— Да распахнутся для тебя врата ада!— — крикнул он наконец, и с этими словами тени надвинулись на Люситу.

Левиафан все еще крепко держал Фатиму. Это существо было более чем достаточно массивным, чтобы одолеть двух человек. Однако по тому, как усики тьмы обвились вокруг ребенка кардинала, Фатима почувствовала нерешительность теневого зверя. Ведь Монкада приказал ему не обездвиживать Люситу, не связывать ее, а уничтожить, сокрушить ее тело, пока от него ничего не останется. Фатима почувствовала это через тень, а может быть, это была общая кровь — от нее к Люсите и Монкаде — которая помогла ей прозреть.

Оно знает кровь.

Черный прилив левиафана смыл Люситу, как беспомощную корягу. Огромные щупальца поднялись из бассейна и окружили ее. Они сжимались с силой веков. Суставы затрещали. Кости начали трещать.

Но левиафан все еще колебался, не решаясь раздавить ее полностью, уничтожить сосуд с кровью. Фатима, так хорошо знакомая с отчаянием, почувствовала отчаяние этого существа — теперь ему приказано уничтожить кровь, которую оно было создано защищать.

Оно знает кровь.

Несколько секунд решимость теневого зверя колебалась... а потом он решился.

Пути тьмы, сковывавшие Фатиму, стали сжиматься сильнее; щупальца, удерживающие Люситу, снова натянулись — и огромные змеи тени вырвались наружу, чтобы заманить в ловушку самого Монкаду.

Если левиафан должен был уничтожить кровь, то он ее уничтожил.

Протесты Монкады были быстро подавлены. Он не мог набрать достаточно воздуха, чтобы говорить. Люсита перестала бороться, и Фатима, чувствуя, что хватка существа будет менее сильной, если она не будет сопротивляться, тоже лежала неподвижно.

Монкада, однако, метался и брызгал слюной изо всех сил. Его ярости не было предела. Сначала его дочь, а теперь его зверь-хранитель напал на него. Усики захлестнули его, как стая пустынных шакалов на свежую тушу. Они обхватили его ноги, туловище и руки. Вся его голова теперь была темно-багровой от ярости.

Когда усики начали ломать его кости, Монкада, наконец, совладал со своей яростью и обратил против чудовища силу своей воли, а не тела. Левиафан, творение Монкады, пошатнулось. Прилив черноты немного отступил. Легион усиков потерял унцию своей решимости.

Это было все, что нужно Фатиме. В тот же миг щупальца ослабили хватку, и она освободилась. Скимитар взлетел по широкой дуге, и она прыгнула на Монкаду.

Однако пожилой Ласомбра освободил свою руку от тени. Он заблокировал меч. Удар отсек ему руку — но он сохранил голову.

Теперь, находясь на близком расстоянии, Фатима притворилась скимитаром, но достала с пояса еще один спрятанный кинжал. Монкада не смог уклониться от клинка. Кинжал глубоко вонзился ему в пояс, но, получив рану, он смог, даже не имея руки, обхватить Фатиму. Он начал сжимать ее в своей мощной хватке, как это сделал левиафан несколькими мгновениями ранее.

Усики теневого зверя снова рванулись вперед и обвили Монкаду и Фатиму, сжимая их в объятиях. Под давлением Фатима почувствовала, что ребро поддается, потом еще одно. Она потянулась к кинжалу. Двойное медвежье объятие Монкады и левиафана сделало больше, чем она могла, чтобы загнать клинок домой. Монкада скорчил гримасу, когда джин-джин начал действовать.

Она знала жгучую боль, превратившую его живот в ад. Она повернула лезвие, распространяя яд. Но окончательное уничтожение Монкады не спасло бы ее. На краю ее зрения среди теней заплясали яркие огоньки. Одно из сломанных ребер пронзило кожу.

Когда сознание ушло, Фатима в последний раз призвала кровь, и она ответила ей. Ее лицо было прижато к груди Монкады. Она подняла голову, и на мгновение их взгляды, зажатые в сокрушительной хватке левиафана, встретились. В глазах Монкады отразилось ликование. Сквозь боль от разъедаемых внутренностей он испытывал радость. Радость от того, что Фатима встретит свой конец вместе с ним, и что-то еще — что-то, что Фатима могла прочесть только как исполнение.

Но потом кровь ответила ей по-настоящему. Она забурлила в ее горле и выплеснулась из рта в лицо Монгада. И там, где кровь Хакима касалась кафира, она обжигала. На этот раз Монкада нашла в себе достаточно воздуха, чтобы закричать.

Его кожа отслоилась до крови. Его глаза потускнели. Остались только тлеющие дыры. Кровь все еще текла. Фатима выплескивала ее с силой, пока ее силы не иссякли. Она рухнула на пол, только сейчас вспомнив, что удивлена своей свободой. Левиафан уменьшался. Щупальца отступили и превратились в ничто. Очаг черноты отступил к отдельным участкам в углах комнат.

Монкада издал последний беспорядочный крик, затем его голова исчезла, кровь разъедала плоть и кости снаружи, как и яд изнутри. Фатима была слишком слаба, чтобы откатиться в сторону, когда то, что осталось от его раздутой формы, рухнуло на пол дымящейся кучей. Пока она лежала оцепенело уставившись в потолок, по камням пошли трещины, и крошечные кусочки камня и раствора начали падать, как первые капли приближающейся бури.

Среда, 6 октября 1999 года, 1:10 AM
Calle del Sapo
Мадрид, Испания

Анвар и Махмуд стояли спина к спине. Их силы были на исходе. Каждый истекал кровью из ран, которые он уже не мог залечить. Анвар держал свой катар на боку, не в силах поднять клинок выше пояса.

Кружащая тьма приближалась. Теневые воины подошли ближе, чтобы убить.

— Быстрее, — сказал Махмуд, тыча предплечьем в Анвара, — возьми мою кровь, чтобы ты мог убежать, когда они набросятся на меня.

У Анвара было слишком мало сил для спора, но легким прикосновением он оттолкнул руку Махмуда. Анвар не будет единственным выжившим в этой битве. Успех миссии не зависел от того, удастся ли одному из них выбраться отсюда. Слава будет расти или падать вместе с Фатимой. Анвар уйдет с Махмудом или не уйдет вовсе.

Легионеры Монкада приблизились вплотную. Приближалась тьма, которая заберет Анвара. Слабость одолела его, и он оступился. Нет. Он сразу понял, что движется не он, а сама земля.

Словно в подтверждение его убеждений, еще один толчок сотряс землю под ним. Толчки были заметными, но не слишком сильными. Однако, судя по реакции легионеров, Анвар мог бы подумать, что сам мир раскололся на части.

Из теней доносились мучительные крики, а затем сама тьма завихрилась и закружилась. Вокруг двух убийц крики перешли

в высокочастотные вопли. Тени распались на отдельные черные циклоны, каждый из которых был не больше человека. Так же внезапно, как циклоны образовались, земля, казалось, втянула их вниз через крошечные отверстия, и неистовые вопли прекратились.

Среда, 6 октября 1999, 1:13 AM
Катакомбы, Иглесия де Сан Николас де лас Сервитас
Мадрид, Испания

Пыль и кусочки камня, падающие с потолка, казалось, неторопливо падали на пол. Фатима лежала на спине, наблюдая за ними, и думала о том, каким мирным это кажется. Часть ее сознания распознала соблазнительную приманку оцепенения. Ее тело было изранено. Она отдала много своей крови ради этой миссии. Монкада был уничтожен. Теперь, когда воля покинула его форму, его тлеющие останки рассыпались в прах.

Левиафан тоже исчез. Фатима остро ощущала его отсутствие. Дважды попав под его власть, она поняла, что его разросшаяся злоба — продолжение воли Монкады, наделенной жизнью, — проникла в каждую щель убежища кардинала. Теневой зверь был основой этого места больше, чем любой камень или раствор.

И теперь, когда его не было, камень и раствор поддавались. Пол и стены дрожали.

Какая-то рука схватила Фатиму за руку. Она подняла глаза и увидела Люситу, у которой изо рта текла кровь.

— Ты тоже пришел, чтобы убить меня? — спросила Люсита.

Фатима чуть не рассмеялась. В этот раз она не могла понять, сарказм это или нет. Наверное, да, решила Фатима. У Фатимы едва хватало сил, чтобы подняться в сидячее положение. С другой стороны, Люсита была не в лучшей форме.

В ответ Фатима наклонилась и нежно поцеловала Люситу, слизывая кровь с ее губ. Фатима была слишком слаба даже для того, чтобы побороть голод, который пробудил в ней дразнящий

вкус крови. Она была благодарна за слабость, за испытание, через которое они только что прошли. Это сняло с ее плеч необходимость принимать решение — хотя она прекрасно знала, каким будет это решение.

Они помогли друг другу встать на ноги. Фатима потратила несколько мучительных мгновений на то, чтобы потянуть себя за бок, натянуть кожу на выступающее ребро. Вместе они торопились изо всех сил, пока на пол вокруг них сыпались куски камня.

Они молча пробирались в темноте. Фатима вела их обратно по туннелю, по которому шла сама, а Люсита, казалось, была довольна тем, что шла рядом. Тени казались мельче, чем раньше. Тьма не была такой всепоглощающей.

Люсита первой поднялась на свежий воздух овощного ларька. Снизу, с грубо сколоченной лестницы, Фатима слышала, как Люсита бормочет проклятия. Когда голова Фатимы поднялась над землей, она увидела причину: Недалеко от Люситы стоял Анвар. Он был весь в ранах и синяках и выглядел так, словно в любой момент мог упасть от усталости. Но он держал пистолет-пулемет, направленный на Люситу. Когда к ним присоединилась Фатима, все трое стояли, поджав ноги, держась на ногах лишь усилием воли.

Усталый взгляд Анвара был тверд и победоносен. Он не сводил глаз с Люситы, хотя и обратился к своим братьям: — Я думал, вы выйдете этим путем.

Фатима знала, что было у него на уме и в сердце. Увидеть ее снова означало, что Монкада уничтожен, что их миссия была успешной. Его по праву переполняли гордость и удовлетворение. А тут еще и дитя кардинала. Больше не было никакой возможности поставить под угрозу миссию, не было никаких причин не уничтожить ее.

Фатима шагнула к нему. Она положила руку на дуло пистолета и спокойно оттолкнула его. Теперь он действительно смотрел на нее. Он бросил на нее вызывающий взгляд. Фатима держала его взгляд, пока он не отвел глаза.

Она оставалась там, держа руку на пистолете, пока не услышала, что Люсита ушла. Пока Люсита не ушла.

Анвар не задавал вопросов. Это было бы неприлично. Но Фатима знала, какую обиду она посеяла в его сердце.

— Она моя, — сказала Фатима.

Это имело для Анвара определенный смысл, но не отвечало на все его невысказанные вопросы. Почему бы не уничтожить Люситу сейчас, пока есть такая возможность? Фатиме не было бы стыдно принять помощь. Воля клана перевешивала вопросы индивидуальной гордости.

Но Фатима чувствовала, что доказала свою состоятельность. Когда-нибудь она разберется с Люситой. И если сны посетят ее до этого времени, если она предстанет перед судом глашатая... тогда, возможно, у Анвара появится шанс.